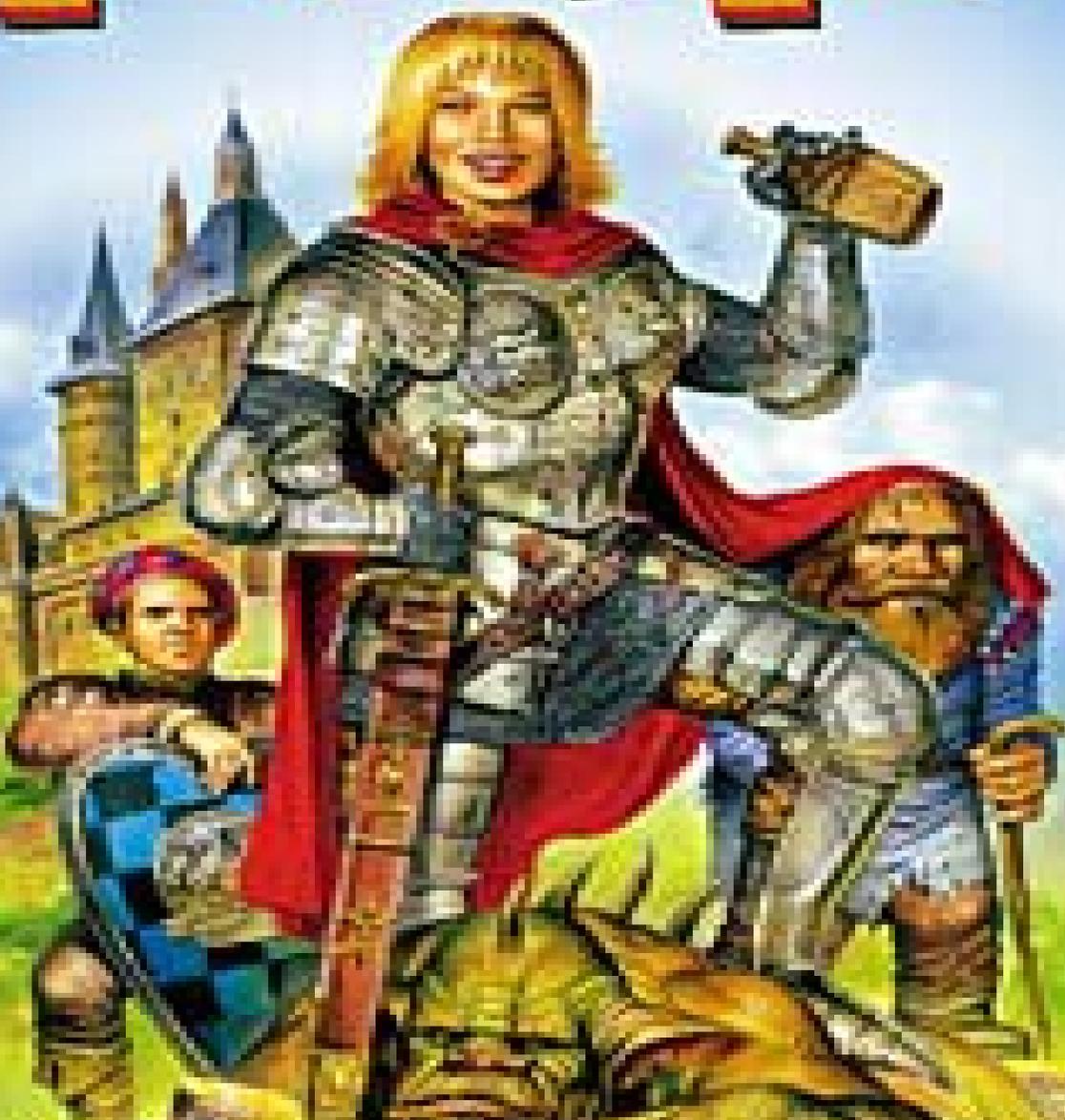

Екатерина Федорова

Леди-рыцарь

«Но спи, сэр Сорниго! Ты попал на среднюю, точнее — средневскую дорожку!»

Каждую секунду в каждом из множества параллельных миров угасают миллиарды жизней, прекращают свое существование целые цивилизации. Космическая Комиссия по сетевому спасению, а попросту говоря — КПСС, разрабатывает планы спасения от неминуемой гибели наиболее достойных, наиболее важных для общества (с точки зрения экспертов Комиссии) индивидов. Только вот незадача! И ТАМ возникают знакомые всем трудности — нехватка кадров, экономия ресурсов, перерасход фондов. А тут мы, земляне, всегда рядом. На сей раз выбор пал на слабого, но доброго Сереженьку, и задача перед ним поставлена непростая: чтобы вернуться на родную Землю, должен он во что бы то ни стало отыскать и спасти от смерти ребенка — малютку-короля Зигфрида. Дело осложнялось тем, что мир, в который попал юноша из XXI века, был миром мрачного и жестокого Средневековья. Тут уж либо пан, либо пропал.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба нашего героя, если бы не встретил он на лесной дороге прекрасную всадницу в полном рыцарском облачении...

Екатерина Федорова
Леди-рыцарь

Глава первая

УВЫ, ОНА БЫЛА СЛЕГКА ПЕЧАЛЬНА...

Котенок был почти незаметен на фоне жухлого осеннего газона — жалкий комок грязно-серой шерсти в мешанине порыжелой травы. В прежние беззаботные времена детства-отрочества Сергей его просто-напросто не заметил бы, поскольку допрежь не имел такой дурной привычки — озираться по сторонам, едва выйдя из подъезда. Прежние времена вообще были оазисом спокойствия и благополучия по сравнению с нынешними. Тихий домашний мальчик Сереженька измерял те дни исключительно прочитанными книгами, фильмами по телеку, уроками и редкими прогулками по пятаку перед своим подъездом. Приближение к кардинальной метке “совершеннолетие” исподволь изменило все. В его размеренную жизнь стали проливаться капли от первых мутных фонтанчиков сурового окружающего мира. Более взрослые и умудренные жизненным опытом и кое-каким образованием называют это явление “адаптацией в среде сверстников”, на деле же Серега просто тонул в лавине разборок и “мужских” разговоров, традиционно завершающихся драками. Драки выдерживались в стиле “кучей на одного” — особо любезном сердцам подрастающего юношества. Серега, уввы, почти всегда играл роль “одного” — по весьма простой причине: к своему совершеннолетию он пришел, не имея уличных друзей за плечами, — сказались тяга к замкнутости и несколько другой уровень развития...

Тихие и не от мира сего люди, попадая в подобные ситуации, поневоле приобретают одно весьма ценное для выживания качество, — они становятся зоркими и осторожными, очень и очень зоркими и осторожными. Учатся оглядываться и озираться на каждом шагу, в конце концов это проще, чем каждый раз врать родителям, скрывая истинные причины появления новых и новых синяков. И пусть это звучит совершенно не по-геройски, зато свидетельствует о полной психической вменяемости.

Серега сделал еще шаг и огляделся. Вереница соседних подъездов, рваной лентой убежавших к коробке продуктового магазина вдаль, была безлюдна. Скамеечки, тротуары, куцые газончики... Серое пятнышко на одном из газонов — блеклое, почти неразличимое. Он помедлил, но все же перешагнул через низкое, ему до колена, ограждение.

Идти было тяжело, ноги вязли в раскисшей от дождей почве. Подошвы скользили и тяжелели от налипших комьев грязи. На траве лежал котенок. Сергей внутренне содрогнулся. Не время на травке валяться, совсем не время. Он присел на корточки.

Котенок едва дышал. Крохотные клычки обнажились в нехорошем оскале. Меховой комочек, который, пожалуй, уже нельзя было назвать живым.

Серегина страсть к несчастным бездомным животным была тем качеством его природы, которого он сам стеснялся, но которую так и не сумело подавить в нем его нарождающееся эго половозрелой особи. Время от времени эта страсть добавляла неприятностей в его и без того сложную личную жизнь. Особенно в его отношения с родителями. Борьба Серегинной матери с этим недостатком сына была тяжелой, самоотверженной и бескомпромиссной. Начало ей было положено в те незапамятные времена, когда Серега только-только делал свои первые шаги по приподъездным тротуарам. С тех пор конфликт поколений перерос в настоящую войну. То родителям удавалось втихую от сына запихнуть очередную появившуюся в их доме кошку в машину и увезти ее на другой конец города, то вдруг Серега в течение нескольких дней скрывал от них присутствие в своем платяном шкафу еще одного

бездомного и голодного создания.

О том, чтобы притащить домой сегодняшнего найденыша, нечего было и думать. Мать дома, а у него сейчас занятия в колледже. Вариант с лестничной площадкой в его подъезде тоже не подходил — там уже жила одна весьма почтенная мать семейства, трехцветная мадам в компании четырех мячущих отпрысков. Соседи и родители, вначале крайне бурно отреагировавшие на ее появление, теперь мирились с новоявленной жиличкой как с кормящей матерью-одиночкой, которая к тому же была воспитанной, и кошачьи свои дела убегала делать на улице. В благодарность за это соседки (в число которых втайне от сына вошла и Серегина родительница) даже установили негласный контроль над тем, чтобы молоко в кошачьей миске не убывало. Но появление в их подъезде еще одной кошачьей особи, да еще и на последнем издыхании, могло существенно осложнить ситуацию...

Котенок слабо дернул лапкой, и Серега торопливо взял его на руки. Грязь, густо облепившая звереныша сверху и снизу, тут же украсила рукав его куртки. Сам Серега этого не заметил, погруженный в раздумья. Неплохо бы сунуть его в один из соседних подъездов, — но оставить полудохлого малыша на милость совершенно незнакомых людей? Хорошей идеей мог бы стать теплый подвал, но, увы... Все подвалы в его доме, как это и полагается подвалам бурного постперестроечного времени, были надежно запечатаны добротными полупудовыми замками...

— Смотри-ка ты, котенок! — жизнерадостно провозгласил вдруг кто-то слева и сзади. — Н-да, выглядит не очень.

Серега дернулся от неожиданности. И оглянулся. Сзади никого не было. Совершенно никого... Мокрая черно-серая рамочка дорожки вокруг газона, вся в радужных площадках луж, приподъездная скамейка — везде было пусто.

— Никак подышает? — снова бодренько зазвучало у Сереги в ухе. На него пахло ледяным ознобом. Почище, чем во время просмотра ужастика...

— Да, весьма вероятно... — задумчиво ответил другой голос, но уже в правом Серегином ухе. Или над правым ухом? Голос звучал чопорно и скрипуче.

Серега крутанул голову вправо, до хруста выворачивая шею. Окрестности газона и сам газон продолжали впечатлять полным отсутствием любого присутствия.

Голос справа продолжил как ни в чем не бывало:

— Как говорится, некоторым лучше просто помереть, чем сложно пожить. Не так ли, юноша?

Вокруг было типичное октябрьское утро — малышня в садах, ребячьи в школах, предки, как это им и положено, на работах. Вдали, у самого магазина, сиротливо посиживали на скамеечке две бабульки, на таком расстоянии сильно смахивающие на парочку нахохлившихся воробьев. Не было слышно хлопков подъездных дверей, не звучали удаляющиеся шаги... За шиворот медленно ссыпалось ледяное крошево и колким страхом пробирало аж до самых ногтевых пластинок. Такого ужаса он не испытывал уже очень давно — с того самого случая, когда с ним, шестилетним, вздумала поиграть заскучавшая овчарка. В памяти остались щелканье бело-желтых клыков возле щек, оцепенелая неподвижность в теле и замороженная боль в ухе, когда овчарка, разыгравшись, прихватила мочку зубами...

— Молчит, — скучающе сказали над левым ухом. — Совсем немой. От страха, что ль? А кому бедную животную от смерти спасти? Ну?

Надо вдохнуть. Выдохнуть...

— Что вы говорите? — поддержали диалог справа, в голосе звучало наигранное

удивление. — Какой пугливый юноша. Умоляю вас, друг мой, только не вздумайте чихнуть у него над ухом. А не то — упаси нас господь! Эксцессы случаются, знаете ли... А ведь памперсы в этом возрасте, как я припоминаю, уже не носят...

— Ждем-с! — издевательски рявкнули слева. — Думаем-с. И кто бы это мог быть, а? А животина несчастная тем временем подыхай. А я, может, голос твоей совести — это если она у тебя есть, совесть-то. Ну вот ответ ты мне, своей совести, как на духу — хочешь ты аль нет спасти бедную животную?

— Плохо слышащий юноша, — посочувствовали справа. — Пуглив, глуховат... Просто беда какая-то!

— Увы мне, — разглагольствовал басок. — У детинушки, похоже, губы от страха смерзлись. Ни тебе ме, ни тебе бе, ни тебе кукареку... Статуй с острова Пасхи! Ну? Хоть головкой-то кивни, горе ты мое луковое, в землю вкопанное! Чудо-богатырь без Суворова! Спасать аль нет кошку твою драную?!

Смысл слов доходил до Сергея медленно, с трудом, словно сквозь вату продираясь к сознанию. Почему-то он закивал... “Ну и что же я такое делаю?” — мелькнула у него на мгновение трезвая мысль и тут же пропала, потому что его вдруг обеспокоило совсем другое. Он никак не мог остановиться. Голова продолжала кивать, самостоятельно и судорожно. Словно принадлежала не Сереге, а китайскому сувенирному болванчику с вихляющей на ошейнике шеи муляжной головкой. Кивание продолжалось, мерное и неостановимое. Он ощутил, как из желудка по спирали всплывает к горлу тошнотворный комок. Окружающий Сёрегу мир вдруг покачнулся и мягко поплыл вокруг него. Пожухлая, словно ржавчиной тронутая трава, коричневые скелеты кустов, грязные рамки тротуаров... Все сплавлялось в полосы бурого, рыжего, серого. В какой-то момент он почувствовал, как все тело расслабленно заваливается назад и вбок, сохраняя при этом позу, в которой он сидел — с согнутыми в коленях ногами, с руками, прижатыми к груди, как у запеленатого младенца, на которых продолжал покоиться невесомо-холодный и по-прежнему неподвижный котенок. Серий мрак, словно пелена, разворачивался вокруг него. Затем пришла пустота, черная, липкая, с гулом в ушах, лезущая к нему в голову широким, разливающимся клином...

Он вроде бы спал. Но сейчас уже точно проснулся. Дремотно-оцепенелое тело покоилось на чем-то округлом и твердом, напоминавшем внутренность огромного сферического аквариума. Твердое и округлое было еще и очень холодным. У левого бедра ощущался мерно подрагивающий теплый комок. Серега приоткрыл глаза. Веки поднимались медленно, с невероятным трудом. Каждую мышцу тела наполняла вялая слабость, граничащая с параличом.

Прямо перед ним высилась белая стена, покрытая черными загогулинами в духе детской головоломки. “Доведи Аню до поезда”. Сверху лился ослепительно белый свет, режущий глаза. То ли от этого света, то ли от чего другого, но черные загогулины слегка мерцали. Боковых стен здесь не было, Серега, во всяком случае, их не видел. Пространство слева и справа терялось в серой дымке, сливавшейся на некотором удалении с густеющим черно-белым узором стены. Он скосил глаза вниз. Шевелящийся у бедра комок оказался серым котенком. Тот самый? Похож, даже очень похож, но вот только в отличие от того — жив, здоров и весел. Заметив дорожку серых шерстинок, тянущуюся по брюкам от бедра до колена, Серега вздохнул. Самому-то ему всё ничего, но вот мама... Мама, дама милая во всех отношениях, была крайне брезглива и чистоплотна — чисто кошачьи качества, вынуждавшие их обладательницу вечно воевать со следами кошачьего же присутствия на любых предметах

одежды.

Они с котенком сидели в огромном кресле, сделанном из чего-то вроде пластмассы оранжевого цвета, яркого до безумия. По форме кресло походило на сегмент сферы, довольно грубо от нее отпиленный. “Та еще обстановочка”, — мысленно констатировал Сергей. Если над всем этим и трудился дизайнер, то он явно сбрендил на почве абстракционизма. И основательно сбрендил, бедняжка... В общем, не комфортно здесь, не уютненько. И вообще, где это он, собственно? И как он сюда попал? Припоминая предшествующие обстоятельства...

Он с некоторым изумлением ощутил, что не испытывает ни страха, ни растерянности, находясь в этом месте. А ведь по идее должен бы. По сути, как ни крути, его похитили... Как? Накачали психотропными средствами... Однако каким образом? Выражаясь языком протокола (с коим он ознакомлялся по многочисленным детективам), имел место быть лишь телесный контакт с бродячим животным, предположительно из породы кошачьих (а почему предположительно — а как же, гражданин, пока нет официального заключения эксперта по кошечкам, пол животного не известен...) Делаем выводы — ввод предположительно психотропного средства осуществлен через шерсть вышепоименованного зверя. М-да, и воздушно-капельным путем от котенка в рот занесло...

Котенок тем временем бодро намывал себе лапку. Серый мех, который Сергей помнил слипшимся в мокрые перья от грязи, теперь буквально лоснился от здоровой чистоты. Котенка нимало не смущал ни интерьерчик для душевнобольных, ни сам факт собственного внезапного оживления. Сергей хмыкнул. Звук вышел странным, похожим на кашель, и прозвучал слишком громко в полной тишине, царившей вокруг. Котенок оторвался от увлекательного процесса вылизывания и выжидающе глянул на Серегу.

— Юный кошколюбивый друг мой! С радостью вижу, что вы уже вполне оправились, — скрипуче прозвучало вдруг в тишине откуда-то спереди и совершенно неожиданно для Сереги, который аж подскочил в кресле.

Голос был тот самый, который он слышал аккуратно перед тем, как упасть на газоне в черную мглу. Серега вновь подивился сам себе — ни страха, ни удивления. Невозмутим, как английский джентльмен, обнаруживший, что знаменитая английская булочка у него во рту уж слишком горяча...

Он поднял глаза.

Бело-черная стена исчезла, и прямо перед ним, почти упираясь в его колени, возвышался теперь черный письменный стол, невесть откуда здесь взявшийся. За столом сидел мужчина. Лицо вышеозначенный субъект имел унылое, вытянутое, прекрасно подходящее к скрипуче-вежливому фальцету, прозвучавшему ранее. Черные, аккуратно подстриженные под горшок волосы, напоминали шапочку. Одет он был... Сергей заинтересованно всмотрелся, даже один глаз прищурил для верности. Больше всего это одеяние напоминало набор металлических деталей, старательно и с некоторой долей фантазии изогнутых по форме тела. А затем и натянутых на это самое тело. “Латы, — подумал Серега. — Бог ты мой, латы?!”

Незнакомец сидел абсолютно неподвижно, вперив спокойный до отупелости взгляд в пространство над Серегиной головой. Словно специально предоставляя время и возможность получше себя рассмотреть. В облике рыцаря (ибо как еще можно назвать человека в латах?) проглядывало нечто величественное. Серегины “добрые друзья” по двору определили бы это тремя весьма емкими перлами дворового сленга — “крутой, прикинутый

и гонористый”. И заботливо переложили бы каждый перл матом.

Подзатянувшийся процесс рассматривания и раздумий, похоже, утомил мужчину в жестяном костюмчике.

— Молодежь! — патетически возвестил рыцарь (“И как еще руки не воздел вверх?” — подивился про себя Серега). — Молодежь нынче не та, что прежде. Вот мы! Мое время! Подвиги! Как мы их все совершали! Иногда, когда есть особенно хотелось, помню... Впрочем, это не сюда... Да! Мы сражались! С драконами! А с дамами! С дамами...

И рыцарь мечтательно воздел очи вверх.

— А... А с дамами... Зачем? — сначала робко, затем чуть посмелее спросил Серега.

— Что “зачем”? — недопонял рыцарь.

— С дамами зачем сражались?

У рыцаря, чуть лязгнув, отвисла челюсть.

— Это ты... ты... ну-у-у... Ты, в общем, недопонял. Или не расслышал. С дамами мы это... Ну-у... В общем, это неважно. Продолжаю...

— А с драконами как, сражались? — уже осмелев, съязвил Серега. Благо по морде его вроде пока бить не собирались. Хороший народ рыцари, у себя во дворе он бы уже давно схлопотал за такую резвость языка. — Или тоже — это, ну и затем то, что неважно?

Рыцарь поперхнулся и посмотрел на Серегу долгим укоризненным взглядом.

— Столь юное создание... — последовала глубокая пауза, — и такие намеки? Впрочем, продолжим.

Котенок умильно мяукнул и потерся ушастой головой о Серегино колено. У него явно были свои представления о том, как следует общаться с людьми и человеческими брюками. Серега вытянул руку и почесал кошачий загривок. Довольный звереныш, потянувшись, счастливо замурлыкал. Хвост описал петлю в воздухе и, изогнувшись крючком, ласково потерся о бедную брючину.

— Итак, — грозно неслось от стола, — конкретно о спасении этого котенка! Оно, несомненно, осуществлено по твоему желанию. Под давлением... Стоп, это не по твоему делу... Однако это рекомендует тебя для нас с лучшей стороны как... кхм... доброго и хорошего человека, во! Стало быть, ты нам подходишь. Мы тебе тоже, разумеется. Как братья по разуму, например. А теперь к делу. Ты мальчик не маленький и должен понимать одну непреложную истину — всё мы под богом хо... то бишь под начальством, под ним, родным! Разумеется, оно, родное, за нами бдит. Ночей не спит, все с боку на бок мозгами ворочает, — как бы мы фондов больше положенного не растравили, дел меньше положенного не наворотили... А вот спасение твоего облезлыша в энергозатратах обошлось нам на глазок... м-м... Как спасение четвертой степени, вот как! Н-да, оценил так оценил... Ну, видишь, как много? Между тем в отчете этот блохоносец не может быть проведен выше седьмой ступени! Масса маленькая, сплошные кости в шерстяном мешке, да и тот облезлый... Понимаешь?

Рыцарь выдержал долгую намекающую паузу, не сводя с него ждущего взгляда. Серега запоздало соорудил на лице вопрошающую мину.

— Вся эта разница — затраты, отчеты, в бухгалтерии баланс не сходится... Разницу надо закрывать! Пока что, конечно, нечем. Но вот если бы ты согласился нам кое в чем помочь... Ты ж нам обязан за этот блоходром. Как это у вас говорится — долг процентами красен, да? И дело-то пустяковенькое! Мелочь, ерунда! Там даже драконов нет, представляешь? Кажись, вроде бы нет... Сплошной райский сад! И всего-то дел — спасти

там одного человечка.

— Это в райском-то саду? — позволял себе усомниться Сергей. Легкость мышления у субъекта в латах была изумительнейшая.

— А ты что, Библию не читал? Даже в раю и то змеи были. Сплошные зеленые гады.

“Я сошел с ума и вижу сон шизофреника”, — с чувством подумал Сергей. Он, дворовая груша для отработки ударов, может кого-то спасти?

Ну разве что ведро от мусора. Или ковер от пыли. Да и то посредством пылесоса. Затащили в какое-то странное место. Вместо того чтобы вести разговор о том, как его вернуть домой, собираются затащить еще дальше. В неведомое место, где — вот радость-то! — драконов нет. С чувством глубокого внутреннего удовлетворения встретил советский народ эту весть...

Рыцарь медленно вертел в длинных тонких пальцах несуществующую ручку.

— Это печальная история, — кашлянув, осторожно сказал в полной тишине рыцарь, — весьма печальная. И печальнее всего то, что сами мы не в силах положить ей конец. Мы... Да! Черт! Тьфу, то есть пресвятой Боже, конечно. Прошу прощения, я опять забыл представиться. Я — благородный сэръ Монтингтон Скуэрли, пэр Дарди, сиятельный владелец Монтегийского... впрочем, нет, сейчас уже нет, и будь я проклят, если знаю, какая скотина сейчас владеет Монтегю-холлом... Ну, это я. А мы — это КПСС, Комиссия по сетевому спасению...

— КПСС?

— О, ну как бы тебе объяснить... Про идею множественности миров ты, конечно, слышал, об этом у вас целая куча книг и фильмов долдонит. Ты же у нас мальчик грамотный, да? Вот и умничка. Одни миры лучше, другие хуже. Некоторые вообще такие... Ну вот, те, которые получше, решили помочь тем, которые похуже. Не просто так. При поднятии суммарного цивилизованного ценза миров срабатывает фактор сообщаемости. Кроме того, снижается вероятность возникновения в будущем тоталитарной цивилизации со склонностью к геноциду. Как это у вас говорят — хочешь жить, умей вертеться, да? Вот они и вертятся. Так вот, в различных мирах ежедневно гибнут миллионы людей. По разным причинам и в различных ситуациях. И это различные люди! Некоторые из них... Это люди особые. Более важные для общества.

Ну вот, теперь кое-что начало проясняться. Благородные сэры и неблагородные смерды. Или как они там назывались во времена Монтегийских замков? Пеоны, холопы. В крайнем случае — вассалы.

— Всех, сам понимаешь, все равно не спасти. Спасаются всего лишь единицы. И этс должны быть особые единицы! Узлы в сети! Термина “сеть подъема” ты, конечно, не слышал... Теория узловых фигур... М-да, это тоже не про тебя... Тяжело работать с выходцами из отсталых времен! Короче, цивилизации идут вверх, опираясь на узловыы фигуры. Это я тебе упрощенно. Опираясь на константы Фергента и расчет случайных значимостей по Лабрису, мы, пользуясь формулами цикличного подъема в обычном четырехмерном пространственно-временном континууме...

— Трехмерном...

— Время есть четвертая координата. Особенно с точки зрения социопольности миров. И вообще, не перебивай, пока тебя не спрашивают. Ты ж все равно из эпохи незрелого капитализма... Собственно, психоисторическая линия развития наделяет Вселенную своего существования еще и пятой координатой, но эту теорию не все поддерживают ТАМ. Посему

умолчим об этом... Итак, спасению подлежат узловые фигуры подъемной сети цивилизации. Или те, кто таковыми непременно станет в будущем. Опираясь на них, цивилизации должны... Должны... Запомню, ставки кредитования — это к этой теме или нет? Хотя тебе-то откуда знать...

— Нет, ставки кредитования — это потом, — немного желчно сказал Серега. — Это когда вы в целях поднятия жизненного ценза начнете этим цивилизациям бусы по дешевке сбавивать. — Ужасно подковырнуть хотелось. Дома, на светлой редине, били за то, что слишком умный. Здесь издеваются над тем, что слишком глупый. И где же, спрашивается, золотая середина для обитания?

— Да?! — заинтересовался рыцарь. Заинтересовался настолько, что соизволил переместить взгляд с середины стола в район Серегиного подбородка. — Кое-что ты... Но больше не прерывай! Опираясь на спасенные фигуры, миры должны идти к лучшему. Как это у вас кто-то чудесно сказал: железной рукой мы загоним человечество к счастью!

— Ну-ну, — буркнул Серега. Предполагаемого автора фразы легко можно было вычислить. И от этого как-то сразу и сильно домой захотелось...

— Короче, счастье — это когда гибнет меньше быдла. В переводе для вас, начинающих капиталистов — налогоплательщиков. Все меньше и меньше! Что, по формуле Герхама, позволяет в будущем увеличивать размер ячейки сетевого спасения. Не снижая при этом эффективный охват! Существуют специальные службы для определения этих самых сетевых... Тьфу! Узловых фигур. Списки составляют, будущее цивилизаций прогнозируют, вот как вы погоду... м-да... и с такими же грубыми ошибками при этом... По этим спискам и прогнозам нам и спускают фонды энергообеспечения, подшитые к планам спасения... Но, сам понимаешь, если прогноз ошибочный, то и с энергообеспечением, как это у вас говорится, полный залет!

— Пролет... — автоматически поправил его Серега.

— Да ну? — поразился субъект в латах. — А у меня в языковом адаптере указано: “Залет — проблемное положение, возникшее по причине неверных действий другого лица”. Значит, неправильно?

— Ну, как сказать, — Серега слегка покраснел, — в общем-то, правильно. Но... Не для вас. Залеты — это... только у дам. После того как... ну, впрочем, неважно. По причине неверных действий другого лица...

Сэр Монтигтон Скуэрли тоже покраснел. Только в отличие от Сереги очень сильно. До цвета красного знамени.

— Да как они могли... Как посмели! Мне, благородному рыцарю, в боях и со славой прошедшему... И чтобы я сказал такое! Меч мне! И лингвиста сюда на стол! В салат порублю!

Серега заинтересованно повертел головой. Кто их знает, какие тут в этой КПСС нравы... Может, у них и правда так увольняют — рубят салат на столе?

Увы, с лингвистом на блюде никто так и не явился. Рыцарь, выпустив благородный пар, из ярко-красного постепенно доцвел ликом до бледно-розового.

— Короче, прогнозы часто ошибочны, и энергоресурсов вечно не хватает. А у нас тут, как на грех, такая ситуация! Такое делается!

Рыцарь со скрипучим стоном ударил себя в грудь могучим кулаком в надраенной до блеска стальной рукавице. Грудь глухо загудела, как колокол. Котенок подскочил и, моментально вычислив направление предполагаемого удара, напружинил спину и распушил

хвост. К встрече с гипотетическим агрессором (в роли коего выступал для него рыцарь) уличный бродяжка был готов.

— Фондов нет! — возопил тем временем человек за столом. — Энергообеспечение на нуле! Мало нам этого, так еще, в довершение ко всему, появляется какой-то вонючий колдун со своими паршивыми фокусами и устраивает сплошной бардак на целой планете! Вышвыривает агентов КПСС из своего мира и наглухо его запечатывает! Да это просто средневековье какое-то! Феодал! Садист! Плантатор! А кто будет спасать тех, кто этот мир железною рукою... в светлое будущее? Зверь! Деревенщина! Ну вот ты скажи, голубчик, ну чем ему наша КПСС помешала? А? Ну ошиблись раза два... ну это только в вашем мире раз два... но с кем не бывает? Иосиф Виссарионыч и Адольф Шикльгрубержыч казались с первого взгляда такими симпатягами. Ну промахнулись в бюро прогнозов с определением психической константы, ну и что? Вас же все равно сейчас больше шести миллиардов!

Котенок торжествующе мяукнул и растопырился у Сереги на коленях, надежно прикрыв собственным телом свое личное прирученное животное, то бишь Серегу. Враг-рыцарь, по его мнению, сдрейфил, так и не решившись вступить с ним в открытый бой.

— Мир запечатан, — жаловался рыцарь котенку, не сводя глаз с серого звереныша, — энергофондов на вскрытие магических печатей нет. А лицо, требующее спасения, есть! Более того, все это время, пока мы безуспешно пытаемся вскрыть этот мир подручными средствами, оно вроде бы продолжает оставаться в живых. Но, безусловно, на грани смерти! И так уже целых два года. Ситуация требует срочного разрешения! И мы уже в отчаянии! Бедное дитя!

— Речь идет о ребенке? — изумился Серега.

— Не просто ребенок — король! Король целого континента, могущественный сюзерен, милорд и лорд, с родословной не хуже той, что была у моей борзой! Но пока — да, просто пятилетний ребенок.

— Пятилетний ребенок — король? Но тогда... Что же может ему угрожать? М-м-м... Смерть от поноса? Настолько болен? Или...

— Или! — отрубил рыцарь. — Их бедлам еще похлеще вашего. Родители ребенка под тяжестью королевских трудов безвременною смертью помре. Папаша на парадной королевской охоте сабелькой не так замахнулся, вот его и слопал кто-то там. И откусил-то зверь всего кусочек, да вот незадача, голова короля оказалась именно тем кусочком... Мамаша глубину выреза у бального платья не рассчитала, просквозило ее на балу. Умерла от простуды — смерть истинно благородной дамы! Ах эти прекрасные и слабые создания... Сыну их тогда только-только годик исполнился. Ближних родственников у малютки-короля не оказалось, — тут еще бабушка с дедушкой постарались, знали, что на сынка единственного нельзя положиться в суровом вопросе прополки родственных огородов. Глуповат был, недалек. Такие о заговорщиках узнают только тогда, когда те уже в спальню к ним заходят... Вот и пришлось его маме-папе порадовать за династию. Секрет королевского яда “годзынна”, кстати, ушел в могилу вместе со старой королевой, утерян еще один великий секрет цивилизации... Ну вот, при малютке-короле собрали регентский совет из самых именитых дворян. Э-э-э... Там у них что-то не заладилось. Склоки пошли, интриги, казнокрадство всякое. Дальше-больше, больше-дальше... Налоги взлетели, доходы казны упали. Вот такие вот экономические горки получились. Народишко от твердой власти поотвык. Все это тянулось года два. Как там один поэтишко жаловался: “...година смут, предвестница печалей, она пришла, но авгуры смолчали”. Каково, а? авгуры... Это что, те,

кто в августе родился?

— Авгурь, — решился проинформировать сэра и пэра Серега, — это предсказатели.

— А-а. Ну так бы и сказал. Между тем в одну ничем не примечательную ночь королевский дворец сгорел. Дотла. Даже камни, говорят, поплавились. В огне погибла королевская казна. Во всяком случае, было объявлено, что погибла. Всякий умный человек понимает, что погибать там было абсолютно нечему. Все заботливо разворовали задолго до пожара. Еще сгорели фальшивые королевские регалии, знаменитая королевская коллекция оружия. Я лично и за оружие спокоен — подлинники вещь дорогая, наверняка их задолго до пожара разобрали по замкам... Люди спаслись все. До последнего дворцового служки, до самого распоследнего поваренка. Дисциплинированная королевская стража даже узников из дворцовых казематов успела эвакуировать. Короче, все спаслись. Кроме короля. Гувернантка в ту ночь в городе заночевала — у кузена свадьба, кормилица осуществляла в дворцовом госпитале отходняк с перепоя. Няньки-служанки на свиданках-гулянках с гвардейцами... А после пожара переглянулись... нету мальчика. Вот тогда уж “година смут” кончилась, и началось... Каждый сеньор стал сам себе король, дороги в запустении, торговля в небрежении и захирении, бандитизм повсюду махровым цветом зацвел... Мерзавцы! Скоты, одним словом. Я бы их всех...

Рыцарь удрученно махнул рукой и погрузился в думы о борьбе с бандитизмом.

— Значит, он погиб, малолетний король? — осторожно вклинился с вопросом в его печальные думы Серега. — Кого же тогда нужно спасать? Или есть еще один? Ужасно люблю сентиментальные истории об индийских близнецах...

— Индийские близнецы? Сентиментальные истории? О чем толкуешь ты, юноша? Ужель очерствело настолько сердце твое и лишь смешное видишь ты в злоключениях несчастного дитяти самых благородных кровей?

Серега смиренно опустил глаза долу и изобразил на лице раскаяние.

— Вижу, осознал ты ошибку свою. Похвально. И не забывай — ты добрый! Добрый и милосердный! Именно за эти качества мы тебя и выбрали. О деле... Мы, то есть агенты КПСС, все руины дворца обшарили самым тщательнейшим образом. Есть такой мини-молекуляр, детектор, обнаруживает следы органики в любой среде. Человек — это ведь, по сути, всего лишь высокоорганизованная органика. Так вот, никаких следов присутствия... бывшего присутствия человека или человекоподобного существа в обгорелых руинах не обнаружено! Понимаешь, что это значит? Никто, живой или мертвый, но относимый к высокоорганизованной органике, там и не лежал! И дворец странненько так запылал, сильно, но без спешки. И! — Рыцарь многозначительно посмотрел Сереге в глаза. — Тайно проведенное расследование показало, что возгорание началось одновременно на всех этажах дворца и... словно бы разом загорелись все стены понизу. Свидетели вспоминают — горели не сгорая. И с час дворец этак... неопалимой купиной полыхал. А потом пламя как рвануло! И за считанные секунды все выгорело в прах. Но мальчика там не было — это точно. А ведь какой король должен был быть! По данным бюро прогнозов — узловой тамошней сети, спиннинг тамошней истории, верша, сачок прогресса! И вот только-только мы эти данные, как дважды два, сложили, фонды на поиск и спасение отрезервировали, декларацию по границам дозволенного вмешательства утвердили, к поиску кандидатов на должность агентов по спасению для этой операции приступили, как... раз! Местный колдунишко Мерлин Мурло припадочное берет и накладывает на все точки порталных переходов запирающие заклятия! Мол, не зайдет сюда да не выйдет отсюда никто, ни мужчина, ни

женщина, ни лицо преклонного возраста! И все, погибай там бедное дитя без участия КПСС!

Котенок, уже привыкший к грозному рыцарскому реву, мирно спал у Сереги на коленях. Рыцарь, закончив тираду, теперь сокрушенно вздыхал. Короче, все были при деле. Одному Сереге было не по себе. Агент по спасению из него — курам на смех. Борьбе с магическими заклятиями не обучен. Вообще никакой борьбе не учен. Книжный червячок Сереженька...

— Но! — провозгласил рыцарь, уперев кулаки в столешницу. — Проклятый колдун все же кое о чем позабыл! Вот дьявольское семя, и куда только тамошние попы смотрят! Всегда уважал вашу инквизицию за ее самоотверженную борьбу с этими отродьями сатаны. Хотя колдуньи у вас были ничего... Так вот, Мерлин Мурло забыл сказать, то есть забыл добавить в свое заклятие: “ни отрок, ни отроковица!”. Понял? Сам понимаешь, мужчиной тебя не назовешь, ты же у нас... точнее, ты у своих родителей — девственник. Ну не смущайся, не смущайся, здесь все свои, никаких посторонних, то есть дам. Дам не дам... Девственник, хо-хо... В вашем мире вроде бы еще и Лохнесское чудовище есть какое-то, да? Богат ваш мир на редкости, богат, богат...

Серега сидел, устремив взгляд на носки собственных ботинок. Уши пылали, как две лампы Ильича.

— И ты явно не лицо преклонного возраста. Да еще и добрый, хо-хо! Словом, со всех сторон наш человек. И вот теперь! Судьба целого мира! И все в твоих вялых пальцах. В воинской науке не силен, методике выживания в вариационных мирах не обучен... Ну да тут ничего не поделаешь, зато сердце у тебя... это, как его... вспомнил — доброе! Как раз только кошек спасать. И о чем только думают наши прогнозисты? Впрочем, сомневаюсь, что они вообще думают. Но эти умники твердят, что в предстоящем деле именно эта, как ее... черт, все время забываю... доброта, во! Доброта будет единственным шансом на спасение и для малолетнего короля, и для того дурака, который, кхм... Ну, это к делу не относится. В общем, для тебя все просто, как для вашего героического смерда Ивана. Кстати, все никак не могу понять, почему ваш царь-батюшка не дал ему рыцарского звания. Драконов бил, девиц от чудищ спасал...

— И в народе звался дураком, что есть приблизительный синоним слова “рыцарь”...

— Не перебивать! Мы забрасываем тебя туда, кстати, вместе с твоей кошкой, она нам тут не нужна. Нету у нас в планах спасения гибнущих блох, для которых требовался бы шерстяной заповедник. Ты проводишь какое-то время в этом дивном месте... слушай, это же почти каникулы! И вернем мы тебя домой в ту же самую временную точку, из которой взяли... Ты рад? Рад, по лицу вижу. А что это ты так сморщился? Здесь вроде бы ничем плохим не пахнет. Или сидеть неудобно, в заднице колет? Ничего, вот посетишь там несколько прекрасных замков, развеешься. Кстати, в этих замках, по нашим сведениям, могут содержать малютку-короля. Списочек замков мы тебе вручим, предполагаемый образ мальчика нарисуем. И помни, путь домой для тебя и этого облезлыша лежит через это задание. А как же, дорогой, возврат — это опять-таки энергозатраты... Жить будешь под видом... О, ты будешь менестрелем! Песенки-басенки.

— Что? Менестрелем? — решил на пробу возмутиться Серега. — Это, как я помню, что-то вроде шутов?! Артисты легкого жанра... Песенки-побасенки — а знаете что, сэр, не пошли бы вы... Я вам что — Кобзон на выезде?

— Наплетешь им там что-нибудь, — безразлично махнул рукой рыцарь. — Там любая чушь за передовую лирику сойдет. Выкрутишься. В крайнем случае будешь свою кошку за деньги показывать, у них там таких уродин нет. Должен же ты как-то зарабатывать себе на

пропитание.

— На пропитание? Вы же должны давать своим агентам средства. В разного рода спецслужбах...

— Фондов нет, — огрызнулся рыцарь. — Энергоресурсы на нуле. И все из-за твоей кошки! Благодаря таким натуралистам, как ты, скоро по мирам пойдем с протянутой рукой!

Показалось Сереге или нет, но уши рыцаря слегка заалели.

— Самое главное для тебя — найти мальчика. Или его следы. Если удастся найти мальчишку, приведи его к точке перехода, попытаемся вытащить вас оттуда. В крайнем случае вернись сам, но с информацией. Запоминай все. Разговоры, намеки, покашливания... Слуги зачастую знают больше своих господ. Последний поваренок знает, увеличилось или нет население замка за последнее время. Если гость тайный, то в буфете, куда он тайком по ночам лазает, будет оставаться меньше еды. Прачке придется стирать больше белья, ведь это же маленький ребенок! И помни — отсутствие информации тоже информация. Иногда молчание красноречивее слов. В общем, сообразишь по ходу действия. Да, и помни, главное — это доброта! Доброе сердце, милосердие и прочие дамские слюни... Ну, вроде бы все...

Рыцарь торжественно извлек из какой-то щели в своих доспехах нечто матерчатое, по формату смахивающее на скатерть, а по дизайну на носовой платок, и принялся обтирать вспотевшее лицо.

Серега ошарашенно молчал. В его согласии вроде бы никто не нуждался.

Список, который ему вручили, состоял из восьми (восьми!) замков.

Глава вторая

В АЭРОПОРТУ НАШУ ДЕЛЕГАЦИЮ ВСТРЕЧАЛИ...

Ощущения, которые приносит переход в другой мир, были ему уже знакомы. Тошнота, головокружение, окружающий мир начинает вертеться и кружиться вокруг тебя, и затем мрак и пустота. И в довершение всего внезапное пробуждение из небытия сна. С полным ощущением всех комков и кочек, по которым, как масло, размазано твое тело.

Сергея открыл глаза.

Безумно яркое синее небо сияло высоко вверху, в серебристо-кружевных древесных кронах.

Многоголосое пение никогда не слышанных им раньше птиц. В незнакомом мире пахло пряно, сладковато и удивительно приятно.

Он поморгал глазами, выходя из расслабленного состояния покоя, слитого с каким-то почти растительным блаженством от созерцания чужого и бесконечно прекрасного мира.

Итак, первое — он лежит на каких-то весьма жестких комках и узлах. Второе — если это лес, то комки и узлы — это сучья и древесные корни.

— Летайте сюда только самолетами Аэрофлота, — посоветовал он неизвестно кому и кое-как сел.

Окружающий лес некоторое время весело танцевал перед глазами, затем успокоился и занял приличествующее ему вертикальное положение. Огромные, в два обхвата древесные стволы колоннами взлетали в небо. Кора на них была гладкая и тонкая, серо-голубая. По земле стелился коврик реденькой сине-зеленой травы. Котенок, переживший вместе с Сергеем уже второе по счету перемещение в неизведанные дали, вальяжно возлежал неподалеку, раздраженно подергивая хвостом. Команда “Альфа” была в сборе.

Еще какое-то время было потрачено на то, чтобы восстановить в памяти последние ценные указания сэра Монтингтона Скуэрли. Придя в себя, иди прямо по солнцу и тогда, спустя какое-то время, непременно попадешь в замок Балинок-Деде... Означенный замок принадлежал виконту Баленсиаге и значился пунктом первым в списке, который был вручен Сергею сиятельным сэром от КПСС. Возглавлял, так сказать, перечень предполагаемых узилищ...

Он поискал глазами местное светило, и в конце концов обнаружил его у себя за спиной. Солнышко было небольшим, жемчужно-желтым и стояло в данный момент относительно низко над горизонтом. Впрочем, как знать, возможно, для этого мира это как раз и было высоко. В любом случае убираться отсюда следовало как можно быстрее. Вероятность того, что здешнее светило уже низко и даже клонится к закату, была достаточно велика. Перспектива провести ночь в лесу ему совсем не улыбалась. Не агентское это дело — ночевать в лесу, аки бомж неприкаянный...

Куртку и свитер пришлось снять, идти в них было жарковато. Котенок сидел на плече, надежно, как якорем, уцепившись коготками за воротник Сергиной рубахи. Поразмышляв на ходу, Сергей решил назвать его Мухтаром. Имя подходящее, а задатки бойцовские у безымянного звереныша были налицо. На плече котяра посиживал вольготно, сохраняя, однако, исключительно деловой вид — ни дать ни взять хороший и честный мент, ведущий в

отделение плохого дядю...

Дышалось пряным воздухом легко. Светило, по направлению к которому он шел, то и дело пряталось за могучими стволами. Слава богу, кроны у этих гигантов были негустыми, жиденькими и посему солнца полностью заслонить не могли. Он шел ходко, ровно, ноги двигались абсолютно независимо от головы, а в голове тем временем, как жернова на мельнице, крутились всякие назойливые мысли. Согласятся ли в замке Балинок-Деде приютить его хотя бы на одну ночь? И какими, собственно, словами ему следует об этом попросить? “Полный я пень в вопросах средневекового этикета, — печально резюмировал Сергей. — Предположительно средневекового, судя по всяким там виконтам и их замкам. Будем надеяться, что хоть с языком-то проблем не будет, в чем клятвенно заверял этот рыцарь от КПСС”.

Перед отправлением в это дивное местечко его не слишком вежливо запихнули в пеналообразную ячейку без света. Она шибко напоминала ячейку заграничного морга — из заграничных фильмов, разумеется. Его погрузили в короткий сон, после которого он проснулся весь в поту, как после хорошего, выдержанного в духе Стивена Кинга кошмара. Рыцарь кратенько проинформировал его, что это и была “звуковая адаптация”. Будем верить, что теперь словарного запаса у него хватит на то, чтобы хоть хлебца кусочек попросить. Или глоточек водицы. А то так пить хочется, что и переночевать негде...

А вот с его прикрытием дело обстояло гораздо сложнее. Песенки и басенки... Тут словарным минимумом никак не обойтись. И не верилось ему почему-то в достаточную компетентность лингвистов из КПСС. Уж если они залеты с пролетами путают...

Почва под ногами начала полого понижаться. Склон. Лес здесь сползал во впадину, напоминавшую по форме чашу с плоским дном и конусообразными скатами. Довольно глубокую и широкую. Чем ниже он спускался, тем более влажным и прохладным становился воздух, почва под ногами заметно помягчела, напоминая почву болотистых низин там, на его Земле. Пряный запах усилился. Он стал тревожащим, рождал какие-то странные предощущения... Близость чего-то... Или кого-то... Зверь, прячущийся во влажном сумраке впадины? Но страха он не чувствовал. Враждебность... ее не было в окружающем его мире, в этой впадине. Во всяком случае, пока — не было...

Внизу, на самом дне котловины стояло каменное нечто. Сооружение, нет, скорее какой-то ансамбль из камня, почему-то смутно ассоциирующийся с архитектурными изысками майя. Древних майя. Хотя Серега здесь был не силен. Его познания в этой области не выходили за границы популярно-познавательных передач. М-да... Какие-то фигуры насекомых в какой-то там пустыне...

На ровном пяточке дна лежало что-то вроде гусеницы из каменных блоков. Блоки имели одинаковые квадратные основания, но отличались по высоте. Они то поднимались лесенкой, то снижались, образуя угловатые волны. Гусеница была скручена спиралью.

Серега, заинтересованный, подошел поближе, погладил холодный камень. Поверхность была шероховато-ноздреватой, в желобках и впадинках. Следы грубой обработки. Соскобы, сколы. Он скользнул глазами по уходящей от него каменной волне. Насколько он мог судить, все блоки несли на себе те же самые следы, следы чьей-то работы. И... Сейчас он уже не назвал бы эту работу грубой, скорее она была нарочито грубой. Во всем этом чувствовался какой-то смысл, присутствие определенного стиля и манеры исполнения, в изобразительном искусстве, как помнится, именно стиль и являлся средством выражения идеи автора. Не важно, что нарисован всего лишь квадрат, важно, КАК он нарисован... Под кончиками

пальцев был чей-то труд, напряженный, тяжелый, во имя неведомой цели. Он почти увидел... человека, склонившегося над этими камнями, пот, текущий по худой, согнутой в три погибели спине. Камни, простые и вечные, как сама жизнь. Роса, собирающаяся по утрам в чашечках выбоин. Солнечные лучи, согревающие камни и осушающие росу... Дорожка, вьющаяся между спиральными кольцами гусеницы. Она была едва заметна под ковром густо-изумрудной травы.

И все же она была.

Он осторожно сделал шаг, другой. Ничего не случилось, не выбежало из-за деревьев племя дикарей, потрясающих копьями. И разгневанный старик-шаман не явился на защиту каменного святилища, сыпя проклятиями. Было тихо и пусто, как в давно покинутых руинах храма...

“Пересмотрел ты фильмов об аборигенах Центральной Америки, — укорил себя Серега. — С чего ты вообще взял, что это место особое?”

На крайнем камне гусеницы, находившемся в самом центре спирали, лежало нечто.. Крохотное и белое. Какая-то игрушка. Ничем иным это быть не могло, по его мнению. Хотя, возможно, создатель ЭТОГО имел иное мнение. Вариантов тут было множество — амулет, местная монета, лопаточка для накладки румян, в конце концов.

На каменной плоскости лежало подобие крохотного кинжальчика, покоящегося в узорчатых ножнах. Материал напоминал кость, снежно-белую, бархатистую на ощупь. По кости шли резные завитушки, поверху усеянные тонко прорезанными звездочками. На дне каждой мерцал искрой крохотный камешек, глубоко вделанный в кость. Игрушка была удивительно красивой. Такой мог бы играть... скажем, принц. Или маленький король... Серега, нахмурившись, посмотрел на камни. Ему, если он все-таки по невероятной случайности встретит мальчика-короля, что-то подобное очень даже пригодится. Дети любят игрушки, а игрушки, в свою очередь, должны радовать детей. Он успокоил этими соображениями слегка зудящую совесть и удовлетворенно сунул кинжальчик себе в карман.

Правда была в том, что ему ужасно хотелось взять с собой эту вещицу. Он чувствовал себя неловко, но абсолютно ничего не мог с собой поделать. Желание, плещущееся сейчас в нем, было сродни kleptomании (сиречь болезненной страсти прибирать все, что плохо лежит) и решительно не поддавалось укороту. Никак. Вещица была прекрасная. Чудесная. Кончики пальцев все еще помнили ощущение нежной прохлады, струящееся от резной кости.

Он прошел по спиральной дорожке обратно к голове гусеницы — или к хвосту? Вот где бы пригодился путеводитель... и стал подниматься по склону вверх, к солнечным лучам, которые покатым настилом легли над впадиной — солнце садилось. Вниз, в котловину, его лучи уже не доходили. На самом краю впадины он оглянулся. И неожиданно в глаза ему блеснула белая черточка на центральном камне гусеничной спирали. На том самом камне, с которого он только что взял кинжальчик.

По спине дохнуло холодам. Ну как же ему надоели все эти странные неожиданности и дикие загадочности... Сергей медленно, нерешительно повернулся и спустился вниз, в котловину. Почва здесь, на этом склоне, была вязче, мягче, чем на противоположном. Или это ему только казалось? Нет, точно мягче, решил он, выволакивая ногу из очередной болотисто чмокнувшей впадины.

На том самом месте, где прежде лежал костяной кинжальчик, появилось кое-что другое — крохотный белоснежный котенок. Тоже из кости. С глазами из множества мелких сияющих камешков. Тельце оплетали полосы из крохотных точек-углублений. Буро-

полосатый. Бывают такие кошки, в окрасе которых полосы прорисованы темными точками. Вот, например, как его Мухтар, серо-полосатый, молча и неподвижно сидевший у него на плече. Совсем как Мухтар...

Сергея осторожно отвел руку, которой уже почти было коснулся костяного котенка. Мухтар сидел совершенно неподвижно. Эта неподвижность граничила с окаменелостью. Он даже не ощущал дыхания котенка, теплым ветерком щекотавшего ему шею раньше. Совсем как Мухтар... Замороженный кот на плече...

И он рванул назад, к свету, к путеводному солнцу. Когти Мухтара прошли через воротник и вонзились в шею — котенок перебарывал силу ускорения силой сцепления. Значит, жив. Уже хорошо. Но сам при этом по-прежнему тих и недвижим. Сидит изваянием... Серегино сердце сжалось от страха. "... Почему все не так, все не так, как всегда, то же небо, опять голубое... А-а, черт! Мухтар-то здесь при чем? Да мы, может, вообще не из той галактики..."

Слава богу, он уже выбрался наверх. И теперь бежал по лесу. Бежал в хорошем темпе, почему-то не имея никакого желания сбавить его...

На дорогу он наткнулся совершенно неожиданно. Полузаросшая колея сама выпрыгнула ему под ноги из-за очередного древесного ствола, который пришлось обогнуть. С той стороны дороги опять возвышался лес, в точности такой же, как и на этой стороне. В обе, стороны, насколько Сергей мог видеть, колея была пуста. А кстати, в какую именно из двух сторон он должен был двигаться, не имея никакого понятия о том, где расположен замок со столь звучным названием — Балинок-Деде?.. И название-то было какое-то лебединое — деде, па-де-де.

И тут, к превеликой Серегинной радости, на дороге появился человек.

Из-за далекого дорожного поворота слева. Верхом на коне. На таком расстоянии не видно было ни черт лица, ни покроя одежды. Только силуэт лошади, дополненный сверху схематичными очертаниями человеческой фигурки. Всадник въехал в очередной столб солнечного света, косо, чуть ли не горизонтально падавший на дорогу, и сразу же обрисовался сияюще-блестящим абрисом с правой стороны. "Рыцарь, — почти обречено догадался Сергей. — Еще один, но на этот раз хотя бы не из КПСС. Надеюсь, не из КПСС", — поправил он себя. Как знать, вдруг это их местный агент, которому зловерное заклятие не позволило вовремя смыться отсюда. И вот теперь в его лице организован торжественный комитет по встрече вновь прибывшего...

Или это все же самый настоящий рыцарь? Без всякого там участия в КПСС? Исторический раритет. Нечто вроде живого динозавра для него, жителя двадцатого века. Черт, уже даже двадцать первого! Как века-то летят...

Динозавр подъехал ближе, и вконец изумленный Сергей понял, что динозавр помимо всего был еще и женского пола примерно восемнадцати — двадцати лет от роду. Следовательно, чуть старше его самого. И с фигурой, подобной тем, какие иногда можно видеть на обложках книг в жанре фэнтези — комплект максимально развитой мускулатуры, снабженный для красоты иконостасом из вызывающе выдающихся женских прелестей. Фигуру обольстительной амазонки облегал очень хорошо подогнанный доспех. На железных башмаках с длинными носками красовались ветвистые золотые шпоры, здорово смахивающие на облетевшие по осени кроны крохотных японских бонсаев. Шпоры, если он правильно уяснил и запомнил по родной земной истории, есть знак честно заработанного благородного рыцарского звания. Честно — это, по данным историческим понятиям, в бою

и с мечом. Надо понимать, жизнь по “понятиям” здесь примерно совпадает с укладом земного средневековья. “Мама моя, и куды ж мене занесли...”

Он во все глаза рассматривал подъезжавшую даму. Шлем, сиявший таким характерным для золота желтым блеском, амазонка небрежно держала в руке. Над головой с коротко и криво обрезанными соломенно-рыжеватыми кудрями возвышалось копье, на верхушке которого вился желтый язычок флажка.

Приблизившись, амазонки деловито обозрела длинного худого паренька, изумленно тарачившегося на нее.

— Привет! — неожиданно приветливо пророкотала вдруг эта фантастическая красотка снисходительно командирским басом. — Имя мне — благородная леди Клотильда. Путь мой лежит в достославный замок Балинок-Деде, где в рыцарских игрищах и турнирах надлежит мне добыть себе славу. Дозволено ли будет мне узнать, как именуется... э-э... достопочтенный йомен или же достославный сэр?

И красотка с генеральским именем и такими же замашками небрежно переложила свой шлем из правой руки в левую. И так же небрежно почесала себя где-то в области спины. Примерно ниже поясицы.

— Я... м-м... — проямлил Серега и нервно сглотнул. Похоже, рыцарь от КПСС не соврал, все сказанное этой... Клотильдой он воспринял как сказанное на чистейшем русском языке, но вот как быть с ответом? Йомен, сэр... Надо полагать, его просят идентифицировать себя, то бишь определить свою классовую принадлежность Система “свой — чужой”. В простонародье записываться как-то не хочется, а благородное происхождение, увы, могут попросить доказать в бою и с мечом. Чуть помедлив, он пробормотал:

— Я... это... менестрель.

— Имя... — рассеяно уронила сверху великолепная леди, обшаривая взглядом окрестности.

— А-а. Серега. То есть Сергей.

— Кхм, — многозначительно кашлянула леди Клотильда. С ближайшего дерева с заполошными криками сорвалась стайка лесных птиц и закружила над ними. — Но я так и не знаю, как мне к вам обращаться, уважаемый. Кем были ваши достопочтенные родители?

В любезной интонации леди Клотильды явственно зазвучали угрожающие нотки. Терпение рыцарственной дамы явно было на исходе. Серега мучительно пытался сообразить, какая же из профессий Средневековья ближе всего подходит к таким вполне заурядным профессиям нашего времени, как врач и геолог. С мамой-врачом все обстояло более-менее нормально, а вот с папой-геологом...

— Отец, — тоскливо начал Серега, — он... изучает. М-м, разное. Земли, горы. Бывает в разных местах...

— А! — радостно рывкнула леди Клотильда. — Твой отец странствует? Стало быть, он странствующий рыцарь?

— Ну, в каком-то смысле, — скромно отвечивал Серега.

— Понимаю. Иногда, конечно, надо и свой замок навещать, сэр... сэр Сериога. Твоя мать, несомненно, верная и благородная дама, искусная в ткачестве гобеленов... или в золотошвейном мастерстве... или в еще чем-нибудь таком.

— Она лечит людей, — попытался восстановить справедливость Сергей.

— Врачует раны странствующих рыцарей, друзей твоего отца, — отрезала мускулистая

красотка, тряхнув кудрями, и Серега смирился. — Тоже дело... Итак, благородный сэра Сериога, менестрель и сын благородных родителей, куда же вы держите путь свой?

— В Бадинок-Деде, — обреченно сообщил Серега.

— Так нам по пути! — гаркнула леди Клотильда и, тронув коня, подъехала поближе. — Печалюсь, что не могу предложить благородному юноше, призванному радовать рыцарей и их дам дивными песнопениями и сказаниями, ничего более удобного, чем круп моего коня...

— Благодарю! — почти крикнул Серега, пытаясь подражать рокошущему басу леди Клотильды. Прозвучало, прямо скажем, толково.

Мощная длань, цапнув за шиворот, мгновенно утянула его наверх, на конский круп, по размерам не уступающий небольшому столу. Верный Мухтар истерически мяукнул на плече и вновь основательно расцарапал ему шею.

— Ты носишь плиша на плече? — не поворачивая головы, поинтересовалась сидящая перед ним леди Клотильда. — Это знак тайной страсти, которой противодействуют злые силы. Кто же та благородная и прекрасная девица, невинная, вне всякого сомнения, душой и телом, соединиться с которой мешают тебе козни судьбы?

Ответом ей стало невнятное мычание, ибо дар речи Серега на некоторое время потерял.

— Понимаю, — задумчиво сказала леди. — Ты боишься открыть мне имя избранницы, опасаясь нежелательной огласки. Молчание — добродетель влюбленного, не так ли?

И девица с мышцами морского пехотинца замолчала, неожиданно ссутулившись в седле. Сереге даже показалось, что он услышал сдавленный всхлип, но тут копыто огромного коня в очередной раз бухнуло об утоптанную дорожную колею, заглушив подозрительный звук.

Дальше они ехали молча.

Дорога неожиданно вывернула из леса в чистое, ровное поле, густо и живописно укиданное стогами сена. Равнина, простиравшаяся перед ними, уходила к горизонту одной огромной плавной вогнутостью. И далеко внизу, на самом дне этой чаши, красовался крохотный, словно игрушечный, замок. Над белыми башенками развевались алые стяги, кажущиеся с такого расстояния просто красными ленточками. Крыши слюдянисто поблескивали под лучами заходящего солнца. Над всем этим великолепием царило безбрежное синее-синее небо без единого облачка, уже начинающее темнеть с одного края.

Серега вздохнул. Вздохнул завистливо. Чужой мир был потрясающе красив, особенно для него, городского дитяти, по понятиям коего картошка чуть ли не ни дереве растет...

Огромный, пышущий жаром конь под ними неумоимо бухал копытами. Замок Бадинок-Деде, если, конечно, это был он, неотвратимо приближался. Уже видны были какие-то желтые пятнышки на алых стягах, коричневая полоса рва, черный подъемный мост, вздернутый в воздух. Он был почти у цели, и вот именно это обстоятельство портило ему сейчас все настроение. Извечный российский вопрос “что делать”. Самая свежая идея, которая приходила ему в голову в качестве ответа, была папиной любимой присказкой — “вся надежда на авось”. Ну и что ж, положимся на авось...

— Эй! — долетело с высоченной башни. Серега промерил взглядом высоту — этажей пять, не меньше. — Кто такие?

— Я — благородная леди Клотильда, девица из рода Персивалей! — громогласно возвестила леди, приподнявшись на жалко скрипнувших стремянах. — Требую пропустит меня в замок как леди и гостью милорда Баленсиаги!

— Хорошо-о-о... — донеслось с башни. — А с вами-то кто?

— Благородный сэриога! — громовым голосом представила его леди Клотильда. — Менестрель и мой спутник!

Сергея решительно подавил в себе внутреннюю дрожь, расправил до предела плечи и выпрямил спину, стараясь казаться повыше. Во влажном, горячем воздухе что-то загрохотало, и настил подъемного моста неторопливо спланировал из синих небес прямо к их ногам. Их впускали. Жеребец счастливо мотнул головой и, не дожидаясь, пока леди Клотильда дернет за поводья, двинулся вперед. Из распахнутых ворот замка до него доносились теплые, зовущие запахи конюшни, собратьев и еды.

Они проехали через темный, сырой проем ворот. Толщина стены над головой достигала чуть ли не пяти метров. Внутренний двор, замощенный камнями, наполняла суета. Рыцарские кони, которых сразу несколько слуг вели в разных направлениях, то и дело истерично ржали и начинали бить копытом. Носились слуги, две служанки азартно гоняли по двору крупного серо-белого гуся. Погоня сопровождалась непрерывной демонстрацией женских прелестей — блузы у обеих сползли чуть ли не до пояса, юбки то и дело взметывались, обнажая пышные молочно-белые бедра. Пробегавшие мимо слуги отпускали словечки, от которых у Сергея запыльхали уши. Леди Клотильда, ничуть не смущаясь, внесла свою лепту, громко посоветовав ловить гуся не руками, а нижней... гм-м... частью — мол, и поймается понадежней, и удовольствие будет полным. Сергей задохнулся от смущения. Затем две мощнейшие девичьи руки снесли его с лошадиного крупа, как муху. Мухтар, возмущенно мякнув, то ли свалился, то ли сам прыгнул с Серегоного плеча на каменную мостовую. И тут же умчался в направлении одной маленькой дверки, в которую то и дело забегали служанки, появляясь оттуда нагруженные разнообразной снедью.

Сергея стоял посреди двора, кое-как приходя в себя после прелестей конной прогулки верхом. Его слегка покачивало.

На каменной брусчатке двора прямо перед ними внезапно материализовались двое юношей, годами и ростом уступавшие Сереге. Парочка была разряжена в костюмчики, пышность и яркость которых могла бы составить конкуренцию нарядам Барби. Шарообразные панталончики были щедро обшиты золотой тесьмой, облегающие стеганые кофточка тонули в кружевах. Юноши как по команде сдернули с голов полощущиеся по ветру береты и, крутнув их по воздуху мельницей, синхронно и ловко преломились в поясе, шлепнув при этом своими беретами. Сергей яростно тер веки: пышные перья, которыми были украшены береты услужливых юношей, хлестнули по глазам.

— Мы — пажи! — на едином дыхании выпалила парочка. — Приставлены к вам. В услужение! Благородные сэры... то есть благородный сэри и благородная леди, позвольте препроводить вас в ваши благородные покои... То есть покои для ваших благородных милостей!

Веки были мокры от слез, но глаза щипало уже меньше. Сергей осторожно разлепил ресницы, заново открывая для себя омытый его слезами мир. Людская суета во дворе уже поутихла, оставшиеся немногочисленные слуги бороздили его с исключительно деловым видом.

— Обед скоро, — опытным глазом определила леди Клотильда и четко, по-военному повернула вправо, следуя за пажами.

Пажи задом пятились к одной из дверей. Передвижение спиной вперед парочка умудрялась совмещать с тщательным выметанием мостовой беретами, так что пыль стояла столбом. Сереге ничего не оставалось, как последовать за леди Клотильдой, предварительно

поискав и не найдя взглядом Мухтара. Серый котенок, придя в доброе здравие, предпочел гулять сам по себе.

“Раненько у них тут обедают, — подумал Серега. — Может, сутки слишком длинные? Заботы дня продолжаются и ночью, а ужинают спустя какое-то время после заката... Длинный день после длинной ночи. Что, в свою очередь, предполагает наличие дневных фиест, ибо человек, как это говорится в Библии, слаб телом. Хотя, глядя на леди Клотильду, этого не скажешь...”

Что-то еще вдруг навязчиво закопошилось в его памяти. Он шел по лестнице вслед за могучей блондинкой, лестница была крутая, винтовая, вполне средневековая, с мощным запахом не вовремя удовлетворенных рыцарских потребностей. Шел и, глядя на чрезвычайно спортивный зад леди Клотильды, пытался вспомнить. Что же она сказала?.. Или кто-то сказал до нее?.. Вот когда она подъехала поближе... Так, теплее... И спросила... Горячо!

Она спросила про плиша на его плече. Про плиша, то бишь про кошку. Что там вещал рыцарь от КПСС? “В крайнем случае будешь свою кошку за деньги показывать, у них там таких уродин нет”. Нет? Интересные у нас выдержки из избранных речей... Опять прокол. Похоже, рыцари от КПСС делают огрехи так же часто, как и метеорологи из ОРТ. А кстати помнится, кто-то утверждал, что и драконов здесь тоже не водится...

Серега споткнулся и плавно подшиб лбом благородное колено леди Клотильды. Девушка опрокинулась вниз и покатила по лестнице, правильно и красиво, как гимнастка, сгруппировавшись. Доспехи прогремели по каменным ступеням, пажи провожали летящий вниз поблескивающий ком испуганными взглядами, пока он не коснулся последней ступеньки. Тут леди Клотильда развернулась в прыжке и приземлилась на ноги, прямая, как турнирное копьё.

— Сэр Сериога! Это либо прямое оскорбление, либо... Если вы так жаждете подвигов и поединков во имя своей прекрасной дамы, то я и так бы приняла ваш вызов, без всяких этих... Копье или меч?

— Нет-нет... — торопливо успокоил ее Серега, лихорадочно подыскивая слова для вящего умиротворения воинственной красотки, — совсем не жажду. Особенно с вами. Благородная Клотильда...

— Леди Клотильда.

— Да-да, конечно, леди Клотильда! Я абсолютно случайно, и... это... Не нарочно. Умоляю простить меня. Припадаю к вашим ногам, и все такое. Я только хотел спросить. Леди Клотильда, а вам доводилось видеть здесь драконов?

Леди Клотильда величественно тряхнула неровными кудрями и неспешно возобновила свой подъем по лестнице.

— Здесь? Нет, не доводилось, сэр Сериога.

Сразу как-то полегчало на душе. И в то же время стало немного грустно — в кои-то веки могла выпасть возможность повидать живого дракона, но не судьба, не судьба, к счастью...

— Но хочу отметить, в замках они и не живут. Вот в Бородохском лесу, что в двух дерах отсюда... Как я понимаю, ваша прекрасная дама жаждет иметь над своим ложем отрубленную вашим мечом главу дракона? Сие сейчас весьма модно. Настолько, что некоторые умники уверяют всех в полном их грядущем истреблении, но я, смею вас заверить, не верю этому, драконы опасны и весьма вредны. Я расскажу вам об этом на досуге перед тем, как вы отправитесь за подарком для предмета вашей тайной страсти... Кстати, я могу даже сопровождать вас на охоту. Вдруг понадобится помочь тело привезти

или еще что...

Наводившие на Серегу дрожь весьма любезные рассуждения леди Клотильды прервал визгливый гул со двора, пажи, успевшие тем временем убежать вверх по ступенькам, заголосили:

— Обед! Обед! Сигнальный рог к обеду!

Леди Клотильда рванула вверх, перепрыгивая через две ступеньки.

Как выяснилось наверху, в комнатах, отведенных им, они должны были подготовиться к обеду. Один из пажей, тот, у которого на лице не было видно даже кожи из-за россыпи веснушек и прыщей, вручил ему влажное полотенце, от которого исходил запах каких-то крепких и вонючих духов. Запах валил с ног. В буквальном смысле. К счастью, Серега перестал что-либо ощущать уже после первого вдоха. Полотенцем надлежало обтереть руки и лицо. Серега, содрогаясь, проделал эту операцию под бдительными взорами пажей, затем брезгливо запульнул ароматным до вонючки полотенцем в самый дальний угол отведенной ему комнаты. К его собственному изумлению, тряпица, мягко спланировав, повисла на каком-то крюке, торчащем из стены.

Крюк, очевидно, предназначался именно для этого полотенца, потому что на лицах пажей отразилось одобрение. Серега подивился сам себе — а всегда ведь растяпой был? Молодец, одним словом.

Леди Клотильда, похоже, была тертым калачом, потому что операцию с полотенцем проделала гораздо быстрее Сереги. Серега, вывалившись из комнаты, воздух в которой по причине своей крайней ароматности был мало пригоден для дыхания, успел увидеть лишь ее плечо, исчезающее за поворотом лестничного витка. Он рванул за ней скачками, мальчишки-пажи затрусили следом. Леди Клотильда успела еще и содрать с себя доспехи. Дева-рыцарь красовалась теперь в черном стеганом камзоле, ткань которого была не видна под густой вязью стежков. Рукава со множеством прорезей казались просто пучком лент! В прорезях сиял алый шелк нижней рубахи, черные облегающие брючки на ногах могучей леди были украшены совершенно убийственными лампасами из кроваво-красного кружева. Серега с сомнением оглядел себя. Брюки черные, рубаха синяя в ковбойскую клетку, сзади на плечах болтается серый свитер, завязанный спереди рукавами, куртку он оставил в комнате. Сойдет. Одет он, конечно, не по местной моде, но профессия позволяет. Менестрель, так сказать, творческая личность, чудачества и прочие шалости ему вполне позволительны. В конце концов, творческие персоны всегда и во всех мирах традиционно считались людьми со странностями.

Во дворе он наконец нагнал леди Клотильду. Девушка стояла возле колодца и полными горстями плескала в лицо воду. Серега пристроился рядом, ожесточенно начал тереть руки и лицо, пытаясь освободиться от ввевшегося в кожу запаха духов. Пажи встали рядом, изумленно взирая на них обоих. Очевидно, омовения водой здесь не практиковались. Клотильда закончила первой, фыркая, отерла лицо руками, по-кошачьи потрясла кистями. И сказала через плечо:

— Я вижу, сэръ Сериога, ты тоже не разделяешь глупых предрассудков относительно воды. Сие приятно мне, и я прошу тебя быть моим соседом за столом, хотя и не столь знатен ты, чтобы сидеть рядом с девой из колен Персивалевых! Но... — Клотильда, обернувшись, хитро улыбнулась и подмигнула Сереге, — не люблю я, когда сосед мой по столу пахнет сильнее, чем яства, кои я намереваюсь вкусить. Портят мне это аппетит, хотя, — тут девица из колен Персивалевых хихикнула, как самая обычная девчонка-школьница, — когда говорю

я это, все, кто хоть раз делил со мной трапезу, напрочь отказываются мне верить! Ну, некоторых я убеждаю в правоте слов своих уже после трапезы, особенно если и в самом деле по причине их чрезмерной надушенности осталась несколько голодна!

Трапезная, в которую их ввели, оказалась огромной комнатой размером со спортзал в Серегином колледже. Под высоченным потолком дымно горели факелы. Кое-где на мрачных стенах висели небрежно расправленные расписные куски ткани в ярких пятнах и разводах, которые, если приглядеться, складывались в какие-то фигуры. Большой частью это были рыцари в невероятных по расцветке абрикосовых и голубых доспехах, кони, иногда с рогом на голове, и дамы, почему-то сплошь коленапреклоненные.

Тяжеловесные столы из темного дерева были составлены буквой “П”. Публика за ними сидела самая разная. Обе ножки буквы были густо засажены людьми в камзолах всех цветов радуги и всех степеней засаленности. Кое-где блистали заплаты, тоже не слишком свежие. Здесь были монахи (загадочные личности в черных складчатых рясах) и стражники, прямо в латах севшие к столу. Перекладина буквы “П” была почти пуста. В центре этого стола возвышались три монументальных кресла. Кресла были свободны, по бокам их сидело несколько дам. В свете факелов драгоценности на их одеяниях поблескивали разноцветными искрами, изломы шелков и атласов сияли. Все сидели, чинно убрав руки со столов, еды на столах еще не было. Кого-то или чего-то ждали?

С появлением леди Клотильды боковые столы оживились. Посыпались приветствия, слившиеся в общий гул и нечленораздельные крики, изредка лишь звучали слова, произнесенные достаточно внятно и поэтому доступные для понимания. Как уяснил из этого ора Серега, примерно половину из присутствующих Клотиле, как ее многие называли, побилла в свое время на мечях, а оставшуюся половину перепила на спор. Побежденные, однако, были не в обиде на победительницу. В рыцарском обществе царили здоровые спортивные настроения.

Клотильда улыбалась, сыпала именами, кивала в знак приветствия. И между тем решительно продвигалась к столу в центре. Дамы, сидевшие в этом районе, полировали леди ненавидящими взглядами. Их леди Клотильда приветствовать почему-то не стала.

Серега шел следом за леди Клотильдой, но его вроде бы никто не замечал. Молясь про себя, чтоб так оно и было дальше, Серега, спотыкаясь на каждом шагу, проплывал мимо местного благородного общества и не заметил вовремя конечной цели их марша. Девушка из колен Персивалевых с размаху уселась в одно из трех пустующих монументальных кресел в центре и приглашающе похлопала по ручке кресла, стоящего рядом.

Жест явно предназначался для него. Сергей протиснулся в щель между креслами, сел. Дамы справа и слева окаменело уставились в пространство прямо перед собой. Волосы у всех них были туго зачесаны назад, настолько туго, что бедняжкам, наверное, даже моргнуть было больно. Дамские головки украшали странных форм шапочные конструкции, щедро усаженные драгоценными камнями. Воздух был насыщен запахом духов, но даже это зверское амбре не могло перебить мощного запаха немых тел, волной идущего со всех сторон. В Средние века, припомнил Серега, мылись редко. Воды боялись и пользовались в редких случаях. То есть почти никогда.

Дева-рыцарь свела ладони вместе, скороговоркой забормотала что-то. Слов разобрать было невозможно еще и потому, что весь зал тоже забормотал что-то вслед за его соседкой. Время от времени в глухом рокоте всплывали слова типа “боже ж мой”, “помилуй” и “хлеб насущный”. Действо шибко смахивало на предобеденную молитву. Чтобы не слишком

выделяться, Сергей тоже торопливо свел ладони, приготовившись изобразить молитвенный экстаз. Но тут коллективное моление окончилось так же внезапно, как и началось. Леди Клотти повелевающе махнула рукой, оглушительно хлопнув при этом ладонью по столешнице. Со всех сторон тут же брызнули шустрые слуги, мгновенно уставив столы блюдами с едой и кувшинами с вином.

За боковыми столами зародился веселый шум, разрастаясь до басовитого гула. Там сыпались тосты, шутки, иногда ядовитые, звучали здравницы. Сергей скосил глаза на присутствующих дам. Те молча и быстро хватали еду, сосредоточенно жевали. Созерцание челюстей, равномерно и целеустремленно перемалывающих пищу, завораживало и пугало. Серега нервно сглотнул, посмотрел на леди Клотильду. Могучая шатенка... или все же блондинка?.. да, все же блондинка уписывала еду весело, обмениваясь шутками с тем, кто сидел за самыми дальними столами. Аппетит у девы был великолепным. Как и положено морскому пехотинцу. Серега помедлил и тоже принялся за еду.

Мясо было густо обмазано медом и перцем, дичь и рыба немилосердно разварены. Причем дичь была еще и с душиком. Серега пожевал, перец обжег рот. Он закашлялся, торопливо хлебнул из стоявшего рядом кубка.

Там было кисловатое вино, от которого в горле запершило. Кое-как отдышавшись, Сергей решительно переключился на лепешки с медом. Они напоминали пряники и были вполне съедобны. А вот питье... Он повертел головой и обнаружил у себя за спиной парочку тех самых пажей. Поманил их пальцем. Пажи ужами скользнули к нему.

— Ребята... — смущенно пробормотал Серега, чувствуя себя чуть ли не эксплуататором детского труда, — мне бы это... водички.

— Благородный сэръ снова желает помыться? — изумленно спросил один, а его товарищ негодуяще шикнул — мол, благородный сэръ... он всегда в своем праве, что хочет, то и отчебучивает, и не пажеское это дело!

— Нет, — тоскливо сказал Серега, жить в Средних веках ему становилось все труднее, — я просто пить хочу.

Пажи пораженно ахнули и исчезли. Леди Клотильда повернула голову, и воззрилась было на Серегу с немым ужасом, но тут в зал внесли баранью ногу с луком, и Клотти деловито переключилась на нее.

Вода, которую ему преподнесли, была чистойшей, ледяной и ни капли не пахла хлоркой.

После третьей перемены блюд, когда аппетит присутствующих был почти удовлетворен, настало самое страшное. Самое страшное для него, Сереги, разумеется. Он с увлечением наблюдал, как темпы работы челюстей начинают замедляться, как одна из дам, сидевших рядом, повернула к Сергею узкоскулое лицо и, удостоив его гипнотизирующим взглядом змеи, сказала:

— А теперь, сэръ менестрель, самое время спеть, не так ли, или поведать нам что-нибудь, что ваша милость сочтет подходящим для нашего не слишком блестящего общества... Хотя бы в благодарность за гостеприимство, даже если мы этого и не достойны.

Серега метнул на леди Клотильду затравленный взгляд, но та только одобрительно загыкала, поскольку кусок баранины надежно залепил ей рот. За столами понемногу затихали, выжидающе поворачивая головы в сторону Сереги. Это была западня без выхода.

Липкий холодный пот проступил на коже. Спеть что-нибудь? Нет, нельзя так жестоко с людьми обращаться... Побасенки? Кроме “Стрекозы и муравья” в голове больше ничего не

всплывало, хоть плачь. Помнится, дедушку Крылова за социальную направленность этой басни шибко ругали... И было это при нашем царе-батюшке, крайне либеральном правителе, если сравнивать его со средневековыми феодалами. Ну и что же он еще помнит из школьной программы, кроме незабвенного “Я помню чудное мгновенье”? “В лесу родилась елочка”?

Сергея распахнул рот. Идея, родившаяся в мозгу, была просто чудовищной. Но ведь и приличной альтернативы этому у него не было. “Я помню чудное мгновенье” — хороший стишок, и хорошая учительница была Валентина Максимовна, которая заставляла их всех заучивать классику наизусть. Рифмы — да бог с ними, с рифмами, пусть будет белый стих. В крайнем случае, попробует срифмовать на ходу. Переводил же он когда-то ради баловства этот самый стишок экспромтом на английский: “Ай ремембе зис бьютифул моумент”. Справится и здесь, главное — никакой социальной направленности и критики дармоедов-эксплуататоров, сиречь местных феодалов.

Плохо было только одно. Читая эту весьма куртуазную штучку, произведенную достославным А.С.Пушкиным специально для впечатлительных дам, донельзя взволнованный и слегка испуганный Серега то и дело косил глазом в сторону узкоскулой и змеиноглазой соседки — а ну как сия особа выразит на своем лице неодобрение или, что еще хуже, недоумение по поводу пушкинской лирики?

Его опасениям не суждено было сбыться. Лицо змеиноглазой выражало полнейший восторг. Время от времени она в открытую оборачивалась к Сереге и поливала его взглядом, в котором было что-то такое, от чего он чувствовал себя совсем как кролик перед удавом.

Выпалив последнее, заключительное “...и любовь!”, Серега с дрожью в коленях опустился в кресло.

Из-за боковых столов смотрели по-разному, гамма взглядов была широка — от опасно-восторженных до настороженно-брезгливых. Клотильда хлопнула довольно чувствительно по плечу и громко провозгласила:

— Хор-рошо! У меня аж в носу зачесалось... Что вы ржете, лошади, — от слез, не от соплей!

И добавила шепотом, придвинув губы к самому Серегоному уху:

— Это, конечно, не мое дело, но, сэр Сериога... Разве вы уже решили сменить свою прекрасную даму на леди Эспланиду? Вы столь щедро одаривали ее своими взглядами... И она с вас, поглядите, уже глаз не спускает!

Сергея отчаянно покраснел. Ну прямо мыльная опера на средневековой сцене. Именно этого ему и не хватает для остроты ощущений, ведь, если память его не подводит, осложнения на этой почве в эти времена и при этих нравах ох как чреватые... Он схватил со стола кубок и залпом выпил его до дна. Кислятина с острым сивушным запахом тошнотворным комком прокатилась по пищеводу. Слегка затошнило, он с трудом сглотнул и вновь перешел на воду. Тем не менее дальше все шло как по маслу. Он пересказал присутствующим сказку о Синей Бороде, от души разукрасив ее рыцарским антуражем и пространными описаниями всяческих материальных благ. Средневековый изверг был воспринят феодальным обществом весьма благосклонно. Причем симпатии, как понял Серега из редких прочувствованных возгласов, были на стороне отважного барона, коему мешали нормально жить лезущие не в свое дело дуры бабы. Леди Эспланида, к великому его облегчению, вела себя тихо, только громко взвизгивала вместе со всеми дамами в особо напряженных местах повествования. Сказка, или, точнее, легенда о несчастном бароне подходила к концу. На столах все уже было съедено, и Серега с некоторой дрожью начинал

думать о том, что же рассказывать дальше... Конец затянувшейся трапезе положила леди Клотильда. Она просто-напросто встала из-за стола, — и весь зал тут же вскочил на ноги как по команде, следуя по пятам за леди Клотильдой. Серега вспомнил, что в зале не начинали трапезу, пока не явилась леди Клотильда, аки солнце, и все разошлись, едва рыцарственная дама встала. Опять-таки аки светло солнышко...

Он не выдержал, поманил пальцем одного из следовавших за ним по пятам пажей и спросил шепотом:

— Кхм... Ты случайно не знаешь, почему все из-за стола вон, едва Кло... леди Клотильда встала?

Паж метнул на Серегу опасливый взгляд, как на буйнопомешанного, потом, пожав плечами — ну что взять с этого сэра, он же воду пьет! — затараторил:

— Благородная леди Клотильда из рода рыцарей Персивалей, кои состоят в родстве, хотя и дальнем, с погибшим королем нашим Зигфридом. И хоть родство дальнее, но и ближе-то уже никого нет! Посему в любом замке хоть и не оказывают им почестей, подобающих верховному сюзерену, но тем не менее предоставляют королевские права — начинать и заканчивать трапезу, судить и казнить, ежели восхочет кто!

— И многие восхотели? — заинтересовался Сергей.

Паж заулыбался, приоткрыв щербатый рот.

— Не... Дураков нет...

На выходе из трапезной стояла странная парочка. Толстенная, страшно грязная старуха неопределенного возраста и мальчишка лет шести, тоже грязный, но, в отличие от старухи, худой и изможденный настолько, что... такое Сергей видел только в документальных фильмах о концлагерях — лицо с торчащими скулами и опустошенными, ни на что не надеющимися глазами. Завидев Клотильду, стремительно выходящую из зала впереди всех, старуха ссутулилась, наклонилась вперед и, сжав руку на плече у мальчишка, затянула:

— Подайте нищей и старой, болеющей и лишенной кормильца... Вот внук у меня, и боле нету у нас никого, родители его страшной смертию помре... А и дом-то наш сгорел... Подайте ж хучь кусочек поисть...

Клотильда прошла мимо, равнодушно обогнув парочку как нечто бездушное. Серега глянул на пухлые, когтистые старушечьи пальцы, впившиеся в костлявое крохотное плечико, на мертвенно-бледное лицо, искаженное гримасой терпеливо переносимой боли. Лицо было на уровне его пояса. Он остановился. Старуха, надеясь найти в нем потенциальную жертву, совала руку под нос, безостановочно плаксиво скулила. Те, кто выходил из трапезной, огибали их так же равнодушно, как и леди Клотильда. Огибали и шли по своим делам, недоумевающе косясь на Серегу. Пауза затягивалась. Старуха, усомнившись в финансовых возможностях Сереги, теперь совала руку под нос другим выходившим.

Ушедшая было вперед леди Клотильда вернулась, смущенно покашляла рядом.

— Сэр Сериога, подайте ей монетку, если хотите, конечно, и пойдете. Я желаю поговорить с вами безотлагательно, сэр Сериога.

— У меня нет монетки, — тихо сказал Серега.

Клотильда шумно вздохнула, заглянула Сереге в лицо, еще раз вздохнула.

— Ну хорошо... Но вы становитесь моим должником, сэр Сериога. — Она повернулась к старухе с мальчиком и зычно крикнула на весь двор: — Эй! Кто эти двое?

Резиновыми мячиками с двух сторон подскочили пажи.

— Да нищие, миледи! Пришли когда-то в замок, попросили у милорда Баленсиаги

кровя, милорд жалостлив и милосерден был в тот вечер, ну и разрешил им остаться. Но запретил их кормить. Сказал, что у нас и так нахлебников достаточно.

— Да уж, милостив ваш милорд, ничего не скажешь, — пробурчала леди Клотильда, — значит, на кухне их не кормят? Живут подаванием и свиными помоями... Почему же старуха только что не лопается от жира, а мальчонка тоньше, чем древко моего копья?

Пажи переглянулись.

— Не знаем, миледи. Может, ей удалось добиться благосклонности одного из поваров? — высказался один и прыснул.

— Или она нарочно не кормит его, чтобы больше подавали... — рассудительно протянул его дружок,

Лицо мальчика скривилось, он быстро опустил голову. И заплакал. Две или три слезинки абсолютно беззвучно упали в дворовую пыль, оставив на ровном сером налете несколько темных оспинок.

Клотильда грозно и надменно свела брови, вскинула подбородок. М-да... Вот теперь Серега начал понимать, что именно обозначают слова “с королевским величием”. Ей даже не понадобилось выпрямлять спину (впрочем, и без того прямую), приосаниваться. Кричать или хотя бы кашлянуть. Двор затих сам собой. Даже куры на скотном дворе перестали квохтать.

— Приговор! — рывкнула леди Клотильда. Где-то на задах всполошенно кукарекнул и тут же осекся петух. — Рассмотрев сие дело о перекорме и недокорме, я, леди Клотильда, благородная девица из рода Персивалей и баронесса Дю Персиваль по праву рождения, постановляю! Дабы воистину видно было, что эти двое — родные один другому, то бишь кровь от крови и плоть от плоти одной, повелеваю забрать этого отрока от данной старухи и кормить и лелеять в меру сил до тех пор, пока дитя не будет походить на свою прародительницу один в один, то есть станет столь же толстым! И если бог недоволен судом моим, то пусть явит волю свою и в скором времени либо превратит отрока в толстяка, либо старуху в стройную иву! Сроку для божьего суда — три дня! Ежели кто здесь считает приговор сей несправедливым, то пусть выйдет и сразится со мной в честном бою! Меч или копьё для поединка — выбор за ним! И клянусь не причинять опасных для жизни увечий!

Было тихо-тихо. Увы, никто не спешил воспользоваться столь завлекательным предложением. И вообще, простота здешней судебной системы очаровывала. Раз-два — и готово решение. Господу Богу для апелляций — только три дня. От всех остальных возражения принимаются на месте. Голосуйте мечом или копьем... И в данном случае все воздержались. Правосудие восторжествовало!

— Благодарю вас, милорды, за то, что сочли суд мой справедливым и праведным! — провозгласила леди Клотильда громовым голосом на весь двор. — Опекуном же отроку назначаю благородного менестреля, сэра Сериогу! Такова моя воля, таков мой суд, и да будет так!

Старуха, до этих пор тупо и молча слушавшая леди Клотильду, вдруг очнулась, взвизгнула и вцепилась в мальчонку, как гарпия. Толпа зрителей, все это время почтительно молчавшая, издевательски загыкала. Похоже, что бы ни выкидывала слегка (или не слегка) склонная к авантюризму леди Клотильда, все сходило ей с рук. И даже вызывало бурное восхищение окружающих.

Мальчика била крупная дрожь. Клотильда шагнула вперед, решительно отодрала от него старуху, которая визгливо орала про гнев милорда Баленсиаги, который вернется и будет

разгневан, он заступится за бедную старуху, он покажет ей, гулене безыюбочной... После этих слов настала тишина. Тишина оглушительнейшая. Все затаили дыхание, и Сергей тоже. Казалось, даже камни в мостовой потихоньку съезживаются и пытаются спрятаться друг за друга... Леди Клотильда, направившаяся уже было прочь, запнулась на полушаге и медленно повернулась к старухе.

— Женщина... — Оказывается, мускулистая блондинка умела не только кричать, но и шептать. Голос прошелестел, как змея на камнях. Сухо и угрожающе. — Из уважения к старости и вообще к твоему полу... Я тебя не трону. Сейчас не трону. Но я собираюсь пробить в замке еще две ночи. Вот если ты попадешься мне на глаза еще хоть раз, я не убью тебя. Я не поднимаю руку свою на недоумков, дураков и тех, кто лишен разума. Но мой жеребец в таких тонкостях не разбирается, его даже специально обучали топтать людей. Обещаю тебе, потом, после знакомства с моим конем, тебе начнут подавать вполне заслуженно. И очень-очень щедро. И для этого тебе уже никогда больше не понадобится твой внук. Он тебе понадобится для другого — скажем, на тележке тебя возить... Еду-питье в рот тебе засовывать. Если это то, чего ты хочешь, то тебе нужно только одно — попасться мне на глаза...

— Милорд Баленсиаги не будет ссориться с благородной леди из-за тебя, грязная тварь! — истерично взвизгнула появившаяся вдруг за старухиной спиной леди Эспланида. — Проваливай, грязная тварь, пока я не приказала посадить тебя на кол!

Старуха, похоже, наконец-то правильно оценила ситуацию, мгновенно побелела и буквально растворилась в воздухе. В застоявшемся, дворовом эфире на ее месте осталось только облачко вони — единственное напоминание о том, что здесь только что кто-то был. Клотильда ткнула мальчишку носом в Серегин живот.

— На! Владей! Дарю! От сердца оторву, но тебе отдам! Шутка! И не вздумай обратно отдавать... И, это... Помой его, что ли.

И безукоризненная Клоти удалилась, на ходу насвистывая нечто вполне мелодичное. Когда-то. Ныне это было “печальной руиной”, свидетельствующей о возможном былом великолепии. И об отсутствии музыкального слуха у исполнительницы. Вот уж кому медведь... нет, скорее, боевой жеребец на ухо наступил.

С уходом блистательной представительницы колен Персивалевых толпа быстренько рассосалась по своим собственным хозяйственно-прикладным надобностям. Серега растерянно оглянулся. Рядом оставались лишь неизменная парочка пажей и змеиноглазая леди Эспланида. Что ему следовало делать дальше с мальчишкой, он представлял плохо. Спросить, что ли, где у них здесь ванная комната?

Из затруднения его вывела леди Эспланида. Уперев руки в бока, она критически осмотрела мальчишку и самого Сергея. И затем вдруг растянула тонкие губы в умильной улыбочке. Бр-р-р.

— Благородный сэр менестрель чрезвычайно добр к этому отродью пеонов... Что ж, если его отмыть, одеть и с надлежащей строгостью обучить, возможно, со временем из него и выйдет сносный слуга для вас, мой господин.

Серега нерешительно покивал головой.

— Но сейчас, разумеется, его надо привести в вид, который не позорил бы вас, мой господин. Вы позволите мне распорядиться на этот счет?

— Э-э-э... — проямлил Сергей, — благодарю. И вообще признателен ужасно. Леди... Миледи... — Ситуация становилась все жарче. Змеиноглазая леди не отрывала от него своих

глаз, вся раздумянулась и даже, кажется, похорошела отчего-то.

Пока Серега мучительно путался в титулах, выбирая более цветистый и, следовательно, наиболее подходящий для изъявления его горячего чувства благодарности, леди Эспланида, развернувшись к нему спиной, обстреляла весь двор беглой приказной очередью. Стая выбежавших из разных углов слуг пронеслась перед Серегой, а двор опустел. К великому его облегчению, промчавшийся самум унес и мальчишку, и леди Эспланиду.

Через десять минут (удивительное чувство времени можно воспитать в себе, терпеливо пережидая лекции) его, бесцельно топтавшегося во дворе, зазвали в какой-то чулан. Посредине помещения царила наполненная теплой водой огромная деревянная бадья. Леди Эспланида, ураганом влетевшая в чулан, всыпала в воду пригоршню какого-то вонючего порошка и вновь унеслась. Длинные широченные рукава одеяния летели за ней по воздуху, как стяги идущей полным ходом каравеллы. Леди деловито бормотала себе что-то под нос о старой детской одежде самого милорда, коя все равно без толку валяется где-то на чердаке и... Конца тирады Серега уже не расслышал, ибо леди захлопнула за собой дверь.

Он опустил перед бадьей на корточки. Мальчишка стоял молча, в глазах у него было покорное ожидание новых, самых разнообразных несчастий. Чувствовалось, что этот ребенок точно знал, — от любого из взрослых ничего хорошего ждать не приходится. Кожи, в Серегинем понимании, на ребенке не было. Была пугающая смесь из расчесов, гниющих болячек и страшных, огромных по размерам синюшно-багровых и желто-зеленых синяков. Его передернуло. Нет, он, конечно, все понимает, средневековье есть средневековье, и жизнь человека, а уж особенно ребенка без роду-племени и денежного обеспечения за спиной, должна быть тут нелегка... Но ребенку всего шесть лет. Или около того. Нет, нельзя так с детьми... Феодализм проклятый. Хотя если вдуматься, то и в его время, в его мире — бывает. Всякое-разное... От кражи детей на органы для пересадки и до любительских фильмов с детьми. Тех, в которых “любители” могут полюбоваться не поддельными, как в американских ужастиках, а самыми доподлинными детскими муками и смертями. М-да... Звериное лицо у человечества...

Грязные лохмотья не снимались, а просто рвались под рукой. Сергей посадил мальчишку в бадью. Беспреданно охающая служанка принесла местное грязно-серое мыло (чуть пострашнее обычного хозяйственного) и кусок мешковины вместо мочалки. Сергей, помявшись, принялся за несколько непривычное, но по-житейски вполне обыденное дело — мытье ребенка. Это немного смущало, но стоило только представить, что моет он не человеческое дитя, а... ну, скажем, пса неизвестной породы, стоящего на задних лапах и бесшерстного притом, как все пошло на лад.

Осторожно отмытый, окаченный теплой водой и закутанный в старую, но относительно чистую простыню, мальчонка сидел на табурете в кухне и смотрел на поставленную перед ним миску с кашей. Каша, по словам повара, осталась еще с завтрака. Учитывая, что люди добрые, включая и самого Серегу, успели уже и пообедать, аппетита это сообщение не вызывало. Да и выглядела каша совсем неаппетитно — жидкое овсяное месиво с редкими вкраплениями куриной пупырчатой кожицы. Мальчишка поднял от миски странно заблестевшие глаза и простуженным голосом просипел:

— Можно, да?! Мне?!

Серега, вконец раздавленный стыдом за себя, никогда в жизни не голодавшего, и за весь род людской, усиленно закивал. Приглашающе помахал рукой, мол, давай, приступай, не стесняйся.

Ложка мелькала, стучала об миску, мальчишка захлебывался, давился, но заглатывал еще и еще. Собравшиеся кухарки и повара с мрачными лицами стояли вокруг и смотрели, кое-кто время от времени надрывно вздыхал. Можно подумать, иронично подумал Серега, что до этого бедолага жил на другой планете... Или, по крайней мере, в другом замке. И здешняя прислуга его знать не знала. Хотя... В этом есть какой-то смысл. Теперь мальчишку считают кем-то вроде его слуги, его пажа, что ли... Стало быть, теперь он входит в определенную социальную прослойку, как личный слуга феодала. Стало быть, его страдания теперь видны и заметны. Им даже можно посочувствовать...

В кухню влетела леди Эспланида, взглядом армейского инспектора на строевом плацу обозрела собравшихся, одним движением пальца подогнала к себе главного повара и что-то шепнула. Повар, почти вытянувшийся во фронт, тут же налил в кружку светло-розовую жидкость из крохотного кувшинчика. Трепетная осторожность, которая была им проявлена при этом, говорила о немалой ценности, которую имело в его глазах содержимое кружки.

— Мальчишка давно не ел, — коротко пояснила леди Эспланида. — Это поможет удержать еду у него в животе, ну и еще кое в чем поможет...

Она деловито поманила его за собой, отступая в коридор.

Сергей вышел. Кто-то из слуг, толпившихся в кухне, сдержанно хихикнул ему в спину и тут же осекся, ибо леди Эспланида притормозила свой скорый шаг и предупреждающе полуобернулась.

Дама властно влекла Сергея за собой по коридору. Затем его втокнули в какую-то дверь, за которой оказалось нечто вроде кладовки. Леди Эспланида влетела следом и задвинула засов.

— Сэр менестрель, я хотела бы предложить вам кое-что.

Сэру менестрелю хотелось провалиться сквозь землю. То бишь сквозь пол. То, как вела себя леди, вызывало у него самые гнусные подозрения. В отношении себя.

— Но прежде чем я начну, я прошу вас поклясться всем тем, что для вас дорого... Ну что там есть — ваша мать, ваш отец, ваше мужское достоинство, наконец... Что вы никогда и никому не расскажете о том, что я вам сейчас предложу. И не должно иметь значения, согласитесь вы или нет. Ну?!

— Клянусь, — пробормотал Серега.

Змеиноглазая леди Эспланида с насмешкой вздернула бровь.

— Благородные люди так не клянутся... сэр. Следует возложить руку на пряжку пояса и склонить голову. Поименовав при этом то, чем клянешься... Но это все пустяки, некоторые рыцари тоже все время об этом забывают. Что и неудивительно — их слишком часто бьют по голове. И вполне простительно — звание рыцаря и благородное происхождение превыше любого этикета... Чего не скажешь о вас, не так ли?

Леди Эспланида откровенно любовалась смущением и некоторым испугом Сереги. Интересно, что у них здесь делают с самозванцами? Нет, лучше не спрашивать.

— Итак, поговорим откровенно. Вы, сэр, весьма юны, но, судя по всему, вполне способны осмыслить то, что я вам сейчас предложу. Сначала о вас. Ваши манеры, осанка и речи выдают в вас благородную кровь. В какой-то мере благородную. Ибо воспитания в вас не видно. Стало быть, вы плохо одеты, дурно воспитаны и, что совершенно видно, не имеете ни гроша за душой. Я подытожу... Хотя вы и благородного происхождения, вы наверняка всего лишь бастард, ублюдок, рожденный не с той стороны простыни и в довершение всего — даже не признанный своим благородным родителем, ибо в противном случае вам дали бы

хоть какое-то воспитание... Я не ошибаюсь, благородная кровь вам дана именно родителем, а не родительницей, не так ли... сэр?

Сергеа покивал. Отец, человек взрослый (предок, одним словом, а какой же предок не любит одаривать окружающий мир мудростью предков?), как-то раз выдал на кухне сногсшибательную тираду — мол, не надо спорить с женщиной и мешать ей делать свои умозаключения вслух, пусть даже в оскорбительной форме. И даже если в своих речах она совершенно не дружит с логикой. Вне зависимости от сути проблемы женщина в любом случае придет к своему собственному и несколько парадоксальному выводу. Смысл, мол, в том, заинтересована она в тебе или нет. Если да, то концовка все равно будет в твою пользу. Если же нет... Не по хорошу мил, а по милу хорош, короче. Так что сейчас посмотрим, заинтересована в нас эта леди или... Впрочем, если нет, то тогда зачем весь этот сыр-бор? Так что говорите и думайте, что хотите, леди. Куда ж деваться поезду из точки А, как не в точку Б...

— В ваши семнадцать с небольшим вы очень разумно выбрали стезю менестреля... Ведь вам примерно семнадцать, я права? Это вводит вас в благородное общество без упоминания имени вашего благородного предка. Крайне, крайне разумно... Но что дальше? Вам следует подумать о своем будущем. Женитьба на скромной леди из не слишком заносчивой семьи, с незапятнанной родословной, которая в силу неких обстоятельств... Это могут быть и материальные соображения. Или некоторые другие...

Железная леди, на мгновение ослабив вожжи самоконтроля, трепетно зарумянилась и затеребила пальцами краешек платья.

— Это дело вашего отдаленного будущего. Сейчас же у меня есть для вас предложение, выгодное для нас обоих. — Леди Эспланида, опомнившись, вновь твердою рукой повела разговор по ведомому только ей фарватеру. — Сейчас у меня имеется кое-что весьма нужное вам. Деньги. Теперь о себе. Я — сестра милорда Баленсиаги. Сводная, замечу, и от своей матушки унаследовала весьма приличное состояние. Фактически я гораздо богаче милорда Баленсиаги... ибо его наследство — это поместья, которые могут приносить... а могут и не приносить дохода. Золото же, вложенное предусмотрительной матушкой в банки Алмазных островов, доходно всегда. Я чуть ли не вдвое старше вас, славлюсь дурным характером, некрасива, не терплю охотников за моим приданым и обладаю братом, не желающим моего замужества. Более того, не может быть и речи о каком-либо внимании ко мне со стороны благородных рыцарей. Я — змея Эспи, стерва, баньши Баленсиагов... Я хочу предложить вам сделку. Замечу, выгодную для нас обоих.

Леди Эспланида выдержала паузу, очевидно давая роздых своему языку и недоумевающим Серегиным мозгам.

— Я обеспечу вас деньгами, весьма щедро, кстати — это будет и в моих интересах; позабочусь о коне, одежде и обо всем остальном. Вы получите рекомендательные письма к моим многочисленным родственникам, двери многих богатых замков гостеприимно распахнутся перед вами... Вам с вашим удивительным даром рассказывать чудесные вирши и удивительные истории без труда удастся приобрести славу... Особенно благодаря моей поддержке. Предполагаю, что, прослышав о том, родитель ваш прямо-таки возжаждет признать ваше родство, ибо самостоятельный и состоятельный сын, наперебой приглашаемый в замки самых могущественных и богатых лордов, это — персона...

И ждет меня слава феодальной Шахерезады... Буду я вечно пересказывать сказки “Тысячи и одной ночи”... Стоп, одернул себя Сергеа. Это же не мои реалии. Я здесь

исключительно проездом, леди. Но ведь ей же в этом не признаешься. А рыцарь от КПСС каков, а? Предложил мне быть менестрелем — и попал в десятку. Под таким прикрытием работаю — сам Штирлиц иззавидовался бы! Ни тебе документов никаких не надо, ни родословной... Стал истинным арийцем — и ведь без всякого аусвайса признали...

— Взамен я попрошу только одного, — продолжила леди Эспланида, — вы должны будете избрать меня своей дамой сердца. Нет-нет, ничего такого. Просто будете носить одежду моих цветов или, по крайней мере, шарф — шарфами я вас обеспечу в достаточном количестве, — будете таинственно молчать, когда вас будут спрашивать об имени вашей прекрасной дамы... Разумеется, как только вы начнете выказывать открыто свои симпатии какой-нибудь другой леди, повторяю, леди, возня со служанками здесь не в счет... наше соглашение будет расторгнуто. Итак?

При его странном положении здесь все это звучала крайне заманчиво. Есть-то хочется каждый день. А теперь у него еще и кот Мухтар, и этот малыш. Здесь его оставлять нельзя, пацан в двух шагах от голодной смерти. А перед возвращением в свой мир надо будет только распустить байки о том, что он-де идет на... ну, скажем, на дракона. Во славу своей прекрасной дамы. И даме честь, и контракт будет расторгнут самым лучшим образом: “и пал влюбленный менестрель от лап ужасного дракона”. Еще и легенду сочинят — “о юноше бледном замолвите слово...”.

Но, однако, есть и еще кое-что.

— А что это даст вам? — поинтересовался он. — Ну будет у вас менестрель ваших цветов. Ну и что?

Леди Эспланида коротко глянула на него. Бог ты мой, какая тоска в ее взоре...

— Мальчик, — тихо сказала леди, — печально быть никому не нужной. Так будет хотя бы казаться... Другим, не мне. А может быть, иногда именно мне... Возможно, после этого хоть кто-то будет смотреть на меня по-другому. Не как на некрасивую, злую, но все же богатую наследницу, а... как просто на даму.

— Я могу делать это и просто так, — помолчав, сказал Серега. — Без всяких денег.

Леди Эспланида сдавленно хихикнула. Или всхлипнула?

— Не бывать тому! Сэр, носящий цвета мои... Недостойно будет меня, ежели он будет в чем-либо нуждаться.

Леди Эспланида пинком вышибла дверь и царственно промаршировала из каморки. Разговор был окончен.

В кухне Серегу ждал уже насытившийся и обряженный по-местному мальчишка. Леди Эспланида знала свое дело: одежда была впору, даже слегка на вырост, чистая, из хорошей ткани, выкрашенной в практичные темные тона.

— Кх-м... — откашлялся Серега, он чувствовал себя неловко под устремленным на него боязливо-молитвенным взглядом мальчишки, — а как тебя, собственно, зовут?

— Скотина, — прошептал ребёнок.

Серега онемел от удивления. Имя? Ну и имечко же... Или это у него... В мозгу неправильно перевелось. Все ж таки лингвисты из КПСС...

— Она так его называла, эта старуха, сэр. Только так и никак иначе, — авторитетно подтвердил неизвестно откуда вывернувшийся паж, один из тех двух.

— Понятно... — Серега задумался. Если он теперь благородный сэр менестрель, а это его слуга, имеет ли он право переименовать его? Впрочем, сейчас узнаем: — А могу я дать ему другое имя?

— Конечно, благородный сэра, — не раздумывая, подтвердил паж. — Вы можете называть его, как вам будет угодно, всяким именем, или же прозвищем, или же бранным словом, судить его, наказывать или миловать, распоряжаться его жизнью и имуществом, буде у него таковое. Вы, благородный сэра, — его хозяин. Вы во всем своем праве.

— Чудесно, — несколько напряженно сказал новоиспеченный хозяин. — Теперь ты будешь... Мишка! Михаил то есть.

— О! — восхитился паж. — Какое необычное имя! Несомненно, взяли вы его из легенд древности, сэра менестрель. Сколь глубоки познания ваши, благородный сэра! Все с нетерпением ждем мы ужина, когда сможете вы нас порадовать новым, доселе нам неизвестным сказанием.

Сергея покивал, беря Мишку за руку, чтобы отвести его в свою комнату. Малыш клевал носом. Слава богу, что Сергей еще совсем недавно почитывал сборники сказок. Втихомолку от отца, предлагавшего для чтения подраставшему потомку сплошную классику — “Идиота” так или “Воскресение”. Не верится что-то, что местное общество способно посочувствовать судьбе Катюши Масловой или понять нравственные терзания Нехлюдова. Вот подвиги Ивана-дурака для них — самое то. Ну что ж, кто любит арбуз, а кто и свиной хрящик...

Сигнальный рог к ужину раздался уже после заката. Сергею, который сладко спал без задних ног, растормошил паж. Звали его Тем, о чем он уже успел шепнуть Сергею, присовокупив, что всегда готов сыграть с сэром менестрелем по маленькой в кости. Пока Сергей, морщась, пытался сообразить, что это за игра — кости и на что она больше похожа — на шашки или на дворовую “фишку”, коей поголовно увлекались все малолетки их двора, паж шустро, почти насильно облачил Сергея в невесть откуда взятое местное одеяние. Похоже, леди Эспланида серьезно относилась к своим обещаниям. Все было новенькое, серо-стального цвета, и штаны, и камзол. Только нижняя рубаха была из ярко-синего полотна. Паж застегнул последнюю пуговицу на камзоле и, сложив на груди руки, встал в позу картинного любования. Сергей, припомнив кое-что, шагнул к своей одежде, висящей на спинке стула. Игрушечный кинжалчик по-прежнему лежал в кармане, бархатисто-прохладный, щекочущий пальцы тонко прорисованной резьбой. Сергей переложил его во внутренний карман камзола. Казалось, что с ним как-то спокойнее. Может, это что-то вроде амулета, приносящего удачу? Во всяком случае, так это или не так, Сергей проверять не собирался.

Итак, вроде бы все. Он в полном сборе и готов к встрече со своей жаждущей сказок публикой. Сергей глянул на Мишку, мирно спящего на его постели, и решил его не будить. покормить мальчишку можно будет и потом. К тому же он вроде как его слуга, а стало быть, за стол его все равно не пустят. Предубеждения благородного общества...

Внизу его ждала леди Клотильда. Рядом с ней стояли двое рыцарей, весело похохатывающих, но при этом еще и болезненно потирающих бока.

Судя по их взаимным шуточкам, троица проводила время от обеда до ужина на турнирном ристалище. Блистательная Клоти бока не потирала, стало быть, мускулистая красotka была, как всегда, на коне. На белом, как Чапаев. В переносном смысле, конечно. При виде Сергея все трое затихли и обменялись странными взглядами.

— Сэр Сериога, — нарушила молчание Клотильда. — Да на тебе... На тебе ж цвет: леди Эспи... то бишь леди Эспланиды!

Сергей сделал непонимающее лицо, запахнулся плащом в живописной мушкетерской манере и прошествовал мимо, прилагая зверские усилия, чтобы не расхохотаться. Лицо леди

Клотильды с выпученными глазами и отвисшей челюстью впечатлило бы кого угодно.

Ужин в точности походил на обед, разве что факелов на стенах было гораздо больше.

Мясо по-местному показалось ему уже вполне сносным. Или он успел проголодаться достаточно сильно для того, чтобы смириться со здешней кулинарией? Он ел, не обращая внимания на взгляды всех сидящих за столами, — его одеяние, похоже, произвело фурор. На леди Эспланиду, непринужденно сидящую поодаль в платье точно таких же, как на нем, серо-синих тонов, он даже не смотрел. В конце концов, об обмене влюбленными взглядами в их контракте ничего не говорилось. Впрочем, в этом, наверное, и не было нужды. Местному обществу должно было быть достаточно и полунамека, чтобы соединить их имена...

После ужина эти взрослые дети опять попросили сказку. Он выбрал Али-Бабу, отредактировав восточные колориты повествования до преувеличенно-готических. Али-Баба превратился в бедного рыцаря Албера, обладающего верной и заботливой супругой Мордантой. Разбойники, естественно, стали простолюдинами, злобными лентяями, которые сбежали в лес, чтобы вместо работы на своих лордов грабить и мучить проезжих купцов. Пещера была переквалифицирована в волшебный замок Сезам. Само собой, в конце повествования благородная супружеская чета перебралась на постоянное место жительства в доселе не принадлежащий им замок. И счастливо там зажила за счет припасенных разбойниками награбленных денег. Завершив историю столь приятным хеппи-эндом, Серега подивился царившей в зале тишине. И отловил несколько завистливых взглядов, брошенных на леди Эспланиду ее соседками. Леди Клотильда печально вздыхала, чисто по-бабьи подперев щеку рукой.

— Ах, сэръ Сериога. Воистину любовь благородных супругов, чистых душой, это... э-э-э... Впрочем, что есть чистота тела перед душевной чистотой? Даже немывтое, благородное тело духом своим сильнее всех козней холопских.

Сергей выдавил любезную улыбку. Женщина всегда или почти всегда права. Особенно если речь идет о чьем-либо теле. И о его оценке. К тому же, в том, что касается духа благородных тел, он с нею полностью был согласен. Дух в зале стоял такой, что куда там каким-то холопам...

Они возвращались после ужина в свои комнаты, расположенные в огромной квадратной башне. Во дворе было беспроглядно темно, лишь кое-где слабо сияли язычки факелов. Оглушительно и совсем по-земному пели сверчки, вкусно пахло влажной, в ночной росе, травой. Серега, несший миску с едой и кувшин с молоком для Мишки, ощутил вдруг толчок, затем чьи-то когти на своем плече. Чертыхнувшись и едва не выронив ношу, он скосил глаза. Мухтар. Гуляка деловито потерся головой о его ухо и по-хозяйски улегся эполетом на Серегином плече. Клотильда, хихикнув, сказала вполне серьезно:

— Сэр Сериога, а та дама, что преподнесла вам этого плища... кстати, весьма дорогой подарок... она не будет в обиде на ваши симпатии к леди Эспланиде?

— Нет, — выдавил Серега. — Это был прощальный дар.

— О... а! Ну, это хорошо. То есть весьма печально, конечно. Соболезную. Что ж... Я тут хотела с вами поговорить, сэръ Сериога. Дело весьма деликатное, тем более что оно касается представителя самого знатного на континенте рода. То бишь моего собственного. Речь идет о некоем соглашении, в некотором роде взаимной услуге, понимаете?

“Все, что угодно, — подумал Сергей, — только не проси меня носить твои цвета”.

— Я люблю милорда Жанивского, — на полном серьезе и абсолютно спокойно заявила вдруг бронированная блондинка и добавила с драматической ноткой в голосе: — Но он не

обращает на меня никакого внимания!

Сергея споткнулся и вновь чуть не выронил миску вместе с кувшином.

— То есть он, конечно, обращает на меня внимание, но как-то не так, — горько жаловалась Клоти. — Он отказывается от всего, что я ему предлагаю — дружеский поединок, турнир на звание лучшего выпивохи, бой на кулаках... Даже от игры в кости, хоть я ее и не люблю! Но он отказывается от всего. А ведь так прекрасно было бы побыть вместе! Уединиться на ристалище или под столом... А он говорит, что желает, дабы дама его сердца была более... более... культурной, вот это словечко! Мол, он хотел бы беседовать со мной об устройстве мира, о... черт, как это... о мироздании, вот! А я, к его скорби, на это не способна! Нет, ты представляешь?!

И леди Клотильда, завывающе вздохнув полной грудью, сокрушенно всплеснула руками.

— Увы, — односложно посочувствовал Сергей, поудобнее перехватывая миску и кувшин перед подъемом по лестнице. Внутренность башни, где были расположены их комнаты, наличием осветительных приборов не страдала. Поэтому идти по лестнице приходилось на ощупь, ориентируясь в основном на незамолкающий голос леди Клотильды.

— И он заявляет, что вынужден носить цвета другой дамы! Ха, это даже не смешно, потому что он сам говорит, да и все это знают, что эту толстуху, дочь лорда Плантагенета и его наследницу, выбрали для него его родители! Да в ее роду насчитывается всего три поколения благородных предков! Всего-навсего! Да и благородными они стали лишь потому, что ее прапрадед сумел хитростью жениться на обнищавшей наследнице титула! Правда в том, что ее земли в длину насчитывают не менее трех сотен дерев. И еще замок на три башни! Да мои благородные предки, из коих я лично могу перечислить все сто восемьдесят шесть поколений, такие замки называли фермами! И дарили их вассалам! Вот и додарились, собственно... О, сэр Сериога, ну как же я несчастна!

Сергея поискал у себя в душе и не нашел в ней особого сочувствия к бедняжке леди Клоти. Все эти девичьи страсти по неразделенной любви... Взять эту леди Клотильду — своя в доску для местных, рубаха-парень одним словом, и так убиваться из-за того, что какой-то придурок, который даже выйти на поединок с ней побоялся, ее не любит! Дурость, одним словом. Вот леди Эспланду он мог понять. Тяжело быть чужим среди своих. Но Клотильду-то никто не избегал, не обклеивал позорными кличками. На это никто и покуситься бы не посмел, учитывая ее крайнюю популярность среди местного воинского состава. И причины этой популярности... Так что в чем, собственно, дело? Не любит один, пусть полюбит другой! Тем более что боярыня лицом лепа...

Лично он именно так и подошел бы к этой проблеме.

Леди Клотильда, однако, думала по-другому.

— И вот я подумала и решила... Вы, сэр Сериога, кажетесь мне человеком сведущим в этом самом, как его... мироздании. Вот если бы вы сочли возможным поделиться со мной хотя бы крохами ваших знаний, я, со своей стороны... Нет, много я сделать не могу, замки дарить — это для нашего рода уже в прошлом, далеком прошлом... Поговорим откровенно, сэр Сериога. Вы менестрель и, прошу простить за откровенность, не производите впечатления человека, могущего открыто назвать имя своих благородных предков... или хотя бы имя отца. Не желая оскорбить вас, замечу также, что и оружия вы не имеете. Стало быть, ваш родитель не только не принял вас, но и даже не пожелал дать вам подобающее вашему происхождению воспитание. Сие не только прискорбно, но и весьма опасно. В стране, сэр Сериога, темные времена и очень страшные дороги. Когда я вспоминаю, как доверчиво вы

стояли, ожидая моего приближения, там, на лесной дороге, без оружия и без всякой защиты... У меня такое впечатление, что вас попросту взяли и вышвырнули из уединенного места, в коем, без сомнения, вы росли, не ведая ничего об окружающем нас жестоком мире... Вышвырнули, чтобы вы погибли. И вот мое предложение. Я не только буду сопровождать вас, но и научу многому. После того как мы расстанемся, вы даже станете опасны. Для плишей. Шучу! На самом деле, сэр Сериога, я постараюсь сделать из вас воина, полностью подготовленного для вступления в рыцарское звание. В мою личную подготовку в родовом замке Персивалей входило и искусство обучения новобранцев. Быстро и в любой обстановке... А взамен вы расскажете мне о... мироздании. Я... я внимательнейше буду вас слушать, сэр Сериога, и постараюсь усвоить каждую крупицу вашей мудрости. Клянусь, приложу все силы, чтобы научиться говорить так же интересно, как и вы, сэр Сериога. Ну как, по рукам? Что, сэр Сериога?

— А ниче, — философски сказал Серега. Разумеется, он согласен. А кто бы посмел отказаться? Покажите мне такого, и я, вернее, леди Клотильда, плюнет ему в лицо. — Безмерно польщен. Конечно, согласен.

— Ха! Я знала, что ты... вы меня поймете! — обрадовано рявкнула леди Клотильда и дружеским шлепком по плечу втолкнула Серегу в его комнату.

“Ха, — отметил он про себя, — я теперь не “ты”, я теперь более уважительное “вы”. Расту на глазах. Вы, сэр Сериога...” — Сергей хмыкнул и оглядел комнату.

Мишки на кровати не было. На столе оплывала свеча в серебряном подсвечнике. Из распахнутого окна на пустую кровать падала широкая полоса сияния от местной Луны, золотисто-зеленой, как кружок сыра рокфор. И везде, куда падал свет, было пусто.

Серега в панике грохнул миской и кувшином об стол, лихорадочно огляделся. Если старуха пробралась в комнату после его ухода... Черт, сейчас он бы сам, даже без помощи леди Клотильды и ее жеребца, обеспечил бы этой дряни пожизненную инвалидность!

Его уши уловили вдруг слабый, прерывистый вздох, и он резко повернулся на этот звук. Самый темный угол комнаты. Там кто-то был.

Мальчишка неподвижно сидел в углу, сжавшись в комочек, глядя на приближающегося Серегу огромными испуганными глазами. Зрачки напоминали два черных озера, в которых плавали язычки свечного пламени.

Серега присел рядом, и Мишка робко обхватил его руками. Он неловко приобнял его в ответ. Мухтар на его плече взмурлыкнул и перебрался на Мишкино плечико — знакомиться со своим новым приобретением.

Свеча догорала. Мишка сонно черпал ложкой еду из миски, Мухтар ожесточенно терзал цыплячье крылышко на полу. Сергей дремал, сидя за столом. В его недлинной жизни это явно был самый длинный день. И в прямом и в переносном смысле. И он наконец-то закончился.

Он не помнил, как перетащил на постель уснувшего прямо за столом Мишку и сам улегся рядом. Насытившийся Мухтар вспрыгнул на подушку и нахально свернулся клубком между плечом и шеей. Но Сереге было уже все равно. Он спал.

Глава третья

ТЫ БОЕЦ. ТЫ ДОЛЖЕН БЫТЬ УЖАСЕН...

Проснулся Сергей от того, что лежащий под боком Мишка заворочался, устраиваясь поудобнее. Он позевал, скосил глаза. Из приоткрытого Мишкиного рта тянулась на подушку сладкая струйка слюны. Он казался бы самым обычным, вполне нормальным спящим ребенком, если бы не застарелый желто-зеленый синяк на виске и черные, запавшие круги под глазами. Ничего, мелкий, все еще образуется, мысленно пообещал ему Серега. Кто против нас, если за нас сама леди Клотильда? И леди Эспи... Блистательная Клоти и стерва Эспи. Н-да, ну и парочка. Помнится, классик говаривал, что в одну телегу впрячь не можно... А впрочем, кто тут конь, а кто трепетная лань — сам черт не разберет...

Пора вставать, мысленно пнул себя Серега. Вставалось ему, бедному, тяжело, с зевками и потягиваниями. Как он ни старался быть осторожнее, Мишка, лежащий рядом, все же проснулся. Проснулся резко, точно от удара, вскинувшись, сел, испуганно моргая сонными глазами. Серега нарисовал на лице спокойную улыбку.

— Встаем, Мишка. Одеваться, умываться. Солнышко-то уже высоко!

Местное солнце и впрямь было уже высококонько, солнечные лучи в окно их комнаты падали почти отвесно. А если еще учесть, что предположительно долгота дня здесь больше земной... С Мишкиного лица ушел испуг, но настороженность осталась. Он послушно слез с кровати и стал одеваться. В местной одежде, кстати, он разбирался еще хуже, чем сам Серега, и ему пришлось помогать. Завершив сражение со своим гардеробчиком, они наконец спустились во двор.

Воздух уже начинал дрожать от приливающего полуденного зноя. Над башней, где располагались комнаты леди Клотильды и Сереги, с дикими криками носились какие-то птицы. В чистом небе не было ни облачка, но было душновато, как и вчера. То ли климат у них здесь такой, с повышенной влажностью, то ли дождь второй день пойти собирается, да все никак не соберется... Леди Клотильды нигде не было видно, но подниматься снова наверх и заглядывать в ее комнату Серега не решался — еще поймут не так, нравы в этой местности крайне простецкие, еще те... оставшиеся от юрского периода.

Он отметился у дворового колодца, заодно почти насильно умыв Мишку. Редкие слуги оглядывались на них с изумлением. Вчерашних пажей тоже нигде видно не было.

На кухне их угостили бобовой похлебкой и холодным мясом на ломтях свежее испеченного хлеба. Пока Мишка в очередной раз в ускоренном темпе заглатывал, почти не жуя, свою порцию, Серега, нехотя откусывая от импровизированного бутерброда (похлебка, на его взгляд, была уж чересчур неаппетитной), прислушивался к болтовне слуг. Одна из кухарок, заметив его заинтересованность, радостно кинулась посвящать его в суть обсуждаемого:

— Знаете ли новость, благородный сэръ? Седни ночью... — бабища в переднике артистично выдержала томительную паузу — искусство, без сомнения, отточенное долгими годами практики, — баньши балинокское не кричало. Вот чудо-то! С тех самых пор как оно у нас объявилось, а тому уж года полтора на прошлой неделе было, такого почитай что ни разу и не было... Кажну ночь орало без перерыву! А ныне вот... Може, с ним случилось что, а, благородный сэръ? Вам-то оно виднее, баньши ведь по простым людям не кричит...

Призванный дать ответ, Серега отчаянно ломал голову. Баньши, что это вообще такое?

Мишка доел выданную порцию и теперь заинтересованно поглядывал то в рот Сереге, то на его миску.

Вспомнил! Баньши — мифические существа вроде призраков, кричат, предвещая несчастья с кем-либо, надо понимать, знатным и благородным. Ну и почему же эта проклятая баньши сегодня не кричала?

— М-м... Да-а, — изрек он как можно глубокомысленнее. Тянул время, потому что ни одно мало-мальски толковое объяснение не шло на ум. — Я думаю. О! Ведь баньши кричат к беде, верно? Так вот, она... предупреждала. А нынче ночью... э-э-э... ее предупреждениям вняли. И одному из благородных сэров наверняка перестала грозить опасность. Кстати, а где леди Клотильда?

Повара, поварихи и поварята дружно ахнули и воззрились на Серегу в немом восхищении. Хотя вроде бы ничего такого особенного он не сказал. Мишка, воровато оглянувшись, рывком утащил к себе Серегину миску и через край торопливо выхлебал то, что там было. Одна из поварих наконец-то неуверенно помахала рукой куда-то в сторону окна.

— Леди Клотильда? Она вроде бы с рассвета на ристалище, рыцарскую плоть... это... в благородных забавах истязает... то есть упражняет!

Серега ухватил Мишку за руку и потянул его к выходу. На пороге он чуть не наступил на мохнатый комок, рвущийся вовнутрь, к соблазнительным запахам. Мухтар явно проголодался — наверное, здешние ночи и впрямь длиннее земных. Котенок злобно мяукнул, напорвшись на Серегину ногу, неожиданно преградившую ему путь к заветным продуктовым целям. Характерный...

— Плиша моего покормите, пожалуйста! — крикнул Серега через плечо и быстро пошел, почти побежал в направлении ристалища.

Точнее, в направлении зверских выкриков и стальных лязгов, которые, вне всякого сомнения, могли доноситься только с места благородных рыцарских забав. Время от времени все эти звуки перекрывал счастливый рев толпы. Если только Серегу не подводил его слух, выкрики “давай, Клоти!” в нем преобладали.

Они с Мишкой миновали узкий проход между двумя внутренними башенками и вышли туда, куда надо, — к круглому, ровному полю, окруженному кучками зрителей.

Леди Клотильда дралась на мечях. Роль меча в ее ручище исполняла стальная полоса не менее метра длиной и шириной в мужскую ладонь. Полоса даже по виду не выглядела легкой, однако это не мешало леди Клотильде обращаться с нею с легкостью и ловкостью вязальщицы, в руках у которой привычная и почти невесомая спица. Сияющее лезвие выписывало в воздухе дуги и замысловатые петли, ловя и перехватывая меч противника. Тот, кстати, даже по виду выглядел бледновато рядом с жизнерадостно улыбающейся красоткой Клоти. Под солнцем взблескивали бисеринки пота на округло-мускулистых плечах леди, едва прикрытых тонкими лямками жилета. Противник вновь и вновь яростно бросался в атаку, но уже начавшая слегка скучать леди Клотильда очерчивала своим мечом весьма выразительный эллипс прямо перед его носом, и атака проваливалась. Движения рыцаря выдавали ярость, которую Серега прекрасно понимал — баба! Дама то есть. По нынешним феодальным меркам ей бы в башне сидеть да помахивать оттуда платочком холостым рыцарям... М-да, а она вместо платочка мечом машет. Вконец обозлившись, в какой-то момент рыцарь присел в полушагате и попытался пырнуть Клотильду снизу, явно целя в щель между доспехами — кольчужной сеткой, свисавшей с широченного пояса, почти

сплошь покрытого стальными пластинами, и бедренными поножами. Зрители взревели — такой выпад, очевидно, здесь спортивным не считался. Серега даже испуганно затаил дыхание... Блистательная Клоти, похоже, наконец-то разозлилась. Меч в ее руках описал в воздухе хитрый зигзаг, отсверкивая ослепительными молниями в лучах солнца. Ее противник неожиданно для себя оказался стоящим в боевой стойке, но без меча. Его меч катился по земле, переворачиваясь и подпрыгивая. Бой был завершен, к полному восторгу болельщиков,

Леди Клотильда сняла с руки стальную пластинчатую перчатку и отерла пот со лба. Стальная полоса меча с лязгом въехала в заспинные ножны. Рыцарь по-прежнему стоял перед нею, как-то униженно пригнувшись. Кажется, он извинялся. Леди Клотильда, не дослушав, махнула рукой и хлопнула рыцаря по плечу. Рыцарь покачнулся и слегка присел под тяжестью мощной дамской длани. На лице его выписалась смущенная растерянность. Однако он быстро оправился. Когда оба они — и рыцарь, и леди Клотильда — направились к краю ристалища, он выглядел даже весьма довольным. Леди явно не любила ссориться по пустякам вроде не совсем честных ударов.

— Сэр Сериога! — обрадованно вскричала Клоти, увидев Серегу. — Добрый день! Не для вас, как я понимаю, еще только доброе утро?! Позанимаемся рыцарской наукой перед обедом?

Кучки зрителей начали быстренько рассасываться — примадонна покинула сцену. Полуденная же жара и предстоящая нудная дрессировка молокососа-менестреля совершенно не способствовали их зрительскому энтузиазму, чему, надо признать, Серега был только несказанно рад.

К моменту, когда леди Клотильда, освободившись от своего облегченного варианта бронекомплекта, изготовилась к началу физзанятий, вокруг было совсем пусто. Только Мишка, похоже, боявшийся далеко отходить от Сереги, остался здесь. И сидел, скорчившись, на окраине ристалища, забившись в тень одной из башен.

Задышаться Серега начал уже через пять минут тренировки.

Леди Клотильда сунула ему в руки один из плоских, относительно небольших камней, аккуратными грудями наваленных возле ристалища. Как раз для таких случаев, похоже. Точнее, как раз для таких идиотов, мрачно поправил себя Сергей. Весил камень, наверное, пуда полтора. И милая, добрая леди Клотильда велела бежать, неся в руках этот камешек. Бежать по кругу и быстро.

Сердце стучало где-то между ушей, пот лил градом. Казалось, еще немного — и он упадет на раскаленную, исходящую пылевыми вихрями землю. Клотильда бодрой рысью неслась рядом, весело покрикивала, и ему приходилось терпеть и заставлять себя снова и снова поднимать неподъемно-бетонные и горящие от боли колени.

Прошли годы, столетия, прежде чем Клотильда разрешила ему остановиться. Сквозь бешеное сердцебиение, гулко отдающееся в ушах, продрался воющий звук. Сигнальный рог к обеду.

Проголодавшаяся от ратных трудов Клоти рванула скорым шагом в проход между башнями. Серега кое-как отдышался, упершись ладонями в колени, и заковылял следом. В бедрах судорожно полоскалась боль.

Он уже почти добрался до прохода и тут кое о чем припомнил. Поковылял обратно. На поле Мишки не было.

В тени башен было пусто.

Через несколько минут запыленных поисков, обшарив комнату в башне и кухню — места, где он сам более-менее ориентировался и где мальчишка уже бывал и, следовательно, мог снова зайти, — Серега вылетел во двор. И наткнулся на леди Клотильду, методично окатывающую саму себя водой во дворе под испуганными взглядами прислуги.

Леди Клотильда к факту Мишкиного исчезновения отнеслась крайне серьезно, что одновременно и обрадовало и обеспокоило Серегу. Несколько слуг, понукаемые ее грозными окриками, разлетелись по замку. Шарили они, похоже, основательно. В скором времени весь замок наполнился звуками учиняемой облавы — кудахтали всполошенные куры в курятнике, ржали кони, доносились громкие мужские матюги из комнат служанок. Замковое высшее общество, уже собравшееся в трапезной к обеду, но так и не дождавшееся появления “колена Персивалева”, тоже вышло полюбопытствовать. Впереди шествовала леди Эспланида, наряженная сегодня в скромненькое серенькое платьице, почти сплошь расшитое сапфирами. Узрев встрепанных слуг, носящихся в разных направлениях, стерва Эспи немедленно двинулась к Клотильде. Дамы смерили друг друга взглядами: Эспи — брезгливым, блистательная Клоти — отсутствующе-равнодушным. Завершив таким образом обмен верительными грамотами, дамы придвинулись поближе друг к другу и о чем-то пошептались. Затем леди Эспланида отвесила долгий, церемонный реверанс, на прощание еще раз облила леди Клотильду презрительным взглядом и удалилась, неся туго причесанную головку с надменностью и грацией змеи. Клотильда помахала рукой Сереге, подзывая его к себе.

— Сэр Сериога, — средневековая амазонка была серьезна, как никогда, и сердце Серегу екнуло в ожидании плохих новостей, — вашего... гм-м... слугу никак не найдут. Однако, по мнению стер... леди Эспланиды, мальчонку, скорее всего, похитила старуха. С час назад в замок заходила процессия нищих, паломники, знаете ли, Взыскующие Благотворной Часовни... Забавное такое религиозное течение. И очень опасное к тому же. Посему им позволили здесь только напиться, в пищу, как сами понимаете, отказали, и скоренько выставили за ворота. Причем стража не обратила внимания, прибавилось ли у них народу или нет... Так что, сэр Сериога... Мальчонка ваш наверняка у этих “искателей”. Я, кстати, не припомню случая, чтобы хоть кто-нибудь из них нашел то, что ищет... Но и их найти в чистом поле — та еще задачка, они и от борзых как-то скрываться умеют.

— Я отправляюсь в погоню.

— Это само собой, сэр Сериога. Никто не имеет права красть у благородного сэра его слугу — это его священная собственность. Позвольте только полюбопытствовать, остаются ли еще в силе наши вчерашние договоренности?

— Конечно, — подтвердил Серега. — Вот я вернусь и сразу...

Клотильда вздернула бровь и внимательно посмотрела на Серегу. Чувствуя, что ляпнул что-то не то, он смутился и нервно отвел глаза.

— Сэр Сериога! Как прискорбно глубока неученость ваша во всем, что касается жизни насущной. Вне всякого сомнения, виноват в том родитель ваш. Взыскующие Благотворной Часовни — это, знаете ли, народ, который просто так не догонишь. Они веруют в Часовню, что является нежданно тем, кто сильно... э-э-э... обижаем жизнью. Мол, является она в час горьких бед несчастному в разных обличьях — то в самом деле часовней, то дворцом в пустыне безводной, то воздушным замком, а то и вовсе... конюшней. Тех, кто бедствует, избавляет от бед, а тех, кто рядом оказался, награждает чем-то там таким... то ли милостью, то ли благостью. Божественным, короче. Ха, интересно, а если рядом как раз мучители

несчастливого окажется, то им тоже обломится? Помыслить если, кому ж еще рядом-то и быть, как не им... Итак, посему эти паломники весьма охотно укрывают таких, как эта старуха. Просто так такие не бегут, не так ли? Это дает им шанс надеяться на явление этой самой вожденной ими Часовни.

— Старухе вовсе не так уж плохо, — сквозь зубы сказал Сергей, припомнив гигантские размеры упомянутой особы. — Скорее наоборот, слишком уж хорошо, слишком...

— Согласна с вами, сэръ Сериога. И с моей стороны... Как смела она презреть справедливый приговор дочери Персивалевой! Но дело в том, что паломники эти прекрасно соображают, что вовсе не старуха... гм-м... погрязла в несчастьях... И посему постараются они сохранить и это положение вещей, и саму эту парочку при себе. Мол, страдания невинного ребенка скорее притянут к себе, а стало быть и к ним, взыскуемую ими халупу. Будут они по руслам ручьев пробираться, следы путать. И ни в коем случае не выйдут на дорогу. А если понадобится, то будут защищать этих двоих от вашего вмешательства. Даже если потребуются убить вас...

— Ну-ну...

— Хоть и собиралась я еще одну ночь провести под человеческим кровом, — мученическим тоном объявила леди Клотильда, — но поругана честь Персивалей. Едем вместе, сэръ Сериога. Сюда мы уже навряд ли вернемся. Чую, поиски будут долгими.

Целая стайка пестро разряженных пажей отконвоировала Серегу и леди Клотильду в их комнаты. Однако те шустряки, которые сунулись было вслед за Серегой в его комнату, моментально испарились. Комнату караулила грозная леди Эспланида.

Она деловито укладывала какие-то вещи в нечто, напоминающее по форме и размерам среднего формата земной рюкзачок. Рядом на постели красовался еще один точно такой же, но уже плотно набитый и заботливо увязанный поверху толстыми тесемками.

— Леди Эспланида, — сглотнув, жалко пролепетал Серега.

Леди наконец-то сочла возможным оторваться от своего увлекательнейшего занятия и поднять голову.

— Благородный сэръ Сериога! — Сероватые щечки зацвел румянец. — Как вы вовремя, я тут как раз... Ваш путь, ваши подвиги, как я поняла из беседы с леди Клотильдой, должны быть продолжены. Должна сказать, что ваше благородство в отношении вашего слуги выше всяких похвал... и я надеюсь, что и в отношении наших с вами договоренностей вы будете столь же безупречны...

— Буду, — прохрипел сэръ Сериога.

— О, мой дивный рыцарь! Итак, в этом мешке кое-какой дорожный провиант, всякие мелочи — гребешок, нитки-иголки, мыло, полотенце, мел для зубов. Внешность странствующего менестреля, готового на подвиги и славного своими сказаниями, вхожего при этом с лучшие замки страны, должна быть безупречна, не так ли?

Серега уныло покивал.

— Тут же вы найдете запасную дорожную одежду, обувь. В этом мешке — одежда нарядная, в коей будете вы представлять перед благородными обществами, дорогая обувь, плащ теплый, плащ парадный. И здесь же запас шарфов моих цветов. Под ними я упрятала рекомендательные письма. Дорогой мой сэръ, можете не волноваться, в нашей стране почти нет такого замка, где меня не знали бы... Теперь вот это.

Леди Эспланида жестом царевны-лягушки вытащила из широченного рукава расшитый поясной ремень. Протянула Сереге.

Он взял его и невольно взвесил на ладони. Тяжел поясочек, правда, и кожа, из которого он сделан, толстенная. И все равно — тяжеловат.

— В подкладе вшиты золотые монеты, — на удивление равнодушно сказала женщина. — Сотенные чаури Алмазных островов. У вас на ладони маленькое состояние, сэр Сериога. В подкладку каждого мешка вшито по векселю. Выданы мною сэру Сериоге, менестрелю, каждый на три тысячи чаури. В любом замке управляющий с удовольствием вам их учтет.

— Пряма-таки и в каждом... — с некоторым сомнением сказал Серега.

Леди Эспланида ядовито улыбнулась:

— Увы, сэр Сериога. Моя личная подпись и печать известны в этой стране каждому, кто имеет дело с товарами и денежными вложениями. Я тут как-никак самый крупный вкладчик Алмазных островов. Векселя бессрочные, выданы под семнадцать процентов... Процент, конечно, грабительский, но зато... Вам никто не откажет. Да чтобы получить эти семнадцать процентов с трех тысяч, любой управляющий замок своего господина продаст вместе с фундаментом... Только не забудьте смочить вексель водой перед тем, как предъявить его, — пока что это чистые листы пергамента, запасены вами для собственных нужд, записать что или попросту в кустики сбегать...

— Леди Эспланида... Я ужасно вам благодарен, но...

— Пустяки, сэр Сериога. Вы знаете, у меня предчувствие... Ваши странствия и ваши сказания принесут вам великую славу. А мне они принесут... капельку уважения. Есть разные способы напомнить людям о том, что ты истинная дама. Я выбрала необычный, но, по моим расчетам, лучший из возможных. Все просчитано, благородный сэр. И не забудьте: если выданные мной средства закончатся, а на вас по-прежнему будут мои цвета, езжайте в замок Дартан. Это на восходе солнца, сразу за Дебро. Мой личный замок. Небольшой, но хорошо укрепленный. Покажете управляющему пряжку вашего пояса, и он вновь обеспечит вас всем необходимым. И умерьте смущение на вашем лице, сэр Сериога. Знайте, если мой брат все же решит прикончить меня, дабы поживиться моим наследством, вы должны будете отомстить, заявив при этом открыто о своей любви ко мне. Покойников любить гораздо легче, чем живых, так? Но мстью не увлекайтесь — сочините про него какую-нибудь гадкую историю и расскажите ее...

— Н-да, дели Эспланида.

— Итак, сэр Сериога, внизу вас ждет леди Клотильда, она надежный спутник, и я уверяю вас в ее мощные руки.

— Премного вам благодарен...

— Не за что, не за что. Безусловно, с ней ваши странствия будут еще более опас... то бишь славными. Вниз для прощания с вами я спускаться не буду, надо же дать людям простор для воображения... Представляете, чем мы сейчас с вами только не занимаемся, по их мнению... Не краснейте так отчаянно. Бреши в знаниях вечно затыкаются бреднями...

Серега покивал головой, подхватил оба мешка, зажал под мышкой сверток со своей старой одеждой и направился к выходу, предварительно отвесив довольно неумелый поклон. Леди Эспланида, уже занявшая позицию у окна, царственно покачала оттуда головой и рукой. Синхронно так.

Внизу во дворе царила людская суматоха, эпицентр которой составляла фигура леди Клотильды на гарцующем коне. Рядом стояла еще одна лошадь, гораздо меньше боевого битюга рыцарственной дамы, но тоже вполне солидная, с благородными статями

породистого скакуна, золотисто-коричневая, с развевающейся темно-коричневой гривой. Серега с опаской подошел, лошадь глянула на него влажным карим глазом и пренебрежительно фыркнула. К внушительному седлу из черной кожи была подвязана какая-то скатка — то ли одеяло, скрученное в рулон, то ли еще что.

— Это твой! — Леди Клотильда, уже облаченная в доспехи, бодрая и свежая, насмешливо поглядывала на него сверху. — Уж и не знаю, какая из здешних дам решила сделать из пешего менестреля конного. Или все же знаю?

У Сереги заалели уши, он поспешно отвернулся и решил заняться процессом влезания на седло. С трудом зачихнув ногу в высокое стремя, попробовал подтянуться вверх... Н-да... Он решил подойти к делу иначе и, перенеся большую часть своего веса на ногу, вдетую в стремя, изо всех сил оттолкнулся от земли другой ногой. И опять просчитался. Нога, которую следовало всего лишь перекинуть через конский круп, описала полукруг, по пути заехав лошади по шее. Лошадь нервно дернулась, что добавило ему ускорения. Он шлепнулся на четвереньки, взвыл от боли под гомерический хохот слуг и едва успел крутануться на бок, уворачиваясь от лошадиного копыта, грохнувшего в землю в том самом месте, где только что была его спина. Кто-то, икая от смеха, помог ему встать. Боль в ушибленных коленях и локтях все никак не проходила.

— Сэр Сериога, помедленнее. Ножку в стремя... Эй, вы двое, помогите ему! — скомандовала леди Клотильда. — И кстати, кто тут ржет над моим... — Грозный голос выдержал паузу. Было слышно, как поочередно затихают издевательские смешочки. — Над моим спутником?

Взгроможденный в седло совместными усилиями двух пажей, Серега вытер пот и огляделся. Лошадь под ним нервно переступала с ноги на ногу, двор покачивался перед глазами. Снизу протянулась чья-то рука, и вальяжный Мухтар очутился на высокой луке седла прямо перед Серегой, предостерегающе зашипев на дернувшую головой лошадь и запустив когти в свой новый насест. Створки ворот заскрипели и разошлись в стороны.

Глава четвертая

ИЩИТЕ И ОБРЯЩЕТЕ

— Сэр Сериога! Между прочим, езда на лошади тоже неплохое упражнение. А ну-ка, ноги из стремян, колени согнуть... Еще, еще! Вот так, а теперь едем, опираясь не только на зад, но и на внутреннюю часть бедер, спина прямая, смотреть перед собой, плечи слегка расслаблены!

Блистательная Клоти явно слишком серьезно относилась к своим обязательствам. Она ехала рядом, с садистской заботливостью одергивая Серегу, едва только тот слегка сгибал спину или ослаблял коленный зажим. Она, похоже, всерьез верила в свою способность превратить его в нечто столь же мускулистое, безукоризненное и монстрообразное, как она сама. Жеребец под коленями слегка недовольной своим учеником стальной девы жалобно хрипел время от времени.

Дорога убегала к лесу. И она была пуста.

— Леди Клотильда, — поинтересовался Серега, пытаясь отвлечься от очень скоро появившейся ноющей боли в бедрах и спине — конная езда как упражнение удовольствием совсем не являлась, скорее это была пытка конем, — куда могли исчезнуть с дороги эти чертовы паломники, искатели этой самой Благодатной...

— Благодатной, сэр Сериога, только Благодатной! Вот попадете как-нибудь в Кашгар, область на севере страны, вот там не дай вам бог! Если вдруг поименуете это строеньице или самих паломников как-то не так, то, не ровен час, и убить могут. Там живут сплошь адепты Благодатной Часовни, и они, кстати, весьма строги к любым проявлениям непочтения к ним самим или к их вере. Остерегайтесь также и здесь, в землях Истинной Веры, задевать этих ублюдков. Они подобны в этом вонючим шакуялам — в людном месте покорно переносят оскорбления, даже кланяются и извиняются, но стоит вам напороться на них где-нибудь в лесу или на пустынной дороге, да еще если вы не способны защитить себя... Мне как-то довелось хоронить беднягу, которому “повезло” с ними встретиться. Зрелище, доложу вам. Немного напоминает пытку крючками и даже в чем-то пытку “вытянутой нитки”...

— Леди Клотильда! — почти взмолился Сергей. — Я только хотел спросить, как мы будем их искать!

— Ладно-ладно, сэр Сериога, я хорошо слышу, и не надо мне кричать. Придется, видно, курс пыток перенести в самый конец вашего обучения. Но вы не огорчайтесь, сэр Сериога, на результате это не скажется. Спину ровней! Спину ровно, я говорю!!! И колени, колени держать. Держать, я сказала!!! А что касается поисков, то сейчас мы направляемся в Дебро, селение примерно в сотне дерев отсюда. Там хорошие постоянные дворы, причем для самых разных кошечков — и толстых, и худых. Навряд ли паломники обойдут его стороной. Место нашей встречи не изменить, ха-ха!

— Они точно пойдут туда?

— Скорее всего, да. Видите развилку дорог? Вон там, на опушке леса, сэр Сериога. Одна из дорог ведет в Вакуа-холл, это в трех днях пути, но в окрестностях Вакуа эти паломники не любят появляться. Знаете, специфическое местное верование, в святую Пару... Короче, навряд ли какой паломник решится ждать там явления Благодатной Часовни. Можно дожидаться совсем не того, хо! Поэтому — Дебро. Село большое, проезжих любят, так как ими и живут. Единственное, что в этом варианте для них не так уж хорошо, — дорога туда

проходит по краешку Обсушенных земель... Впрочем, какого черта! Они же все равно по дорогам почти не ходят, они туда только наведываются... За провиантом. Так что они лесом... А вот мы только дорогой, иначе никак. Кони... В лес не попрешь. М-да. Случаются там всякие... казусы... Но, в конце концов, вы на коне, я тоже. Ускачем, если что! А вот паломники пойдут по дуге через лес, по сучкам-корешкам, пока выйдут к Дебро... Вот там-то мы их и будем ждать. В лесу или в поле за ними гоняться — бесполезное дело!

Сергея осторожно расправил ноющие ноги, вытянул их вниз на всю длину, в толще онемелых от напряжения мышц прокатилась благодатная судорога расслабления. И тут же на очередном конском шаге седло ощутимо и болезненно шлепнуло по задку. Сергей сморщился.

— А что это за Отсушенные земли?

Леди Клотильда неодобрительно покосилась на расслабленную Серегину посадку в седле. Черный жеребец под ней сделал то же самое. Причем в его взгляде была еще и изрядная доля презрения.

— Отсушенные земли... Говорят, когда-то это были весьма цветущие места, земли плодородные, фруктовые сады, виноградники. По территории это было целое герцогство. И все стало прахом, ничем, Отсушенной землею...

Конь под леди Клоти издевательски фыркнул и нетерпеливо пряданул ушами.

— Продолжаю, — строго сказала леди Клотильда и покосилась на уши своего жеребца, — но коротко. Насчет того, что было причиной случившегося, есть прелюбопытная легенда. Не слишком интересная и оттого, думаю, шибко похожая на правду. В центре Отсушенных земель было когда-то село, большое, торговое. С ярмарками. Купцы приезжали, хорошие деньги платили. За вино, фрукты, зерно. Так что вся округа жила сытно, зажиточно. И выдался у них страшно плодородный год — урожай, говорят, девать было некуда. Вина в бочки залили немерено, никто его уже и не брал, хотя продавали чуть дороже, чем даром... Для фруктов, зерна — амбаров не хватало, все кучами лежало в садах да на гумнах. Никто не знал, что с этим добром делать, вот ты представь, — привыкли они каждый год неплохие деньги получать, а тут на всех покупателей не стало просто хватать... Холопы и холопские души! Вот они и начали звереть. Прошел слух, что на ярмарку приедут закупщики от казны, провиант и вино закупать для армии. Ну и для королевского двора тоже. В окрестных селах все живенько собрались, товар в телеги, телеги со двора... Караваны целые по дорогам к ярмарочному селу шли. Говорят, возле одной из дорог стояла хижина. Караваны, сэр Сериога, шли непрерывной цепью... А из хижины — плач ребенка. Ну мало ли отчего дети плачут? Живот болит, зубы режутся... Телеги шли себе. Все за казенной деньгой спешили. А ну как сосед обгонит, а потом скажут, что все уже закушено, поворачивай, мол, назад. Так все и проехали мимо. В селе все продали, возвращались довольные. На дорожку еще и выпили, ехали назад веселые, с песнями. И та же хижина возле дороги, ни света в окне, ни звука на дворе... Одному вздумалось слезть с телеги и постучать — дайте, мол, водицы, а то и закусить кечем. Дверь была незапертая, он и вошел. Вошел и увидел...

Клотильда помолчала, отстраненно глядя в сторону.

— В домике жила семья — егерь с женой и их ребенок. Егерь, видать, перешел дорогу кому-то из местных браконьеров, они и “пошалили”. Ох уж мне эти шалости жирных крестьянских молодчиков... Дети живодерен. Егеря связали и подвесили вниз головой, с женой позабавились... Обоим рты заткнули, женщину привязали к кровати, чтобы не

мешала своим дерганьем милым забавам. Вот только сынишке рот затыкать не стали, думали, наверно, что на крик-то кто-нибудь да и зайдет... дело они свое ночью сделали, к утру ушли. Убивать не хотели, днем по дороге всегда хоть кто-то да проедет. Младенец орал, долго орал — остаток ночи, весь день, еще одну ночь... Пока не помер, то ли от натуги, то ли от страха, то ли просто от жажды... Егерь умер, потому что висеть вниз головой слишком долго вредно для жизни. Женщина кровью истекла... А совсем рядом по дороге в это время шли телеги... Все, знаете ли, торопились товар продать, прибыль получить, да кому какое дело до плача детского?

Леди Клотильда махнула рукой.

— А земли... Отсохли. С того самого дня... С виду оставались такими же плодородными, но вот урожая больше никогда не было. Ни зернышка, ни виноградинки. Фруктовые деревья цвели весной, вот только по осени плодов не давали, виноградные лозы были пусты, пшеничное зерно прорастало травой без колосьев. Колодцы высохли, вода в реках становилась то горькой, то соленой, и пить ее было невозможно. И люди потихоньку начали уходить. А потом на пустых землях стало твориться и вовсе нечто ужасное. Мертвецы вставали из могил, вновь из каких-то щелей вылезли вурдалаки и оборотни... Небывалые чудища и призраки чудищ наводнили те земли. Вот тогда уж бежали в панике и самые стойкие. И говорят, что все это время каждую ночь в маленьком домике плакал ребенок. И он, мол, и сейчас, в наши дни там плачет, вот только не каждый может это услышать... Говорят...

— А кто именно говорит? — устало поинтересовался Серега. Беседа отвлекала. Езда на коне сильно напоминала езду на автомобиле со спущенными шинами, только вот седло било до заду не в пример болезненнее автомобильного кресла. А сколько ему еще ехать...

— Да... ходят туда разные. В домах брошенных добро кое-какое осталось. Когда всякие эти страсти начались, люди, убегая, бросали все. Как при пожаре. Серебришко там, утварь.

Дорога шла по опушке леса. Крупные стволы взмывали вверх, пятная небо кружевными зонтиками крон. Мухтар, вцепившийся в седельную кожу всеми своими когтями, сладко сопел под мерное покачивание лошадиной поступи. Ему, похоже, прогулка верхом даже нравилась. День был в разгаре. По щеке у Клотильды ползла струйка пота.

Сергей горестно вздохнул, кое-как опять согнул ноги, с болезненной гримасой прижав колени к бокам лошади. Заду сразу же полегчало, но теперь в мышцах ног заворочалась судорожная боль. Клотильда послала ему одобрителный взгляд. Как углядела, а ведь вроде бы и не смотрела в его сторону...

Далекий шелест листвы над годовой, удовлетворенный храп застоявшихся, а теперь радующихся разминке коней. Хороший денек, который омрачали лишь воспоминания о малыше. Черт бы побрал эту старую ведьму!

Но с другой стороны, мрачно размышлял Сергей, предположим, спасет он его, а дальше что? Это не его мир, и рано или поздно он его покинет. Надеется, что покинет тут же, поправил он себя. Если только переживет все эти страш-ш-шные опасности и уж-ж-жасные приключения... Но что будет с Мишкой?

Надо будет его пристроить в чьи-нибудь надежные руки. Он с надеждой покосился на руки леди Клотильды. На дамских руках красовались стальные перчатки, почти сплошь усаженные шипами. Надежные руки в ежовых рукавицах...

В Отсушенные земли они въехали как-то незаметно для себя. По обеим сторонам дороги тянулся такой же лес, что и до этого. С виду, во всяком случае, он не претерпел никаких

изменений, однако леди Клотильда, до этого мирно дремавшая в седле, вдруг встрепенулась и подобралась.

— Отсушенные земли! — жестко бросила она Сергею и прищипорила черного жеребца.

Сергея с робостью в душе неумело дернул за поводья. К счастью, лошадь под ним, очевидно приученная ходить в строю, сама прибавила в шаге, переходя на перевалистую рысь. Серега, обреченно содрогнувшись всеми своими внутренностями, еще туже сжал колени на лошадиных боках, пытаясь поберечь отбитый седлом зад. Мухтар протестующе мяукнул и грозно приподнялся на луке седла, топорща свои усы.

Лес вокруг по-прежнему был тих и безмятежен. Пока Серега недоумевал, с чего, собственно, Клоти... пардон, леди Клотильда взяла, что это и есть пресловутые Отсушенные земли, все и началось.

Из леса, аккуратненького, как городской парк, неожиданно вывалился на дорогу клуб тумана. Обычного белесого тумана. И застыл громадной кучей ваты на их пути.

Кони исполошенно ржали, становились на дыбы, но идти дальше, похоже, отказывались наотрез. Даже звероватый боевой битюг леди Клотильды проявил постыдную слабость. На поверхности туманного барьера плавно переливались в разных направлениях шарообразные и червеобразные бугры, и было что-то завораживающее в линиях, прорисованных их замедленным танцем. Сереге даже показалось, что он видит что-то... Символы, какие-то буквы... Что-то смутно знакомое...

А еще, пронеслось где-то на задах его сознания, вокруг было нереально тихо. Не было слышно пения местных птиц, ничто не шуршало и не скреблось в траве, между корнями... Причем, как ему припомнилось вдруг, тишина эта воцарилась уже давно. Аккурат с того момента, как леди Клотильда тоном озлобленной вагоновожатой объявила Отсушенные земли. Стало быть, тишина — это и есть указатель... “Надо запомнить на всякий случай”, — отрешенно подумал Серега.

Леди Клотильда спрыгнула с бесновавшегося черного жеребца. И подбежала к шевелящейся мутно-белой преграде. Меч в ее руке тоненько дзенькнул, вылетая из ножен, и тут же леди-рыцарь с утробным хеканьем вонзила его в туманную плотину. Свистнув, лезвие прорубило глубокую расщелину. Клотильда ловко крутнула кистью, и меч вновь очутился у нее над головой, в позиции замаха для следующего удара. Этот удар пришелся под углом к первому, вычлняя из преграды желеобразно задрожавший ломоть. Леди Клотильда взмахом руки в шипатой рукавице выбила ломоть из туманного пудинга, он замедленно взмыл над барьером, тяжело пропахал воздух по пологой дуге и шлепнулся по ту сторону с жирным чмоком. Клоти, не задерживаясь, рубанула следующий клин...

Гнедой жеребец под Сергеей нервно переступал с ноги на ногу, истерично прядая ушами. Серега со смешанным чувством растерянности и недоумения цеплялся за танцующее под ним седло. Главное, что он сейчас страстно хотел бы знать, — это что же делать ему лично. Следовало как-то помочь леди Клотильде... В конце концов — это его мужской долг и прямая обязанность. Увы, дальше осознания всего этого дело у него не шло. Мухтар, распластавшись на седельной луке, яростно шипел и бил по коже хвостом. Потом вдруг затих, повернул ушастую голову к лесу и внимательно, очень внимательно посмотрел в эту сторону. По правую руку от дороги.

Сергея проследил глазами направление его взгляда, на удивление осмысленного. Лес как лее. Никого и ничего...

И вдруг Серега услышал идущий с той стороны какой-то неясный, смутный звук. Что-то

вроде... вроде тонкого, прерывистого свиста. Вначале он был на грани слышимости, затем потихоньку начал усиливаться. Похоже, источник звука двигался по направлению к дороге. В какой-то момент из свиста начали вычленяться стук и треск ветвей. Что же, по лесу, возможно, кто-то шел.

Стараясь не поддаваться приливающему страху, Серега высвободил ноги из стремян, соскользнул на землю. Леди Клотильда по-прежнему упорно рубилась с туманом. Серега прикинул про себя, стоит ли ему присоединиться к мускулистой красотке, трудившейся в поте лица и ничего вокруг не замечавшей. Меча у него, правда, не было, но на поясе болтался кинжал. Или все же ему следует поинтересоваться источником странного звука? В этот момент леди Клотильда, расширяя проход, описала мечом сложную гнутую восьмерку, концы которой легли справа и слева от неё. В полутора метрах. И Серега остро ощутил, что лучше не мешаться у нее под ногами, сиречь под вооруженной рукой. В самом прямом смысле.

Треск между тем приближался. Серега осторожно двинулся с середины дороги, где он стоял, к ее обочине, поближе к звуку. И вышел на бровку. Кусты, начинавшиеся в двух шагах от дороги, купались в лучах местного солнца. Каждый лист рельефно вылеплялся из резких граней тени и света, словно кустики отлили из твердой пластмассы в натуральную величину и в естественном цвете. По Серегиной спине гульнул холодок. Не от сквозняка...

И кстати, о птичках. То бишь о природе. Сквозняки — обычная вещь в любом лесу. Температурные перепады срабатывают, вот и тянется ветерок из мест, где тепло, в места, где похолоднее. Конфликт солнца и сырой, прохладной тени. Борьба температурных миров. Но кустиков на обочине, похоже, обычные физические законы отдельно взятого и прямо стоящего типического леса не касались.

Звуки и трески меж тем раздавались совсем близко. Серега, кое-как осознавший этот факт, оторвался от утягивающего, как омут, созерцания загадочных кустиков и медленно повел глазами. Глаза отчего-то не слушались. И тело было какое-то одеревеневшее, что ли... И вообще его состояние напоминало состояние курицы в застывшем бульоне...

По пологому склону плыла вниз фигура в черном плаще с капюшоном, накинутым на голову и закрывавшим все лицо. Плыла, плавно и аккуратно огибая попадающиеся по дороге стволы, зависая при этом сантиметрах в десяти над землей. Грациозные зигзаги, которые фигура выписывала по лесу, своей конечной целью явно имели его, Серегино, местоположение. Задетые полами плаща травинки слегка сгибались и тут же пружинисто распрямлялись, словно по ним проводили неширокой стальной полосой.

Фигура подплыла поближе. Из прорезей в запахнутых полах навстречу Серегиному взгляду выдвинулись руки — неестественно белые, в подозрительно толстых складочках. Как будто их передержали в воде, как это случается, например, с утопленниками. А затем эти руки откинули капюшон.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

И ничего такого особенного. Обычное лицо женщины средних лет. Припухлые щечки в лучиках мелких морщинок вокруг глаз и рта, над ними смеющиеся плутоватые карие глазки, небольшой тонкогубый рот, совсем по-земному выкрашенный сиренево-розовой помадой. Только одно было несколько... необычно — длинные, висящие чуть ли не до плеч петлеобразные мочки ушей. Женщина улыбнулась Сереге, не разжимая губ. Хорошо улыбнулась, искренне так, немного лукаво, немного печально. Протянула руку.

Протянуть ей навстречу свою Серега не успел. Что-то со страшной силой хлопнуло его

по плечу, и он откатился назад, под копыта своего гнедого. Золотисто-коричневое чудище, тут же завернув назад шею, сунулось ноздрями в Серегино лицо и оглушительно фыркнуло. Волна теплого воздуха окатила лицо. Пахнуло сеном, лошадьё и навозом. От этих запахов его слегка затошнило, но зато сразу ушло загадочное оцепенение, охватившее его после созерцания тех кустиков. Серега кое-как поднялся на ноги и обернулся.

У обочины леди Клотильда вела бой с воображаемым противником. Эффектные прочерки огромного меча в воздухе совмещались с текучими гибкими движениями тела. Выглядело это... отпадно. Убийственно, даже если сравнивать с бутафорскими кинодрачунами из хеппи-эндовских фильмов. Мгновенный скользящий шаг вправо, меч выписывает широкую воронку для захвата чужого клинка, искристо сияя при этом в прозрачном, застывшем, как кристалл, воздухе. Шажок назад с глубоким приседом, молниеносный взмах влево и тут же — рубящий с уклоном вправо из позиции снизу. Скольжение вправо с полуоборотом...

Женщина в черном плаще плавно отплывала назад. Хотя, постой-ка... Женщина?! Под капюшоном теперь было совсем не то лицо, да и лицом-то это никак нельзя было назвать... Со скул складками свисала распухшая бугристо-синеватая кожа, на шею со щек сползало целое жабо из трясущихся, наплывающих друг на друга кожистых оползней... Рот из розовато-сиреневого стал багрово-синим, тонкие губы змеисто извивались, А вместо глаз зияли черные дыры. С каплями сине-зеленого гноя вокруг пустых глазниц...

Полутанец-полубой леди Клотильды продолжался. ЭТО потихоньку уплывало. Мах, прыжок, атакующий шаг вперед... Меж реденького частокола нечастых стволов все еще мелькал столбик черного плаща.

Куст на обочине вдруг встрепенулся и задрожал.

Самое обычное явление — ветерок дует в лесу. Легкий свистящий шорох и трепетный шелест листы. Рядом медленно оседала в дорожную пыль леди Клотильда. Меч вывалился из разжавшейся стальной рукавицы, противно заскрежетал по изогнутым сочленениям и глухо стукнулся о землю. Серега кинулся к ней. Клотильда сидела на согнутых в коленях ногах и жадно хватала ртом воздух. На лоб из-под околыша шлема выбежал целый поток крупных прозрачных капель и пополз вниз по лицу, образуя на припорошенной пылью серой коже ветвистый водопад из промытых дорожек.

— Воды... Нет, лучше вина... — страдальчески, чуть ли не шепотом прохрипела леди Клотильда.

Серега кинулся к своему седлу. Ну, не подведи, хозяйственная леди Эспи... Эспи была на высоте. В одном из объемистых карманов на конской попоне обнаружилась солидных размеров фляга с плотно прикрученной крышечкой. Серега кое-как ее отвинтил, понюхал — есть! Вино. С приятным, слегка клубничным ароматом. Он бросился назад, держа перед собой на весу драгоценную емкость.

Клотильда выхватила флягу из его рук, жадно начала пить, давясь и захлебываясь, рука, державшая флягу, мелко тряслась, из уголка побелевших губ сбежала на подбородок розовато-красная струйка вина. Серега почтительно поднял из пыли ее меч, обтер рукоять полый своего плаща. Прямо Орлеанская дева какая-то, м-да... И как только она умудрилась такой здесь вырасти, при здешнем-то традиционно нулевом женском равноправии?

Леди Клотильда наконец напилась и кое-как встала — сначала на четвереньки, а затем и в полный рост. Протянула руку, перехватила за рукоять неподъемно тяжелый, по оценке Сереги, меч, швырнула его в заспинные ножны. С усилием подняла руку, похлопала Серегу

по плечу. По тому самому, которое хватанула рукой, отшвыривая его от обочины дороги. По плечу мощным электрическим разрядом стрельнула боль. Богатырская наша сила... Да, хорошо она его приложила. Ладно хоть кости не сломаны. КАЖЕТСЯ, не сломаны, поправил он себя. Зато явно жив. А как вспомнишь дамочку в черном плаще...

— Дивное было вино, сэр Сериога, — добродушно сказала леди Клотильда, с видимым сожалением на лице завернула крышечку и, печально вздохнув, потрясла флягу над ухом. Судя по звуку, вина во фляге оставалось еще порядочно. Лицо могучей леди тут же радостно просветлело. — Вот как раз такое вино и потребно доброму рыцарю, только что побывавшему в схватке с пасели.

— Па... Пагсли? — несколько ошарашенно переспросил Серега. Судя по абсолютно спокойному лицу леди Клотильды, создание, только что покинувшее эту местность, было для нее нормальным, чуть ли не обыденным явлением. Чего никак нельзя было сказать о нем самом. Клоти досадливо поморщилась:

— Познания у вас, благородный сэр... — Фраза, сказанная ею с оттяжечками и расстановками, прозвучала как хорошо сбалансированная и отточенная ругань. — Па-агсли... Пасели! Конечно, не всякий благородный сэр знает о пасели, но тот, кто ходит по дорогам, а не только по постелям своих служанок, знать просто обязан! Так-то вот, сэр Сериога.

— Это... благородная нечисть такая? — как можно беззаботнее осведомился у нее Серега. Вот и опять лопухнулся... Все, что теперь оставалось, — это пытаться спасти положение, кося под невинного домашнего полудурка.

— Благородная?! Нечисть?! Сэр Сериога, как нечисть вообще может быть благородной?! Черт бы вас... И вашего папашу тоже! Дьявол и все его тринадцать когтей! Прости мне Боже... И дай мне, Господи, силы успокоиться и дотащить этого... этого! Живым и невредимым хотя бы до Дебро! Уф... Нет, сэр Сериога, пасели — это не нечисть Той нужна только душа. Ну и иногда брренное тело — вселиться в него, попользоваться. Но потом они его всенепременно бросят! А вот пасели, хм-м... Оно не бросит. Ни за что не бросит! Лично я, конечно, вижу в том великую Божью справедливость: питаемся же мы безвинными животными, хотя и у них есть душа. Стало быть, и нами кто-то может закусывать...

— А... Оно?! — с ужасом спросил Серега. Зубы клацнули.

— Н-да... Но... Да что вы так побледнели, сэр Сериога? Уверяю вас, пасели еще милосердно по сравнению с другими. К мучениям жертвы равнодушно, всего лишь скромненько и неторопливо поедает ее... Вот вас бы ей хватило как раз на неделю. И знаете, сэр Сериога, будь сегодня первый день седмицы, то вы бы точно дожили до вечера пятницы. Правда, в несколько укороченном виде. Пасели любят свежее мясо, посему жертвы свои сразу не убивает и кровью истечь не позволяет. Отрезает от человека по кусочку, аккуратненько так, и тут же прижигает... Так что, как видите, совсем, совсем не нечисть. Вполне благопристойное создание магов для вполне разумных и понятных целей. Для сохранения могил достойных людей, кои, умирая, пожелали освободить наш мир от еще одного наущения дьявола, сиречь раритета...

— Раритета? — снова встрял с вопросом Серега.

Леди Клотильда громко скрипнула зубами и застонала. Стон своими обертонами сильно напоминал вой.

— Раритеты — плоды мечтаний и исканий магов, воплощенные в различных вещах. —

Назидательно выговаривая каждое слово, леди Клотильда в то же время деловито принялась за выбивание пыли из сочленений и соединений своей брони. Сталь под хлопками боевой рукавицы гудела и звенела. — Самых различных. Мечи полной защиты, укрывающий шлем, незатупимое копьё, кинжал неостановимой мести... Ну и дамские радости — зеркало истинных красот, серьги “не отводи взгляд”, ещё какая-то дребедень... Правда, с этими штучками все время что-то было не так. Слыхала я, что в зеркале некоторые красотки были страшнее волколаков, а надев серьги, с серьгами все почему-то сразу забывали о том, что между серег ещё и лицо есть... Ну и так далее, и все в том же духе. Ну за то их побыстрее и спровадили под землю. Ныне большая часть всех этих раритетов там, слава богу...

— И шлем, и мечи, и копьё? — несколько коварно поинтересовался Серега. — Ведь какие вещи были! Незаменимые для рыцарей!

Леди Клотильда вскинула бровь, то ли подозрительно, то ли презрительно посмотрела на него.

— Рыцарская доблесть не в доспехах или вооружении волшебном, сэриога! В них лишь происки сатаны! Не нуждается истинный рыцарь в гадостях этих. Будет ли честь мне, коли победу... победжу таким нечестным способом я? Никогда... Впрочем, о чем это мы?

Рыцарская длань развернула Сергея по направлению к его коню и легким толчком придала ему нужное ускорение.

— Едем, сэриога.

— Как едем? — изумился Сергей. — А преграда эта как же, ту...

Произнося эту фразу, он мазнул взглядом по куче белого тумана. Вернее, по тому месту, где она прежде была. И запнулся на полуслове.

Белесая грудa исчезла. Растворилась в воздухе. Дорога была свободна.

Леди Клотильда, уже сидевшая в своем седле, подъехала к его коню, бережно опустила флягу в предназначенный для нее карман. Поморщилась, глядя на попытки своего спутника влезть на терпеливо ждущего этого коня. И буквально за шиворот втащила Серегу в седло.

Они ехали дальше. Солнце по-прежнему купалось в шелестящих кронах, роняя вниз, на дорогу, косой дождь из сияющих световых шнуров.

И, слава богу, был сквознячок. Струйки света трепетали, наглядно доказывая наличие ветра в дырчатых древесных кронах.

— Кло... Благородная леди Клотильда! — с некоторой опаской решил вернуться к интересовавшей его теме Серега. — А вот эти пасели... Значит, они хранители раритетов?

Леди Клотильда, зорко озиравшая окрестности, все же снизошла до ответа.

— Они хранители могил, сэриога. Сами раритеты, конечно, их мало волнуют, в них ведь нет живой и теплой плоти, дабы вкусить ее. Но вот в грабителях могил ее много, очень много! Раритеты ценятся весьма дорого. Следовательно, желание пограбить обурекает многих. Многие приходят... И дабы уберечь могилы от разграблений, созданы были неизвестным, но очень искусным магом эти создания, не боящиеся ни света, ни огня, ни ран, ни священных металлов. Ничто их не берет, одним словом. Живут вечно, кормятся за счет гостей незваных. Истинные стражи вечного покоя! Лишь перед одним пасели могут отступить — перед силой отважного духа. Если покажешь, что рыцарь ты истинный и способен на все. И даже способен побороть то оцепенение, кое напускает оно на души своих жертв. Тогда, говорят, пасели отступает и даже указывает на раритеты. Но... Странно все это, сэриога. Это пасели... Не думаю я, что имеется на этом пути рыцарская могила. Пришлс это пасели из леса и после туда удалилось... Опять-таки эта преграда — появилась она как

раз перед появлением пасели и исчезла потом. Все наводит на размышления, сэр Сериога. Весьма странное это пасели, странное и измененное. Вижу я в этом чуждую людям силу, которая даже этого монстра сумела преобразить. А вам на будущее дам хороший совет — увидев пасели, хватайте любое оружие, которое у вас есть под рукой. Даже если это просто сук древесный. И наносите удары в разные стороны. Задайте движениям свой ритм и считайте про себя, но неровно: раз, раз-два-три-четыре, раз-два, раз. Все в таком духе. Только неровный ритм может сбить чары, насылаемые пасели, а воинственный вид их пугает, даже если перед ними и не воин. Только так можно заставить пасели оставить свою жертву, только храбростью духа и умением бороться с его чарами!

Воодушевленная своей прочувственной речью, Клоти тряхнула поводьями. Вороной жеребец под ней издевательски заржал. Чувствовалось, что в долгих странствиях рыцарственной леди именно он и был ее главным собеседником.

— Леди Клотильда, — осмелился вклиниться в диалог двух старых друзей Серега, — у вас нет такого ощущения, что это была ловушка? Специально для нас, то бишь для въезжающих. Сначала задержали, чтобы мы ни в коем случае не пропустили этого свидания с пасели, а затем, когда свидание состоялось, но любви до гроба не получилось, пропустили дальше.

Клотильда повернула голову и посмотрела на Серегу долгим, задумчивым взглядом. Странно, но задумчивость удивительно шла мускулистой блондинке. На гладкой, тугой коже лба прорезались очаровательные складки, смотревшиеся именно складками, а не морщинками. Сереге вспомнился сразу классик, устами своего героя восхищавшийся дивными складочками над веками одной из своих героинь. Как он его сейчас понимал...

— Ловушка — это само собой. Но пасели? Лишь сильному магу под силу согнать пасели с его места и отправить гулять по Отсушенным землям. Не хотелось бы мне с таким встречаться... И не вижу смысла в уничтожении туманной преграды — мешать нам, так мешать...

— Возможно, дальше нас ожидает еще что-нибудь... соответствующее данной местности. Пропустили на встречу, — предположил Серега, обрадованный возможностью, которая до сих пор редко ему предоставлялась, — предполагать что-либо и быть при этом выслушанным как равный.

Клоти глянула хмуро, дернула поводья. Предположения равного, похоже, ее ничуть не порадовали.

— Леди Клотильда! Можно мне полюбопытствовать насчет этого вашего воображаемого боя...

— Бои не бывают воображаемыми, — сварливо поправила его Клотильда. — Бывают либо бои, либо тренировки.

— А вот это ваше, когда вы напротив пасели с мечом...

— А... Боролась я с наваждением, насланным на меня.

— Как с воображаемым врагом? Или это наваждение имело определенный образ?.. Что-нибудь еще, кроме этой фигуры в плаще, вы видели?

— Сэр Сериога, — веско сказала леди Клотильда, — истинного противника и настоящее лицо врага только тогда и узреть можно, когда бой уже начат. Так обстоит дело с пасели, и не только с пасели! Имею я в виду, что увиденное мною... В общем, это не важно! Деритесь — и тогда найдете, с кем драться!

Возразить на это было нечего. Но все же почудилось ему кое-что во время созерцания

тех кустиков... Смутное ощущение осталось, что он видел еще что-то. Но никак не мог вспомнить, что именно. И похоже, что у леди Клотильды те же проблемы.

Следующая возможность драться предоставилась им очень скоро. Даже чересчур скоро, по мнению Сереги.

Дорога снова свернула. Они выехали из-за поворота, и леди Клотильда вдруг остановила своего жеребца. А затем пустила его медленным шагом. Приглядевшись, Серега уловил в бликующем сине-зеленом пространстве леса две темные тени, взявшие дорогу в надежные клещи. Аккурат в том месте, где им вскоре предстояло проехать. Серега, уже начавший слегка трусить в ожидании следующей порции зубодробительных местных чудес, не спускал взгляда с увеличивающихся по мере приближения силуэтов.

Силуэты подросли и наконец стали доступны, как выразился бы военный, “визуальному наблюдению”.

С виду ничего особенного. Стоят себе на дороге два каменных постамента, а на них — два каменных гостя. Оба всадники, и позы — самые парадные, с прямыми спинами, ровно и красиво согнутыми коленями. Чем ближе подъезжали к ним Серега и Клоти, тем больше они могли их разглядеть. Камень, пошедший на скульптуры, был светло-серый, в сетке розово-красных жил, порядком иссеченных временем и непогодой. Отбитые края копыт, тронутые эрозией носки каменных сапог, бесформенные комки вместо рук. И лица — страшные оскаленные рожи с дырами вместо ртов, с отсутствующими носами. Венчавшие головы каменные торчащие вкривь и вкось обломки, прежде (когда-то очень давно?) обозначали, должно быть, волосы. Или короны.

— Может, по лесу объехать? — наигранно бодро предложил Серега. Хорошая мысль, одобрил он себя. Не зря же вот и паломники, взыскующие эту... Благотворную молельню, в лес подались. Правда, они-то подались в лес не здесь, а прямо от замка Балинок-Деде... Умный прямо не пойдет...

— Нет, — не глядя на него, шепотом распорядилась Клоти. — Дороги чем-то сродни бегущей воде. Нечисть их не больно-то и любит. На ней только монстры, живущие за счет человека, появляться могут... По большей части. А вот рядом с дорогой поджидать может кто угодно. Так что никаких лесных прогулок. Едем прямо, осторожно, уши развешиваем и слушаем все звуки, особенно мои команды. Ясно?

— Ага, — односложно ответил Серега, занятый успокоением Мухтара. Котенок бесновался, шипел, выгибал спину и нервными рывками точил когти об обманчиво мягкую седельную кожу. Раза два его когти прошли в опасной близости от Серегиного бедра. Похоже, что Мухтару каменные кони, в отличие от живого, на котором он ехал, совсем не нравились.

Они уже почти миновали каменные изваяния, как вдруг Серегины уши уловили какой-то негромкий щелчок. И он даже не успел оглянуться. Вслед за щелчком воздух тотчас заполнился грохочущими звуками — стуком и треском осыпающегося камня.

Позади них со скульптур слетала каменная шкурка. Как кожура с апельсина. То, что выползло из-под кожуры, мало напоминало прежних вполне человекообразных всадников. Сплошная сюрреалистическая композиция. Мягкие кожистые головы с переливчато-дрожащими, как яйца всмятку, черепами, руки, превратившиеся в щупальца. Причем по виду и цвету щупальца напоминали дождевых червей. Огромных дождевых червей. Отвратительных дождевых червей.

— Дьявол, — придушенно сообщила Сереге Клотильда. — Даже и не знаю, бежать или

остаться? Неведомо мне сие дерьмо... то есть сии чудища.

— Бежим-м... — выдавил Серега.

— Как сказать... — продолжала шепотом рассуждать леди Клотильда. — Зачастую спину показывать опаснее. Чем же этих тварей пронять-то можно, а? Черт, говорили же мне — ходи на уроки, детка, изучай таблицы по демонологии...

Каменная шкурка осыпалась до конца. Кони под чудищами оказались вполне обыкновенными, можно сказать даже нормальными, вот только глаза у них были странноватые — мутно-белесые, как будто затянутые бельмами.

Освобожденные от каменной скорлупы кони спрыгнули вниз со своих постаментов, тяжело и громко бухая копытами об землю. И направились к Сереге с Клотильдой. Всадники, казалось, спали. Глаза на стесанных, безносых лицах прятались под плотно сомкнутыми веками — их роль выполняли опухшие, отечные кожаные складки без всякого намека на ресницы. Щупальца — дождевые черви мирно лежали на конских холках.

Кони под Серегой и его спутницей слаженно пятились назад. Безо всяких понуканий. Мухтар вдруг снова взвыл и вскарабкался Сереге на плечо. Обстановка явно начинала накаляться.

— Лю-ю-ди... — просипел неожиданно один из двух всадников — тот, который напирал на них со стороны леди Клотильды. Голос прозвучал как нечто среднее между свистом и шорохом. Он напоминал шелест змеи, стремительным зигзагом пересекающей песчаный склон. Скрип ороговелых чешуек, шелест песка... — В-а-ам не надо-о... Не надс бы-ыть...

— Прошу прощения, всеблагодарнейший сэ, — живейше откликнулась Клотильда. — Полностью согласна я с вами, здесь нам действительно не надо быть. Едем мы проездом, по неотложнейшему делу и посему, если позволите вы нам удалиться, тут же приступим к выполнению ценнейшего указания вашего...

— А-а-а... — скрипнул всадник с Серегиной стороны, — знакомо-о-е-е что-то-о... Ты-ы Аурус-с-с Перс-си?

Повисла долгая, томительная пауза, в течение которой леди Клотильда, похоже, отчаянно пыталась проглотить нечто, застрявшее у нее в горле. Кони чудовищ стояли совершенно тихо и абсолютно неподвижно. Конь леди Клотильды в неподвижности им не уступал. Единственное, что в нем сейчас еще жило, — это глаза. Черный битюг косил явно пренебрежительно на своих соплеменников, стоявших напротив. Серегин конь нервно подергивал хвостом.

— Сэр Аурус Перси, к великому нашему сожалению, почил в бозе, — с церемонно-скорбной интонацией в голосе возвестила блистательная Клоти. — Все мы скорбим о нем и каждый год возжигаем у него на могиле приличествующую поминальную свечу. Каждый год, все прошедшие с того прискорбного события восемьсот двадцать шесть лет... Сэр... Сожалею... Мы весьма скорбим... Сейчас. И как раз по тому самому сэру Перси. И посему так торопимся, так торопимся... Свечку зажигать.

Серега с некоторым стеснением ощутил, что седло под ним заметно погорячело. То ли от пота, то ли...

— Пе-ерси мертв-в... — торжествующе просипел один из всадников, — вы — то-оже!

Серега никак не мог оторвать глаз от пугающего лица, на котором медленно открывались опухшие складки землисто-серой кожи, заменявшие чудовищам веки. Под веками мерцало и искрилось что-то светло-голубое, плещущее лучиками.

— Василиск!! — радостно заорал кто-то рядом. — Я вспомнила! Я это занятие... Мне про него потом рассказали!

Веки чудовищ открылись полностью. И ударил голубой свет. А солнечный — померк. Погас... Сон.

— Сэр Сериога! Сэр Сериога! — Кто-то отчаянно звал его издалека. Слабая боли стрельнула по лицу.

Сергея судорожно потянул носом воздух и неожиданно понял, что не дышал уже довольно давно. Почти целую вечность.

Снова вспышка боли на лице. Вот опять, одновременно с громким хлопком. Пощечина?

Сергея расслабленно приподнял веки, вяло обозрел окрестности. Прямо перед ним застыли всадники. Причем снова выполненные в варианте “а-ля каменный гость”. Пьедесталы высились позади каменных кавалеристов как напоминание об утраченных кое-кем возможностях... Прямо перед ним лежала лента дороги, освещенная солнечным светом, внизу под ним фыркал конь, когти Мухтара ноющими иглами торчали в его плече, а странно скривившая лицо леди Клотильда (плачет? собирается заплакать?) уже заносила руку для очередной пощечины.

— Клоти? Что... Что случилось?

Мужественная девица испустила радостный вопль. Рука в стальной перчатке, поднятая для удара открытой ладонью, сжалась в кулак и наградила Сергею дружеским толчком в середину груди. Он пошатнулся, едва не задев лопатками конский круп. Гнедой под ним пошатнулся тоже и испуганно переступил с ноги на ногу.

Клоти поймала поводья его коня, понукнула черного жеребца, и они дружно завернули назад. Точнее, вперед — если смотреть по направлению их движения. Мухтар беззаботно слез по Сергею, как по бесчувственной деревянной горке, к насиженной им луке седла. Кошачьи когти болезненным пунктиром прошлись по всей левой руке. Кисть, не защищенная рукавом, расцвела капельками крови.

— Воистину счастье, дорогой сэр Сериога, что хоть иногда снисходила я до учения. Чудища сии, именуемые василисками, весьма опасны для несведущего человека. Взглядом погружают они людей в сон, подобный сну камня. И нету от этого спасения! А некоторое время спустя и впрямь становится их жертва камнем.

Онемелость окончательно покинула тело. Седло больно подбрасывало зад.

— Но мы... спаслись? Как же?

— Старинное изречение, сэр Сериога. Рецепт, иногда помогающий против тварей, имеющих отношение к каменной магии. Ну, всех этих каменных гоблинов, скалистых троллей, гранитных великанов... Но, как оказалось, и василиски в эту семью вхожи. “Камень ножницы затупит, ножницы бумагу рвут, но бумагой обернется камень!” Бумага! А я тут как раз разжилась пачечкой для кое-каких... хм-м... нужностей...

— А как? Это все? — глупейше продолжал допытываться Сергей.

— А никак... Достала листы бумажные, прикрыла ими лицо, так и добежала до уродов сих, налепила им по листку на каждый глаз. Они и того... Обратно в камень. Древняя нечисть, доложу я вам, сэр Сериога, вещь презабавнейшая. Бумага, она ведь дело рук ремесленников, к магии отношения не имеет. Если вдуматься. Однако отчего-то для всех этих уродцев то, что изобретено и сотворено человеком, — опасно, хотя и избирательно. Чудны дела рук человеческих, и хоть сами мы и не зрим в них колдовства, но для Преждеживущих они становятся магией рода человеческого! Запомните на случай

надобности! Но-о!

Дорога вела их дальше. По Опустошенным землям. К Мишке.
В Дебро.

Глава пятая

ЕЕ ПРИМЕР — ДРУГИМ НАУКА...

— Леди Клотильда! Так вы говорите, этот милорд Жанивский любит беседы о мироздании?

Леди Клотильда, решившая подкрепиться прямо на ходу и с этой целью задумчиво вгрызавшаяся в здоровенный, слегка заплесневевший кус хлеба, поперхнулась и закашлялась.

Сереге уже почти было решился похлопать ее по спинке, но, потянувшись к ней, сразу же обнаружил всю шаткость седла как точки опоры. И благоразумно передумал.

Кое-как справившись с кашлем, леди Клотильда дернула поводья.

Черный битюг притормозил.

— О, милорд Жанивский дивно рассказывает о мироздании, о хрустальных сферах, что есть дело рук создателя нашего, и участвует в диспутах о том, есть ли руки у создателя нашего или ваял он эти... сферы исключительно духом... это мыслю, что ли? Перечисляет он все семь сфер и подробно описывает их. Сферы, говорит он, есть суть мироздания, недоступная человеческому мышлению и пониманию, но несущая в себе род человеческий, аки орех в скорлупках. Предивно рассуждает он о крепости, цветах и высотах сфер, произнося при этом столь чудесные слова, что и в брань отборнейшую не стыдно вставить их, как то: “метафизический”, “мысль философская”, “принципиальный” и — это вообще дивный перл, сэр Сериога! — “квинтэссенция”!

Блондинка упоенно перечисляла перлы милорда Жанивского, восторженно закатывая глаза. Черный жеребец стоически переживал ее словесный фонтан и даже, кажется, философски подремывал. Сереге задумчиво покусывал нижнюю губу. Интересно, что там писали великие о безответной любви в эпоху зрелого феодализма? Отелло... там все как раз наоборот — сплошная взаимность, замоченная (и в прямом и в переносном смысле) ревностью на почве кражи одной материальной ценности, то бишь платочка. Так все-таки писал Шекспир о безответной любви или нет? “Офелия, о нимфа”. Гамлет, принц датский. То ли любил, то ли не любил, а вот жениться так и не женился, еще один милорд Жанивский, писан маслом в датских пейзажах. Прошу любить и жаловать.

— Кло... хм-м, леди Клотильда, а лично к вам этот Жанивский — как?

Мускулистая Джульетта насупилась, нервно покрутила повод. Жеребец издевательски зафыркал.

— Оказывает он мне внимание... Если доведется встретиться нам на охоте или на званых пиршествах, подъезжает он ко мне и внимание оказывает...

— Какое? — Он уже чувствовал себя кем-то вроде испанского инквизитора, но остановиться никак не мог. Ему стало слишком уж интересно и любопытно, какая же она, бронированная любовь...

— Э-э... — щеки блистательной Клотильды стремительно покраснели, — говорит он мне, что красота моя ранит его в самое сердце, что никогда и никто не был ему столь мил, что с первого же взгляда понял он и восчувствовал, что лишь я... и что уверен он, что когда-нибудь всенепременнейше будем мы вместе. Но пока что... Много дел у него, и не может он никак увидеться со мной лишней раз — дела поместья, его долг ученого и просвещенного человека перед непросвещенным обществом... К тому же, как говорит он, не разбираюсь я в тонкостях философских бесед о мироздании, а почему не могу сопровождать его на приемы,

где участвует он в беседах умственных...

— Умных, — машинально поправил Серега.

— Ага, умных. Короче, туда, на эти приемы, меня никто не приглашает. И остаюсь я ждать следующей случайной встречи. Кстати сказать, в замок Балинок-Деде я и приехала-то только потому, что слыхала от милорда Жанивского, будто подумывает он приехать туда. Увы, так и не осуществил он намерение сие...

— И больше ничего? — рискнул спросить Серега.

— Ни-че-го... — горестно вздохнула Клоти. Тронула коня.

— А что насчет женитьбы? — уже в спину ей бросил Серега. Леди Клотильда дернулась всем телом, так, словно поймала спиной один из тех ударов, которые она так щедро отвечивала всем напрашивающимся. Серега моментально ощутил жгучий стыд за самого себя.

— Уверяет он, что родители его настаивают на браке этом с дочерью лорда Плантагенета. Из дрянных купчишек происхождение ее, но поместье, коему она наследница...

Клоти горестно повесила голову.

— По-онятно... — протянул Серега. — Без денег жить нельзя на свете, нет...

— Знаете что, Клоти... леди Клотильда? Бросьте вы это все и забудьте этого придурка! — выпалив эту весьма эмоциональную фразу, Серега тут же предусмотрительно втянул голову в плечи. А ну как дама отреагирует на его тираду в привычной ей манере...

Ответом стал шумный грустный вздох. С завываниями.

— Не могу я...

— Леди Клотильда, — как можно тверже возвестил Серега, — даже если вы часами будете трепаться с этим милордом Жанивским об этом самом... мироздании, он все равно не будет... ну, с вами. Найдет еще какую-нибудь причину, и даже если вы и с этим что-то сделаете, то он просто найдет следующую, понимаете?

— Понимаю... но не верю!

Ах да, мысленно вздохнул Серега. Те самые века, когда “верю” значило больше, чем “понимаю” и даже “знаю”. Ситуация была тухлой, как гнойник, и ясной, как прыщ на заднице, которая, кстати, у него самого, натертая и отбитая седлом, невыносимо ныла. Как ни странно, терпеть эту пытку и не падать с седла ему помогало только осознание того, что его спутнице, похоже, сейчас было еще хуже. Дева-броненосец хлюпала носом, терла глаза кулаком и в данный момент выглядела такой же жалкой, как вымокшая под дождем уличная кошка. Вариант “плюнь и разотри” он уже пробовал. Что-нибудь еще?

— Леди Клотильда, — вот так: тихо, мягко. В первый раз кошке так и надо говорить заветное “кс-кс-кс” — с нежной заботой и намеком на вкусные кусочки. — Леди Клотильда... не могли бы вы рассказать мне о... благородном обществе, о тех, с кем вы на турнирах бьетесь... Ведь бьетесь же? С лучшими из лучших...

Профиль опечаленной девы из зареванного постепенно превращался в задумчивый.

— А... конечно. — Фигурка в латах понемногу выпрямлялась. — Лучший из лучших и мой безусловный соперник в боях за награды — сэр Драммонд. Ветвь Лотарева, шестьдесят четыре поколения благородных предков, лорд Монтход...

— Женат? — вьедливо встрял Серега, увидав наконец свет в конце туннеля. Еще Макаренко утверждал, что девичьи сердца построены по принципу взаимозаменяемости составных, то бишь вставных, частей, под которыми он подразумевал мужские образы...

— Вроде нет, — несколько растерянно пыталась припомнить леди Клотильда. — Нет, не знаю точно. Хорошо владеет и правой и левой, лучше всего в рукопашном бою, хорош также на мечях. Врукопашную, кстати, даже я не рискую с ним связываться. А легче всего мне побеждать на копье, коли он супротив меня!

Шансы ничтожно малы, осознал Серега. Дама, лупящая кавалеров...

— Он любит дам?

— Сэр Драммонд?! — поразила Клотильда. — Низкая клевета это, сэр! И если вы немедленно не заберете назад свои слова, то вынуждена я буду... Черт, вас ведь и не вызовешь, сэр. Не убивать же мне младенцев за их детский лепет?

— Извиняюсь, — торопливо покаялся Серега. — Осознал и дико извиняюсь. Был неправ, леди Клотильда! Но зато теперь я знаю, что мы с вами сделаем, леди Клотильда, чтобы привлечь внимание милорда Жанивского.

— О-о? — озадачилась Клоти. Лоб ее снова начал покрываться складочками раздумий. Происходило это замедленно, и процесс этот явно был непривычен для высокого чистого лба рыцарственной леди.

— Леди Клотильда, приходилось ли милорду Жанивскому видеть... э-э-э, как кто-нибудь еще оказывает вам внимание?

— Ложь и клевета, — снова стала закипать блондинка, — никому не позволила бы я!

— Во-во, — поддакнул Серега, — а я вот в каждом фи... то есть каждая сопливая девчонка знает, что ревность — лучшая пища для взаимности. Кому нужна женщина, которой никто не интересуется, кроме тебя? Логика проста — если она пользуется вниманием, значит, она его точно достойна. Простая мысль простого мужчины — если ею интересуются другие, тогда она достойна и моего интереса.

Некоторое время они ехали молча, благо лес Отсушенных земель, простиравшийся вокруг, пока никаких фокусов не выкидывал, был, напротив, тих и благообразен, прямо-таки как приличный, ухоженный лесок где-нибудь в Центральной Европе...

— И вы думаете, ревность?.. — нерешительно сказала леди Клотильда.

— Угу.

— И милорд Жанивский...

— Несомненно. Всенепременнейше.

— Ну тогда... Кстати, а что тогда? Великий создатель! — Клотильда резко дернула поводья, и черный жеребец взвился на дыбы. Гнедой под Серегой, немного подумав, сделал то же самое.

— Мы заблудились, сэр Сериога! Заболтались, подобно двум простолюдинкам с базара, и нас завели! Морок, безусловно, морок наведенный!

Вместо широкой, хотя и подзаросшей слегка местным аналогом бурьяна дороги они оказались на тропе. Она была вполне пригодна для верховых, но все же это была тропа, а не дорога. И лес вокруг из цивилизованно-реденького, хотя и составленного из крупных стволов, превратился в чащу самой разнокалиберной поросли. Только одно осталось неизменным — здесь по-прежнему не пели птицы, к тому же близился вечер.

Клотильда крутнула коня на месте, осматриваясь. Затем остановила своего битюга и очень серьезно спросила у Сергея:

— И что же мы теперь будем делать, сэр Сериога?

Серега виновато помолчал. Если бы он не отвлек леди Клотильду своей болтовней, может, они и не забрели бы сюда. А может, забрели бы все равно — морок этот, то бишь

чары или наваждение, вещь наверняка не слабая и сознание должна дурить не хуже пустынных миражей. Предположительно должна... и кони не фырчали, и Мухтар не проявлял беспокойства... Все же сейчас леди Клотильда спрашивала у него совета. Он робко сказал:

— Может, поищем место для ночлега? Вечер ведь. Или вернемся назад...

— Я не представляю, куда нам ехать! — взывала леди Клотильда. — Мы двигались по дороге на северо-запад, а эта тропа ведет с юго-запада на северо-восток. Мы крутанулись на половину солнцестойного угла. И куда нам теперь идти? Может, вернуться на юго-запад? А если и это морок, и тропа выведет нас... черт знает куда? Ночевать в Отсушенных землях! Я уже имею рыцарское звание и не к чему мне совершать столь безумные и смертоносные подвиги!

— Ну... выбора у нас почти что нет, леди Клотильда. Обстоятельства...

— Не произносите неприличных слов в присутствии дамы, сэра Сериога!

Леди Клотильда возмущенно рыкнула и развернула коня на северо-восток. Серега дернул повод и двинулся следом за ней.

Солнце укатывалось за горизонт стремительно, словно его кто-то манил туда пальчиком, кони шли по тропе крупной маршевой рысью. Клотильда то и дело оглядывалась, хмурилась, но погонять коней, чтобы шли еще быстрее, не решалась. Видимо, боялась проглядеть по пути еще что-нибудь столь же опасное и каверзное, как сбивающий с пути морок.

Проблема с ночлегом решилась сама собой, когда на очередном повороте тропы из леса материализовалась избушка — вполне симпатичный домик в стиле “избушка на курьих ножках”. Правда, без “ножки”, хотя вот уж ей-то бы Серега никак не удивился в данных обстоятельствах. Стены бревенчатые, из стволов в два обхвата, односкатная крыша, покрытая замшелыми, позеленевшими от времени и непогоды досками.

Клотильда резво спрыгнула с коня, обежала избушку. Сереге даже показалось, что время от времени леди-рыцарь делает маленькие остановочки и вроде как принюхивается. Во всяком случае, характерно поводит головой и морщит носик. Видимо, ничем подозрительным вокруг избушки не пахло, потому что, сделав круг, Клотильда вернулась почти довольная.

— Расположимся на ночлег, сэра Сериога. Вроде все спокойно. У меня есть охранные амулеты, разложим их на пороге, подоконниках. Если будет на то милость Создателя, то завтра с утра тронемся в путь!

Серега кое-как перекинул ногу через седло, на животе сполз вниз. Вслед за леди Клотильдой доковылял на ноющих ногах до небольшого, кургузого крылечка. Леди Клотильда с усилием выдрала из косяка разбухшую, явно никем давно не открывавшуюся дверь. Зеленые толстенные доски, из которых дверь была сбита, обдали их запахом сырости и плесени. За дверью обнаружилась небольшая комнатка, щедро декорированная паутиной. Леди Клотильда содрала с руки рукавицу, нацепила стальной аксессуар на свой кинжал, поводила этой конструкцией в дверном проеме. Не дождавшись никаких результатов, с силой шмякнула рукавицей об пол возле порога, простучала кинжалом сам порог и косяк. Под конец просто сунула внутрь голову и огляделась или принюхалась.

— Черт. Два черта. Да даже три! — буркнула леди. — Не могу сюда зайти, что-то тут все же есть... Не магические изыски, не нечисть бездушная... Даже не злое. Но все мерещится мне что-то...

Сергеа повернулся, посвистел “кс-кс-кс”. Мухтар, до этого добрых полпути проспавший на седельной луке, лениво вскинулся, потянулся, прогибая спину и выпуская когти в седельную кожу. Сергеа досадливо сплюнул и снова нетерпеливо “поковыскал”. Мухтар наконец решил, что достаточно размял косточки, и серой молнией метнулся на землю. Сергеа поймал на бегу почти невесомый комок шерсти, погладил по спинке, чесанул за ушком. И поднес к двери. Котенок вел себя абсолютно спокойно, даже довольно замурлыкал. Сергеа наклонился и опустил зверька на порог. Мухтар осторожно поводит головой из стороны в сторону, усы-локаторы вибрировали, напряженно щупая воздух. Поза Мухтара ужасно напоминала позу Клотильды за несколько мгновений до этого. Неожиданно Мухтар взмякнул и, вытянув хвост трубой, ринулся в самый дальний угол. Тут же в этом углу обеспокоенно запищала мышь и смолкла, и сразу же в домике начало раздаваться довольно чавканье. Мухтар ужинать изволили-с. Сергеа повернулся к леди Клотильде и сделал рукой широкий приглашающий жест!

— Прошу, миледи...

— И поклон, — на полном серьезе сказала Клотильда.

— Что?

— Поклон приглашаемой даме. Положен. По церемониалу.

Сергеа неловко отвесил положенное по церемониалу. Поясница и зад ответили на это приступом ноющей боли. Клотильда шагнула вовнутрь, промаршировала по периметру комнаты, на ходу широкими взмахами правой руки сбивая паутину. За тенетами обнаружилась широкая лежанка, каменная печка посреди комнаты и оконце в стене, обращенное в глубь леса. Сергеа, помявшись, шагнул внутрь.

— Если есть здесь хозяин, — ни с того ни с сего сказал вдруг он, — пусть простит нас, незваных. Нам переночевать только.

Сказалось как-то само собой. Леди Клотильда глянула на него, разинув рот. Потом, опомнившись, закрыла. С ясно прозвучавшим хлопающим звуком.

— Коней заведем вовнутрь, сэр Сериога, пока светло, нарвем для них травы, жевать будут прямо в избушке, так мне... нам за них спокойнее будет. И дров запasti нужно поболее.

Клоти, извиваясь, как змея, сноровисто расстегнула застежки на своих латах, отлепила сияющую скорлупу от мускулистого тела, швырнула бронекостюмчик прямо на лежанку. Натянула перевязь с заспинными ножнами на потертый черный камзол.

— Делаем все рука об руку, сэр Сериога. Ни на мгновение не теряем друг друга из виду. Коней заводим в избушку, затем набираем дрова, нарезаем траву. Поторопимся, благородный сэр!

Труднее всего оказалось резать траву. Хотя их кинжалы управлялись с этим делом достаточно легко, но заниматься этой работой приходилось, ползая на коленях. Тело, перенесшее целый день в седле, сводило мучительные судороги. Тем не менее Сергеа, закусив губу, пытался не отставать от не знающей устали леди. Та стремительно ползла по лужайке вокруг избушки, и за ней оставалась выстриженная до самой земли полоса дерна. Они едва успели управиться до заката. Кони, с одобрением отнесшиеся к своему переселению в избушку, фыркали в углу, пережевывая траву. Леди Клотильда занялась огнем, и почти сразу же язычки пламени заплясали в каменной печке, дымок лениво полз в круглое потолочное отверстие. Домик, как это писалось в исторических книгах, топился по-черному. Сергеа пристроился на лежанке, достал из своего мешка лежащий сверху сверток с припасами — дары, вернее, гонорар, от милейшей леди Эспи. В чистую холстину завернуто

было закопченное до черноты мясо в розовых тончайших прослоечках сала, небольшие круглые лепешки, все еще хранившие мягкость свежее испеченного хлеба. Далее обнаружили кисловатые местные фрукты (а может, то были ягоды?), мякоть которых по консистенции напоминала яблоко, а по вкусу — ананас. Название их в устах леди Клотильды звучало как “грут”, но за верность своего фонетического восприятия Серега не поручился бы. Еще обнаружился горшочек с густой пастой, напоминавшей по вкусу смесь помидоров с редькой. Пастой полагалось намазывать лепешки и мясо. Коней напоили водой из маленького бочажка, оставшегося, по-видимому, после дождей. Вода была довольно чистая, отстойная. Крохотный прудик, спрятанный в зарослях позади избышки, обнаружила Клоти. Серега сильно подозревал, что сделала она это не столько благодаря зрению, сколько благодаря нюху. Свою собственную жажду они заливали не водой, а вином — леди Клотильда потому, что была истинным рыцарем (а как вопрошал еще Д'Артаньян, “что такое рыцарь без вина?”), а Серега — из любопытства к запретному плоду, попробовать который в земных реалиях ему доводилось не часто. Домашнее великовозрастное дитя, несмотря на почти взрослый ранг студента, допускалось только к шампанскому, да и то лишь по праздникам. Леди Клотильда тоже достала из своего мешка, ужасающе жалкого и тонкого по сравнению с внушительными Серегиными торбами, кое-какие припасы — черствую краюху хлеба, заплесневелый кусок сыра. Серега, чтобы не обидеть свою спутницу, первым делом, как только они принялись за свой ужин, демонстративно отломил по куску от сыра и окаменелого хлеба, добросовестно прожевал. Правда, по очень небольшому куску. И торопливо запил все это вином.

Клотильда ела со вкусом, аппетит ей не изменял и здесь, несмотря на пережитые опасности и полное неведение относительного того, что еще их ждет прямо за порогом этой избышки. Впрочем, как заметил Серега, предусмотрительная леди свое собственное угощение даже пробовать не стала. Сереге же после сильно отдающего плесенью и мышами сыра было как-то не по себе, и он был способен только мрачно поклевывать, отламывая и отрезая от всего самые крохотные кусочки. Вина он смог одолеть полстакана, не больше, хотя оно было не в пример лучше того, что подавалось на стол в самом Балинок-Деде. Но от землянично-сладковатого привкуса быстро стало терпко во рту, и он переключился на воду. Из угла, крадучись и облизываясь, притащился Мухтар, сел у ног, умильно переводя взгляд с лежанки на Серегу и обратно. Бодро сгрыз выделенное ему добродушной леди Клотильдой волоконце копченого мяса, укоризненно поглядел на Серегу и вновь умчался в угол, но на этот раз в другой. Оттуда сразу же донесся заполошный хоровой писк местной мышинной колонии.

Спать решили по очереди. Впрочем, решили — не совсем верно сказано, решение, как всегда, было принято и обнародовано Клотильдой, а Сереге была предоставлена честь согласиться. Леди Клоти улеглась спать первой, строгим голосом классной руководительницы приказав Сереге разбудить ее, как только его потянет в сон или начнет происходить что-нибудь еще, столь же неподобающее. И моментально уснула, пометив начало своего сна жизнерадостным храпом.

Язычки пламени танцевали в плоске каменного ложа. Жеребцы в углу мирно дремали, прислонившись друг к другу и возложив шею на круп соседа. Этакое милое лошадиное “шестьдесят девять”, время от времени всхрапывающее во сне. Читал он что-то про “голубизну” в животной среде. М-да, а расскажи об этом леди Клотильде — так ведь не поверит, а то и просто не поймет. Измываться еще начнет. А может, и поймет, и поверит,

дителя природы... Вот она, славная тема для бесед с милордом Жанивским — гомосексуализм как часть мироздания, как говорится, по молодцу и честь, по мудаку и беседа... Позже всех улегся Мухтар, охота для него явно стала наслаждением, а не средством пропитания. Мышиный писк мощно звучал в промежутках между энергичными всхрапываниями леди-рыцаря. Наконец все стихло, и донельзя довольный котяра, притащившись из угла, вспрыгнул на лежанку. Спать он примостился поверх кудрей леди Клотильды, соломенным веером разбросанных по конской попоне, служившей ей подушкой. Навряд ли, в некотором смущении подумалось Сереге, кот съел сегодня всех мышей, чьи горестные писки слышались на протяжении всего вечера. Судя по звукам, количества умолкших навсегда особей хватило бы для насыщения десятка голодных лис. Не ел, но передушил всех по очереди... Милые кошачьи забавы. Видимо, при феодализме жить — по-феодалному всех бить... А каким жалким был там, в самом начале двадцать первого века...

У всех в этом мире были ясные, четкие цели. Мухтар бил мышей. Леди Клотильда билась за сердце милорда Жанивского, судя по ее же рассказам, порядочного подлеца и идиота. Леди Эспланида использовала его для борьбы со своим комплексом неполноценности, наполовину созданным ею же самой. И только он один оказался в этом мире с наполовину сумасшедшей физикой (чего стоит один только василиск — переводит живую материю в мертвую без всякого оружия, просто радостным взглядом) с абсолютно сумасшедшей целью. А поди-ка ты, детинушка, незнамо куда, а и принеси-ка ты не знамо что. Точнее, не принеси, а приведи. И не что, а кого... А если еще учесть, что неформалами в этом мире являются не прозаические панки и хиппи, а сплошь всякие уроды в магических тонах (нечисть! пасели! маги, которых он еще не видел, но о которых уже весьма наслышан!), то становится и вовсе грустно. Может, это все-таки кошмарный сон с вкраплениями галлюцинаций?

— Да... Невесело бедному парнише...

И это тоже голосовые галлюцинации, сонно отметил про себя Серега.

— Галлунации? Эт что же, в вашем мире так хозяев обзывают?

— Не-е, — пробормотал Серега. — Галлюцинации — это... Это... Что?!

Он подпрыгнул на месте, выпучив глаза. Сбоку от каменной печурки сидело лохматенькое нечто, шибко похожее на заросшего космами и скрюченного в рост большой куклы старичка. Кургузый выцветший серый камзольчик поблескивал остатками золотого шитья, у потертых обшлагов и на воротах переливчато блестели капли драгоценных камней. Старичок зябко жался, тянул к нагретому печному боку заросшие бурой шерсткой ладошки.

— Ты кто?! — на полувздохе выдавил из себя Серега.

— Как хто? — несказанно удивился старичок, суетливо разгладил кудлатые космы спереди. Из зарослей выглянуло личико, остренькое, сильно смахивающее на мордочку, но все ж лицо. — Ты ж со мной, с хозяином, здоровкался!

— С хозяином? — тупо переспросил Серега.

— С хозяином, с хозяином, — довольно подтвердил старичок. — Вот за что муштин люблю — за бережливость к себе, любимому. В опасное место вначале кошку запустил, затем бабу, женщину то ись, затем на всякий случай поздоровкался и только опосля уж и сам взошел.

— Я не... — начал было Серега, но споткнулся и покраснел. Густо. Действительно, выглядело все не очень...

— Во-во, ты не дурак. Эт-та я уж и сам вижу.

Клотильда все же почуяла что-то сквозь свой богатырский храп, в какой-то момент затихла. И возникла вдруг возле печурки — готовая ко всему и без капли сонливости в лице. Чуть подрагивающий меч косо смотрел на старичка.

— Проснуласи, — сварливо огрызнулся хозяин. — Как в чужой дом шастать без спросу, так она впереди, почитай что на лихом коне, а как с пожилым человеком, хозяином то ись, поздороваться, так ее поди добудися!

Вот теперь Клоти выглядела опарашенно. Она глянула было на Серегу, но у того рожа все еще носила следы мимического отображения ситуации “баран и новые ворота”. Уразумев, что от Сереги в очередной раз толку не будет, она со вздохом опустила меч. Но не убрала.

— Милорд хозяин... — протянула она. Оценивающе так... Слегка поклонилась и приоткрыла рот... Церемониал, восхитился Серега. Сейчас воспоследует все, что положено.

— Без сомнения, почтенный и достойный сэръ... Разрешено ли мне будет принести вам мои самые глубочайшие извинения вкупе со словами благодарности за сей гостеприимный кров? Прощу простить, коли невежественно оскорбила я вас, дерзновенной стопой своею ступив под сень сих пенат, не испросив на то сперва добродетельнейшей милости вашей. Готова я во искупление сего принеси и покаянные извинения мои, и чистосердечнейшие уверения в том, что...

Клотильда заливалась соловьем. Серегу снова мощно закловило в сон. Он зевнул, быстро и испуганно прикрыв рот ладонью — а вдруг по церемониалу не положено?

— Да ладно тебе, девка, чо ты? Чо ты, чо ты, усе ладно... — засмутился старичок.

Клотильда примолкла на мгновение, похоже только для того, дабы сглотнуть, промочив слюной пересохшее от церемонной речи горло. И залилась вновь:

— Солнце всемилостивейшей доброты вашей, озарив меня, дарует радость...

Старичок шумно задышал. Серега, пофыркивая, достал припрятанную на полу в дорожных мешках флягу, вытряс оттуда остатки вина в стаканчик. Протянул Клотильде.

Клоти недрогнувшей рукой приняла стакан, не переставая рассказывать при этом что-то о “счастье” и “радости” ночевать в этом месте. В ее речи попадались выражения типа “ворота льющейся милости вашей” и “свет добросердечия, идущий от вашего чела”. Клоти жестом предложила выпивку и старичку, но тот только протестующе замахал ладонями. Она завершила свою речь изящным перлом, в котором, насколько сумел понять Серега, она приглашала старичка посещать её так же запросто, как и она посетила его. И запила это все вином. Интересно, подумал Серега, где принимают гостей странствующие рыцари — в чистом поле?

Старичок с явным облегчением выпрямился, поерзал, устраиваясь поудобнее. Легонько похлопал в ладоши, почти беззвучно. Серега, которому косматый старичок казался аналогом земного домового, о котором ему еще в раннем младенчестве любила рассказывать всякие небылица бабка-соседка, тут же зашарил глазами окрест себя. Непонятно, чего он ждал — то ли мышку с туеском красных ягод, на задних лапках подносящую угощение старичку и его гостям, то ли скатерть-самобранку. Ничего такого не произошло. Да и мыши наверняка поголовно Мухтаром передушены... Старичок довольно захихикал.

— Фляжечку-то встряхни, — жмурясь, посоветовал он.

Фляга снова была полна. Серега отглотнул на пробу — вино, еще лучше, чем то, что было в ней прежде. Он показал поднятый большой палец внимательно наблюдающему за ним старичку. В надежде на интернациональность жеста. И, похоже, попал. Хозяин

довольно закивал.

— Ну, гости, поздоровкались, пора и о деле поговорить... Э-хе-хе, юноша бледный со взором горящим... И девка, сиречь дева, в доспехах. Вы хоть понимаете, что водили вас тут, на Отсушенных землях, как хотели? Куды хотели... Ровно кутят слепых!

— Сэр хозяин! Мы отбились от пасели и василисков...

— Ага. А затем под морок вошли. Ну вы хоть знаете, детки вы мои неразумелые, что тропы-то никакой и не было? Как были вы на дороге, так и остались. Тропа-то часто завороты делала, а? Эт вас так на дороге разворачивали — взад-вперед, взад-вперед. Не поставь я тут избушку — для вас старался, гостюшки дорогие — что бы с вами было? Для ночных тварей здесь, в Отсушенных землях, меч твоя девки-рыцаря — тьфу, навроде зубочистки. Слыхали о марлонгах? Нет? А я вот счас расскажу. Умеют оне становиться невидимками, и нету у них ни одной косточки. Расстилаются по дороге, аки половичок-невидимка, и ждут. Ступит, к примеру, такой вот вьюнош со взором горящим на этакий-то коврик... Тот к нему и прицепляется. Сначала вроде ничего и не чуешь, опосля ноги побаливать начинают... Потом сильная ломота телесная. Марлонги — это вам, детки, не вампиры, кровью человеческой и плотью не интересуются. Их пища — боль людская. Горючая боль человеческая! Ходит такой болезный... Марлонг время от времени ему передышку дает и даже холю, удовольствие то исть, изредка спытать заставляет. Чтoб телецкормилец не подох слишком быстро, чтoб на пропитание себе заработал... Опять-таки, чтoб надежу дать, что, мол, когда-нибудь эта мука прекратится. Опосля надежи и покоя телесного боль-то в сто крат горячее бывает... Так оне, бывало, по году живут — ежели это можно жизнью назвать. Воюющие скелеты ходячие. Не-е, это не поймешь, пока хоть разок въяве не повидаешь. О давре рассказать?

— Нет! — хором крикнула его аудитория. Серега слотнул и потянулся к фляге. Местные ужастики в устном варианте были уж слишком захватывающими...

— Ну и ладненько, помолчу уж, чадушки, — добродушно пророкотал старичок и залиvisto засмеялся.

Серега налил еще стаканчик вина, но на этот раз себе. Залпом выпил. В голове зашумело, к вину у него привычки не было. Впрочем, от такой жизни она скоро появится.

— А ты, вьюнош, на зеленого змия-то не налегай. Тебе седни сделать кой-что надобно для старинушки-хозяина. Вот сделаешь дело, тады и гуляй смело.

Серега икнул. И мысленно простонал. И этот туда же. Надо же! Отсушенные земельки какие-то, сплошь виртуальная реальность какая-то... Но и тут — а поди-ка и принеси-ка. Ну почему никто не хочет, чтобы он просто спокойненько здесь помер (выжить здесь, похоже, все равно не удастся), а все непременно хотят, чтобы погиб он геройскою смертью, выполняя очередное невыполнимое задание?

Хотя не ему жаловаться, мелькнуло у него в голове. Говорят, все неприятности случаются чаще с теми, кто подсознательно их ждет. Или хочет. И тягой к книгам страдают те, кто подсознательно желает вырваться из привычного мира, ставшего несколько... обрыдлым. Вот и дохотелось. Если припомнить, то он и не протестовал, когда сэр Монтигтон там, в КПСС, запикивал его в “языковой адаптер”. Самое время припомнить старую пословицу: “Бог наказывает по-настоящему, выполняя наши желания”...

Старичок сложил ладошки на животе, отчего стал казаться еще меньше ростом.

— Во-во, вьюнош, за чо боролси, на то и напоролси. Ну да ладно! Нечисть, она, как ты должен знать, разная бывает. И зовется не только нечистью, а еще и Преждеживущими,

слыхал? Допрежь жили, еще до вас, человечки вы мои, лапушки. Мы, положим, тоже не ангелы, бываем и злые, бываем и получше некоторых людишек... Но! Ежели убивать аль мучить там, то мы на это токмо чужих употребляем, не то что вы — все своих норовите. Опять же наши не каждодневно вами пробавляются, самое частое — по одной душонке в месяц... А вот вы себе подобных по десятку за раз губить можете, и по такому разу один бывает на каждый день, а то и по два. И как губите-то! Ежели правду гутарить, куда нашим скромненьким злодеям супротив ваших пыточных мастеров... Подвалы-то пыточные у ваших лордов какие, а? Да и простой народец тоже зверует-озорует... Рыцарь-то твой в юбке поведал тебе легенду о том, почему отсохли Отсушенные земли? Все в том рассказе истинная правда. Создатель наш общий к человеку неравнодушен, и любит, и наказует его боле всех других своих созданий... Оно, конечно, вас, людишек, мне ничуть не жаль. Но ежели б могли мы, Преждеживущие, с веточки токмо на вас поплевывать! Мир один, земли одни... А ведь мы, можно сказать, еще получше вас будем! Ибо без подлости и не злоумышляем корыстно. Так что и василиски, и марлонги — все это и не зло вовсе, философски-то глядя. Мрете ж вы от болезней?

— Болезни мы еще и лечить можем, — буркнул Серега.

— Верно, чадушко! Но и с нами бороться — тоже, полная вам на то свобода, иди, режь, убий... ежели силенок хватит.

У Сереги хватило ума промолчать на этот раз. В какой-то степени старинушка прав. А вот в какой?.. Клоти вообще стояла тихо, как мышка.

Мышка с мечом в руке.

— Потемки — душа человецкая, — не замолкая, печалился старичок-хозяин. — В светлых озарениях добра становится близка к создателю, творя зло, такое вызывает к жизни, что сам ад дивуется, нижний мир истинного зла. И токмо радовались бы мы, что от людишек свободен наконец край сей, если б не то, что сейчас начало появляться на землях наших! Истину глаголю я вам — чернеет душа земли этой без людей. Но происходит сие по вине людской! Опять же и многие Преждеживущие сроднились с человеками, живучи около них столетиями. Им, бедолагам, их даже не хватает — дриадам там, наядам всяким. Саламандрам негде жить, коли не горят домашние очаги...

— Саламандрам?!

— Духам огня, — устало, как школьный учитель ученику-балбесу, пояснил старичок. Щелкнул пальцами.

В пламени очага, балансируя на хвостах, извивались в объятиях друг друга две ало-золотые ящерицы. Шипастые гребни, идущие по хребтам, разбрасывали в стороны иглы радужных лучиков.

— Лешие в нетопленных банях зябнут, — продолжая меж тем слезно жалиться старичок. — Овинники жить не хотят, смысла жизни, говорят, в этой жизни не видим, так как нет в ней скотинки домашней, кою обиходить треба... В русалках души утопленниц провинности свои искупали, искупит одна такая — и нет ее, русалки-то, в небеса чистая душа улетает, а откуда ж новые возьмутся, ежели людей нет и топиться некому? Никакого притоку кадров. Водяному кого в омота затаскивать, кикиморам лесным да болотным кого по кругам да в трех соснах водить, а? Пуще всего эльфы да феи ярятся. Эльфы жить не могут без отроков и отроковиц человеческих, ликом прелестных, ну а феи, известно, первые защитницы роду человеческому. А вприбавку еще и аура зла расплзается по землям. Такое появляться стало, чему мы и сами-то имени не знаем... Так и гибнем, не знаячи, как с

ЭТИМ справиться... Страшной смертью стали погибать Преждеживущие! Делать что-нибудь надо, и немедленно, не то...

— Как интересно все это! Вы полагаете, что здесь еще можно что-то сделать? — поинтересовалась леди Клотильда. Вежливо так, отстраненно.

— Чо ж еще... Зло, людьми порожденное, из людской злобы и равнодушия проистекшее, разросшееся из того, что было некогда плотью и душой человеческой, уничтожено должно быть!

— Кого уничтожать будем? — деловито спросила леди Клотильда и поставила свой меч стоймя, уперев острие в земляной пол, посередке меж раздвинутых ног. Саламандры в огне тут же заинтересовались широкой зеркальной полосой лезвия, развернулись к ней головками (вытянутыми, как у морских коньков) и заколыхались на переплетенных хвостах. Ни дать ни взять две подружки, отталкивающие друг друга от зеркала...

— Сиди, баба, — брезгливо выплюнул старичок. Похоже, здешний хозяин был ярким противником женского равноправия. — Ты ежели и пойдешь, то только лишь... то лишь...

— Позвольте мне облечь ваши сомнения в более понятную форму, досточтимый сэр, — мстительно проликовала голосом Клотильда, сохраняя при этом лицо абсолютно бесстрастным. — Если повнимательнее присмотреться к нам двоим — то бишь ко мне и сэру Сериоге, то становится ясно, что из нас двоих уничтожать — это скорее мне, чем ему, привычно.

— Цыть, баба... женщина то ись, — шикнул старичок. Но, несмотря на грубость слов, тон его скорее был примирительным, — похоже, хозяин и сам осознавал, насколько баба... леди Клотильда точнее, была права. — Значить, так. То самое — то, что основное, — мечом победить нельзя. Так сами эльфы говорят, а оне это дело знают. Гадали, грят, всяко, в зеркале истинных побед пытали — все подносили: и хладную сталь, и серебро со златом пречистые, и травы-деревья всякие, камни разнородные... Ничо из того зеркало не отразило — знать, нету среди энтых средств верного, единственного...

— А огонь пробовали? Воду святую, заговоренную? — со знанием дела поинтересовалась леди-рыцарь.

— А то! И уголья, и запахи всяческие вплоть до чеснока... Меж тем средство есть, эльфы в том клятву дают. Вот общество и порешило — определить сие опытным путем. Ловить таких мастачей-портачей прибудных навроде вас и запускать их в источник зла. Авось да небось подфартит кому-нибудь, применит именно то, что потребно... Вот и пускаем. Глядишь, и найдется удачник, счастье-избавление нам принесет. Ждем-с...

— Значит, счастья-избавления таким путем ищите... — придушенно-вежливо отчеканила леди Клотильда. Серега с опаской покосился на ее меч: дама-рыцарь все ж таки — это вам не дамочка определенного пошиба с прешпекту, у такой вежливость означает скорее не желание угодить, а просто нежелание убивать вас из-за пустяка. Блики пламени и радужные отсветы от саламандр плясали на красивом, с отточенно-надменными скулами лице Клоти — лице совершенно невозмутимом, словно каменном. — И которые же мы для вас по счету... избавители?

— Осьмнадцатых вас провожаю. — В голосе старичка сквозило неприкрытое равнодушие.

Повисла тяжелая пауза. Пора было как-то смягчать международную напряженность.

— Э-э-э... Но если вы специально таких, как мы, путников отлавливаете, то почему же нас ваши василиски едва не... не... не окаменючили? — решился влезть со своим вопросом

Сергеа. — И пасели у вас какие-то нестандартные ошиваются: вместо того чтобы на кладбищах гостей невинных... то есть незваных, встречать, они как татарины на путников.

— Татарины? — заинтересованно спросила леди Клотильда,

— Ну, это... Это такие путники, которым бы только пограбить, — прилагая все усилия к тому, чтобы не расхохотаться, пояснил Сергеа. — Которые страшные звери, сами могут вашего насели сжевать — и не подавиться. Хулиганье, одним словом...

— Хулиганье? — отыскала еще один незнакомый для себя термин леди Клотильда.

Ответить даме он не успел. Старичок злобно зыркнул на Сергеу черными глазками, пожевал губами.

— Зло великое на нас пришло, как я уже сказал, вьюнош. — Хозяин угрюмо поглядел в огонь. Саламандры крутили медленное танго в языках пламени. — Зло же — оно не токмо снаружи подступать может, оно нас, аки червяк яблоко, грызть в состоянии. В Преждеживущих, кои и прежде к добру ликом повернуты не были, нечто еще более страшное проступить стало, чуждое, дьявольское. Вот и насели энти — хучь и не Преждеживущие, а однако откеля-то явились, свершать стали неположенное им по рангу... Так вот мы теперича живем — твари демонические меж нами шныряют, свои на деле чужаками оборачиваются, смертушки непонятные и ужасающие множатся... Однако зажалился я вам, гости дорогие, простите уж меня, старого! Хучь можете и не прощать, еще раз навряд ли уж свидемси... Вам ведь в путь, в путь пора! Вот ужо счас мы вас соберем в дорогу-то...

Старичок вскочил и резво заметался по избушке. Рядом с ним тут же в унисон ему закрутились две или три тени. Его тени. Через несколько мгновений запыхавшийся хозяин, натужно вздыхая, взгромоздил на лежанку объемистую торбочку. Рядом брякнулись два узких длинных меча, сильно смахивающих на шпаги, вернее рапиры, в прямых, слегка уплощенных ножнах. Мечи были положены... тенями. Именно тенями, а не старичком.

— Оружие из серебра, кое эльфы сковали и заклятьями укрепили. Другое всем этим тварям, что вокруг главного зла кишат, не страшно. В котомке — водичка наговорная, от мороков берегущая, хлебайте, благословясь. Тамотко и укрывальце теплое, так, на всякий случай... Случай он разный бывает... И идитекось, деточки...

— А пошто идти нам? — писанно-картинно вдруг подивилась леди Клотильда. — Достопочтенный, не припомню я что-то, дабы давала я согласие свое на сию авантюру.

Она пропустила в обращении слово “сэр”, отметил про себя Сергеа. Рыцарственная дама явно что-то затевала. Но вот что? Ибо навряд ли у них есть возможность выбора — идти или не идти. Вернее, навряд ли им эту возможность даст местная оч-чень активная флора и фауна...

— Сэр Сериога тоже, как мне помнится...

Сергеа согласно покивал, понукаемый жестким Клотильдиным взором. Старичок дернулся.

— Ох-ти-и мне с вами, человечушки... Ну че те надо, орясина в юбке? Тьфу, вона уже и язык заплетается, усе ж совсем наоборот — бесстыдница безьюпочная... ну че те надо? А ежели я запросто избушку-то в ночи сей растворю, а вас на поживу нашенской нечисти кину? А там ведь и не нашенская попадетсся... Ить это я им обычно укорот-то даю, дабы вот таких, как вы, гостюшек не отпугивали, штоб было из кого избавителей-то набирать... А ну как сам науськаю? А и науськаю ведь!

— Растворяй, — великодушно разрешила леди Клотильда. — В бою сем оплатою будет мне жизнь моя. Так постою ж!

И она с воодушевлением, по мнению Сереги несколько... гм-м... излишним, потрясла мечом.

Старичок впервые глянул на кудлатую голову Клоти с некоторым, хотя и злобным, уважением.

— Ну да, племя бродячих рыцарей... Работа по сдельной оплате, да? Наслышаны-с... Не то что вон энтот, — кивок в сторону Сереги, — или те, что были допрежь. Може, конешна, и еся в том смысл? Без монеты энтузиазму нету... Лады. Каков у тебя гонорар-то за изгонение нечисти? За усю работу оптом берешь аль за кажну ранку по отдельности насчитаешь?

Леди Клотильда сладенько улыбнулась.

— Отсушенные земли... Прежде, как я помню, герцогство Де Лабри? Последний герцоу успел бежать и скончался бездетным, не оставив после себя никакого потомства. Впрочем, как я слышала, эта напасть приключилась со всеми, кто бежал из этих мест. Таким образом, право владения свободно, не так ли?

— Значитца, восхотелось герцогинюшкой побыть? Будешь, — равнодушно бросил старичок. Словно отпихнул со своей дорога нечто мелкое, незначительное, но все же мешавшее ему идти. Сухой сук. Или дохлую мышь. Серега заподозрил, что равнодушие старичка было вызвано в первую очередь тем, что он не верил в возможность их возвращения.

— О нет, сэра хозяин, — возвращение ранга сэра не произвело на старичка никакого впечатления, — герцогство я требую не для себя. Я так думаю, оно позарез нужно моему другу, сэру Сериоге. Вместе с мандонадой эльфийской.

Серега испуганно сглотнул. Его — в герцоги? Ну зачем же так жестоко с человеком... Впрочем, шансов выжить и получить востребованное у них все равно нет. Видимо, леди Клотильда почему-то решила, что ему, Сереге, спокойнее будет помирать с мечтой о герцогстве. Эх, а мечтать-то он будет не об этом, а о родной, уютенькой квартирке на пятом этаже, ужасно тесной даже для их небольшой семейки из трех человек...

— Герцогство? Мандонада? Лады. — Щедрый хозяин, похоже, тоже считал, что шансов получить все востребованное у них нет. — Эльфы счас в такой истерике бьются, что и королевску корону тебе отмандонируют. Там, кстати, тоже право владения свободно. Ну или почти свободно... Н-да, не догадалась, красавица. А уговор-то мы уж и уговорили...

— Королевство — в следующий раз, — надменно бросила ему леди Клотильда и шагнула к лежанке. — Надо же что-то и про запас оставить, дабы была возможность взять приличный гонорар за мой следующий подвиг!

Она деловито стянула с себя перевязь вместе с мечом, бережно опустила их на лежанку. Вытащила из ножен эльфийский меч, сразу засиявший яркими бликами расплавленного металла.

Меч был длинным, прямым и узким — такая слегка расплющенная рапира. Клотильда хладнокровно опробовала заточку острия на собственном пальце, уронив в огонь несколько капелек рубиново-блестящей крови. Затем проделала ту же операцию и с другим мечом. Серега, содрогнувшись, понял, что этот меч предназначен для него.

— Сам поведу вас, — сообщил старичок. — Своих отгоню, остальных вам прибывать придется, уж не прогневайтесь, такая уж у вас работенка. Герцогство-то отрабатывать надо. Ох-хо-хо, грехи ваши тяжкие... Тропками пойдем потайными, эльфийскими, оне путь-дороженьку разика в четыре окорачивают. Так что к Сердцу Исхода Злого подойдем аккурат перед рассветом. Туда уж, детушки, пойдете без меня. Че тама делать будете — и ума не

приложу, мечи там вам без надобности будут... Уся надежа на то, что один из вас — дурак дураком. Дуракам, гряд, везет...

Глава шестая

СИМ ПОБЕДИШИ...

Все идет слишком гладко, с тревогой думал Серега. Они уже четыре часа шлепали в темноте по раскисшей непонятно из-за чего земле (а еще тропа называется!). Старичок несся впереди, как Чапаев, но без лихого коня, и светильничком на дужке помахивал непринужденнейше. Твари страшнейшего вида, попадавшиеся им по пути, очевидно, находились под юрисдикцией старичка-хозяина. Хозяин цыкал, и твари исчезали. Как тени в полдень. Но изредка вместо твари исчезал сам хозяин, это был сигнал для леди Клотильды — “чужой!”, и та с непреклонным изяществом выполняла свой долг мясорубки, нарезая из тварей мелкие горки чего-то дурнопахнущего. При этом в ее действиях не было никакой показательной рисовки в виде каскада блистательных пируэтов и выпадов с сияющим мечом — просто утробное хыканье, затем утробно-смачные звуки активно работающей мясной лавки на выезде. И все. Серега, жалко плетущийся сзади, время от времени беспорядочно тыкал мечом в направлении чудящихся в темноте шорохов. Иногда в крошечной тьме, в которую, как нож в масло, уходил его клинок, что-то взвизгивало, меч взрывался радостными вспышками, и из темноты слышался drobный топот убегающей твари. Или шорох уползающей. Как когда. Несмотря на все опасности, таящиеся в темноте, все оставались живы-здоровы, если не считать сбитых о лесные корни ног. Серегиных ног, разумеется. Ноги Клоти были надежно защищены башмаками из толстой кожи, на которую сверху был еще и нашит пластинчато-стальной доспех. С песней гордо выступает... ну, скажем... рыцарежь, наши ноги не прокусишь, не собьешь... Не слишком складно, зато в рифму...

Серега вновь споткнулся и зашипел сквозь зубы. Большой палец на левой ноге прямо-таки плавился от боли. Он проскакал несколько шагов на одной ноге, вяло помахивая мечом у себя за спиной. Чувство нереальности происходящего становилось все сильнее и временами даже заглушало боль. А может, это вся его прежняя жизнь была нереальной? И он отродясь — сэр Сериога, незадачливый менестрель и незаконнорожденный сын неизвестных родителей... Увы, и тот мир, и этот — все друженько сходились в том, что он, Серега, — дурак дураком и неумеха неумехой. Конечно, он может и перебарщивать в своем самоедстве, но все ж таки стоило ли менять шило на мыло?.. Да будь он неладен, если хоть когда-нибудь еще будет зачитываться книжечками фэнтези... Или мечтать о подобных глупостях. Нет, гадостях!

— Усе, детушки! — выкрикнул вдруг старичок. — Дале мне ходу нету. Вот оно, Сердце Исхода Злого!

Перед ними, слабо освещенная утлым светильничком старичка, возвышалась бугристая стена. Вся в каких-то комочках и наростах милого цвета мышинового помета. С разводами. Самое интересное, что стена была сплошная.

— Э-э-э, — выдавил в полной тишине Серега. Клотильда и старичок тут же заинтересованно повернули к нему головы. — А где здесь вход, простите?

Заинтересованность во взгляде старичка сменилась брезгливостью.

— Это токмо баран усе новые ворота ищет, дабы на них полюбоваться, — просветил он Серегу, — а свиньям... человекам то ись, везде у нас дорога! Ха-ха.

Клотильда резанула старичка злобным взглядом.

— Вежество ваше сильно радует меня, сэриога, — нестерпимо уважительно, явно в пику старичку, заявила она. — Истинно воспитанный человек всегда спросит, где дверь, прежде чем, гм-м, ломиться лбом. Но в данном случае, боюсь, наш достопочтенный хозяин прав. У зла нет дверей, у него только норы. Где мы, там будет вход!

Эльфийский меч в ее руках сухо свистнул два раза. Клоти с радостным ревом ринулась вперед, вышибая плечом вырубленный кусок стены. И исчезла в темном проеме, с краев которого осыпались комочки какой-то дряни. Мышиного дерьма, по всей видимости.

Старичок торопливо сунул в руку Сереге светильник, похлопал по плечу, ненавязчиво подпихнув при этом в сторону пролома. И сгинул. Серега, неожиданно очутившийся в полном одиночестве, аки курица, случайно забредшая в террариум, на несколько мгновений оцепенел от страха. Затем, кое-как собрав в кулак всю свою решимость, прыжком забросил свое тело в проем. Догонять леди Клотильду.

Внутри гадостно пахло. Светильник высветил с двух сторон две неровные стенки — очевидно, это был коридор. Где-то вдалеке, азартно выдыхая, рубилась леди Клотильда. Хеканье перемежалось со свистом меча и чьими-то истошными и яростными визгами. Серега торопливо нащупал на поясе фляжку с заговорной водой от хозяина, содрал с крючочка, глотнул. Покрепче перехватил меч, выставив его перед собой. Не заблудиться бы... И не дай бог, подсунут ему вместо блистательной Клоти не менее блистательный мираж...

Он, спотыкаясь, побежал на звуки схватки.

Коридор петлял, двоясь и троясь — ни дать ни взять лабиринт Минотавра... Тьфу, какие пакости лезли в голову на бегу... Серега пер наобум, время от времени сворачивая не туда, и тогда шум схватки начинал затихать, отдаляться. Серега тут же торопливо возвращался назад, выбирал другой путь и, как только звуки схватки слышались более отчетливо, несся вперед.

Внезапно он вылетел на площадку, скупо освещенную какими-то фосфоресцирующими кучами, лежащими вокруг.

Леди Клотильда, стоя на одном колене, рубила на ломтики шевелящийся бугор прямо перед собой. Бугор повизгивал и слабо светился, так же как и разбросанные по полу кучки. Если только Серега не ошибался, и кучки, и бугор прежде составляли единое целое.

Леди Клотильда брезгливо поворошила концом меча ломтики и, одобрительно покивав головой над каждой кучкой, выпрямилась в полный рост.

— Дело сделано, — преувеличенно беззаботно бросила она Сергею. — А говорили, ничто, мол, его не берет, даже — ха-ха! — меч. По совести скажу я вам, сэриога, нет на этом свете такой беды, или, как говаривал милорд Жанивский, “про-об-лемы”, кою не решил бы на совесть отточенный меч. Главное, не лениться и точить его почаще...

Голос ее странно похрипывал, а по лицу текли капля пота. Серега молча протянул флягу с водой. Хоть и заговоренная, жажду она вполне утоляла, в этом он уже удостоверился. Похоже, от заговоров химическая формула ни капельки не менялась. Клотильда жадно вырвала флягу из его рук.

— Спа... Спасибо, сэриога. Горло и вправду пересохло.

Они задержались в этом зальчике еще на некоторое время. Старательная Клоти, напившись и отдышавшись, сочла своим долгом побродить по залу со светильничком, придирчиво обзревая каждую кучку. Затем объявила, что пора наконец и назад двигаться. Серега, несколько разочарованный столь незамысловатой и неэффективной кончиной так

называемого Сердца Исхода Злого, поплелся за ней. Лично он ожидал чего-то... Чего-то в стиле “горца” — фонтанов голубого сияния, громов и молний. А все оказалось буднично и отвратительно, как рядовой рабочий день на мясокомбинате. Лично в нем несчастный светящийся бугор вызвал даже нечто вроде жалости... Леди Клотильда шла по лабиринту коридоров уверенно, сворачивая время от времени то направо, то налево без малейших сомнений. Как оказалось, идя сюда, она предусмотрительно просчитала и заметила все повороты и ответвления местных коридоров.

— А было оно первоначально в два человеческих роста, сэр Сериога... так, теперь в четвертый коридор... и пасть с клыками преогромнейшими, направо, прошу вас, сэр Сериога... и в два ряда щерило оно на меня... — Клоти рассказывала вдохновенно, глаза горели не хуже светильника. Рыцарские байки... Очевидно, они по развесистости не уступали рыбацким. Серега старался поддержать поэзию момента, втыкая в нужных местах восхищенно-изумленные “о” и “ах”.

И тут сзади раздался рык. Рык, полный чудовищной злобы и ярости. От него сводило скулы и посыпало морозом спину. За ним угадывался огромный разъяренный зверь, жаждущий всего — их крови, их плоти... Даже их душ.

— Еще один... — пожав плечами, сказала леди Клотильда. — И рев в точности такой же.

Она развернулась и побежала назад. Серега бросился вслед за ней.

В том же самом зальчике вялой поступью бродила по полу тварь в два... нет, в три человеческих роста. Мохнатая, клыкастая. И слабо светящаяся. Сдвоенный набор крючкообразных клыков (не преувеличила леди Клотильда — скорее, преуменьшила) сделал бы честь и пещерному саблезубому тигру.

И еще одно — слабо светящихся кучек на полу больше не было.

— Кло... Леди Клотильда! А останки того... Прежнего... Он... Оно их съело?

— Нет, — призадушенно процедила сквозь зубы Клотильда. — Это оно. Оно самое Возродилось, проклятое. Или же и не умирало вовсе. Как же я могла так опростоволоситься... Сердце Исхода Злого... Если б его можно было так запросто уничтожить, то уж давно бы...

— А я думал, что Сердце Исхода Злого — это весь этот лабиринт... вместе со строеньцем.

— Все вместе, сэр Сериога, все вместе. И дом, и тварь в доме... — Могучая блондинка скользящими шагами двинулась навстречу твари. Бой начался.

Примерно два часа, наполненных утомительнейшими прыжками, приседами и замахами. Леди Клотильда, будучи рыцарем, превосходила кое в чем своего необученного противника, но... но... Преимущество в весе и клыковой мощи не могло не сказываться. Сереге с некоторой тревогой наблюдавшему за тянущимся сражением (хотя почему с некоторой — оч-чень даже большой, ведь от исхода боя зависело и его... хм... прозаическое существование), пришло в голову и еще одно, весьма тревожащее его соображение — тот самый, первый и убийственный поединок с леди-рыцарем не прошел для твари даром. Если первый поединок тварь проиграла за минуты, та теперь счет пошел уже на часы. То ли масса и клыкастость подросли, то ли в искусстве боя поднатаскалась... Стал ли выше потолок или ниже пол, как говаривал Ходжа Насреддин, но что-то изменилось... Изменилось не в нашу пользу.

Бой наконец закончился, и зальчик вновь украсили слабо светящиеся кучки на полу.

Леди Клотильда, бухнувшись задом прямо на пол, с шумом отпила из фляжки, вздохнула.

— Подождем, сэриога. Посмотрим: будет ли снова возрождаться эта тварь. Может, чего и надумаем.

Сергей присел рядом.

— Возможно, раны следует тут же прижечь огнем, — припомнил он кое-какие сказки. Фольклор — народная мудрость, в конце концов.

— Нет, — обреченно мотнула головой Клоти. — Говорил же нам хозяин — ничто его не берет. И на огонь эльфы гадали, и на сталь, и на серебро этого меча... Вся надежда на случай. А если честно — надежды и вовсе никакой. Рано или поздно я устану, сделаю неверный шаг... Эта скотинка начала атаковать, как хорошо обученный бретер, сиречь наемный убийца. А потом — ваша очередь...

— Может, нам просто уйти? — шепотом спросил Серега. — Порубите ее еще один разок, и пока она оклемаваться будет — ходу. А?

Клоти посмотрела на Серегу с жалостью.

— Сэриога, нас наняли. Меня, во всяком случае... Теперь я либо выполню свою часть сделки, либо... Второе “либо”, конечно, более вероятно. Ну ничего, там бог рассудит, кому меня утешать после этого поражения — ангелам в раю или чертям в аду. Вас же мне искренне жаль. Без обучения и присмотра вышвырнутый на дорогу, вы попали в дурную компанию, то бишь в мою... И в еще более скверную ситуацию — в эту. Если бы я верила в то, что, окажись вы сейчас снаружи, то, может, смогли бы выжить, не медля ни секунды довела бы вас до той дыры в стене. Увы... Шансов выжить у вас никаких. Эта тварь, по крайней мере, рвется лишь растерзать. Те же, что попадутся вам в лесу... Так что прошу простить меня, сэриога, ежели в чем-то или где-то мое к вам отношение было или показалось непочтительным. Должна сказать, вы были наименее приятнейшим спутником из всех, кого я встречала за годы моих странствий. И наименее пахнущим. Безусловно, сделала бы я из вас первосортного оруженосца, полностью готового к вступлению в рыцарство... Если только меня пустят в рай, где вы, вне всякого сомнения, будете пребывать во всем блаженстве вашей невинной души, то всенепременно завершим мы там начатое здесь обучение и отметим совместно... Смотрите, начинается!!!

Серега так и не успел ей ничего сказать. Ни того, что без нее его давно бы уже прикончили в этом мире, ни того, что она была лучшей спутницей в его бесславной жизни... Впрочем, бесславную жизнь наверняка украсит героическая кончина, а единственной спутницей его жизни, с которой он мог бы сравнить леди Клотильду, была его родительница...

Серега обернулся. Светящиеся кучки на полу медленно таяли. А потом из полутьмы зала метрах в пяти от пола прорезался фосфоресцирующий пузырь и пролился на пол лохматой и зубастой тварью. Тварь вскинула вверх морду с жуткой пастью и проревела. Это был сигнал к началу нового поединка.

Тварь, кстати, теперь была уже повыше, чем прежде.

Дама-рыцарь обреченно махнула мечом и вновь ринулась в бой.

— Это уже в третий раз, — задыхаясь, просипела леди Клотильда. — Еще... Еще на два раза меня хватит. Слово Персивалей...

Она откинулась назад, на локти, а потом и вовсе распласталась на полу, как лягушка на дне пересохшего водоема. Тварь была разъята на светящиеся кусочки. Серега медленно подошел к ним. Может, есть что-то... Должно ведь что-то быть, что-то, чего эта тварь боится! Вот, например, на запах его носков эльфы точно не гадали. Может, разуться?

Он бродил меж кучек, всматривался в них, пытаясь угадать то, чего так и не разгадали их предшественники. И в конце концов, погруженный в свои мысли, пропустил момент, когда кучки начали таять. Они все таяли и таяли, а он не замечал, философски отрешенно взирая на почти не убывающее свечение, ровно озаряющее земляной пол.

Свет вдруг померк, и прямо перед ним взревела тварь!

— Назад... — прохрипела сзади Клотильда, и там что-то заскреблось. Блистательная Клоти вставала.

Похолодев от ужаса, он сделал шаг назад и споткнулся. Морда твари мгновенно нависла над ним, уже лежащим, скаля на него все свои клыки. Тварь ревела. Но... почему-то не кидалась грызть и рвать его тело. Наоборот... в реве ему слышались просящие нотки. Что это могло зна...

Его выдернули из-под твари и отшвырнули назад.

Он проехал на спине добрый десяток метров, прежде чем остановился.

Где-то впереди леди Клотильда, примерившись, с тяжким вздохом отрубила чудищу одну из четырех лап. Тварь взревела от боли и пошлепала по полу, явно направляясь к Сереге и огибая при этом по пути леди Клотильду. Странно, ни боевой азарт тварь, похоже, подрастеряла. Или на этот раз он не восстановился? Клоти энергично рубила твари хвост. То, что противник с позором пытался покинуть поле боя, ей, видимо, придавало сил. А вот она... Точнее, оно. Оно ревело и ползло все медленнее.

— Нет!!! — заорал вдруг Серега, приподнимаясь на локтях. — Клоти, нет! Оставь его!

Клоти, в очередной раз замахнувшись, в нерешительности опустила меч. Серега наконец встал на ноги.

Тварь почему-то продолжала ползти к нему.

— Клоти! — крикнул он, ковыляя к жалкой и несчастной твари. Жалкой и несчастной, как побитый камнями котенок. — Она не тронула меня! Хотя и могла! Оно... Оно не злое... Не совсем злая!

— Ну-ну, — прорычала леди Клотильда.

Но все же осталась на месте.

Тварь, хоть и подрубленная леди Клоти, все равно возвышалась над Серегой, как мухобойка над мухой. Она остановилась перед Серегой, вернее зависла над ним. И завизжала жалобно и просяще.

— Кс-кс-кс... — пропел Серега, вытянув в стороны пустые руки. Эльфийский меч покоился в ножнах за спиной. Спокойно, напомнил он себе. Никакого страха. Он... Оно само меня боится. Это... Это всего лишь умирающий перепуганный котенок, забитый камнями местных милых детушек. Точнее, мечом леди Клотильды, его спутницы и, как это ни грустно ему признавать, его защитницы. Единственной за всю его жизнь защитницы... Но об этом сейчас лучше не думать.

— Маленький мой. То есть маленькая... Я помогу... Иди ко мне.

Леди Клотильда приглушенно захихикала за спиной у твари.

— Ага, — подтвердила она, заходясь в хихиканье. — Точно поможешь. Ему как раз покушать хочется. А он еще и предлагает себя! Благодетель наш!

Тварь подтянулась к Сереге так близко, что он почувствовал на своем лице вонючее дыхание. Завизжала снова.

— Нет, ты не хочешь кушать, — убеждающе ворковал Серега. — Ты хочешь... Хочешь... Может, пить?

Тварь шлепнулась на задницу, прямо на обрубок хвоста. Просяще протянула к Сереге уцелевшую переднюю лапу.

Сергеа, не веря своим глазам, нашарил на своем поясе фляжку. Протянул.

Когтистая лапа неуверенно обхватила флягу. Тварь поднесла ее ко рту осмысленным, хотя и слегка неловким жестом. Как ребенок. Горлышко ткнулось сначала в шерсть рядом с пастью, потом все же сумело попасть в двойной капкан зубов. Тварь счастливо и жадно зачмокала...

... Они стояли в комнатухе, убранство которой было решено в стиле “а-ля крутой фольклор”. Светильничек старичка, стоявший на полу в самом центре, скупое освещал грубую деревянную мебель, покрытые разбросанными комьями грязи деревянные половицы со сбитыми половиками, А посреди всего этого бардака сидел на полу страшно исцарапанный, покрытый синяками и подсыхающими кровавыми корочками изможденный ребенок. Даже не ребенок, а обтянутый кожей крохотный скелетик, едва прикрытый истлевшей рубашонкой. Запрокинув голову и весь трясясь, он сосал из фляги воду, задыхаясь и причмокивая.

— Создатель... — потрясение выдохнула леди Клотильда и с грохотом повалилась на колени, что-то судорожно забормотав. Похоже, в ее напряженном трудовом графике наконец-то выдалось времечко для хорошей рыцарской молитвы...

Ребенок выронил опустевшую флягу и начал слабо, обессиленно всхлипывать. Сергеа обреченно посмотрел на Клотильду, ребенок — это вам не котенок, тут нужны эти самые... женские заботливые руки.

Клотильда, заломив свои столь сейчас необходимые верхние конечности, истово молилась.

— Я не знала... Господь создатель мой, изливающий свет во тьму, пребудь со мною вечно и ныне, и в бедах моих, и в грехах моих, и в позоре... Я ж не знала!!! Разве ж посмела бы я воздеть грешную длань на дитя безвин... Господь прощающий мя, коли согрешиши...

Психологический шок, определил начитанный Сереженька, сын мамы-доктора. Или психический?

В общем, ждать помощи от ЭТИХ женских ручек было бесполезно. Он поднял ребенка с пола, прижал к себе, пристроил голую попку на сгибе левой руки. От малыша гадостно пахло, но запах вполне можно было перетерпеть, особенно если припомнить, как оглушительно благоухает местное благородное общество. Невесомое тельце сразу же прильнуло к нему, крохотные пальчики вцепились в одежду...

Тельце было болезненно горячим.

Надо было что-то делать, и срочно, потому что ребенок — это не бездомное животное, которого требуется только подкормить. Человек — создание слабое, тут нужно действовать поактивнее...

— Сейчас... — не спуская ребенка с рук, Сергеа присел перед торбочкой. За уголок вытряхнул оттуда кусок какой-то ткани, на весу кое-как увернул в нее ребенка.

Торбочку собирал хозяин, припомнилось ему. Он и положил туда это, как он назвал, укрывальце. Зачем? Догадывался, предполагал, просто знал? Старичок-лесовичок... Почему тогда не предупредил? Боялся повредить богатырскому удару избирательно сентиментальной Клотии?

— Как я понимаю... — нерешительно начал Сергеа. Клотии в полной протрации продолжала каяться в своем грехе, перемежая покаяние молитвенными перлами. — Леди

Клотильда!

Клотильда, уже перечислявшая более давние свои проступки, не переставая несла какую-то чушь о том, как блеванула в священном углу для молитв в замке такого-то, о том, как поцарапала бедную лошадку, когда разрубила надвое до самого седла рыцаря такого-то... но всё же перевела на Серегу один глаз.

— Леди Клотильда, мы... вы выполнили свою часть сделки. Мы можем считать себя свободными?

Поток молитв и покаяний тут же иссяк, леди Клотильда весьма деловито поднялась с колен, подозрительно и придирчиво огляделась вокруг.

— Ну что ж... Хижина явно для простолюдинов. Хозяев не видно. О!

Леди Клотильда резво подхватила с полу светильничек и рысью рванула в обход по хижине, внимательно осматривая стены, покрытые осыпавшейся побелкой, издавая многозначительные восклицания, означавшие, очевидно, что она узревает в этих стенах нечто понятное только ей. Серега, занятый процессом покачивания тихо и жалко скулящего малыша, на них не реагировал — надо будет, сама подойдет и расскажет обо всем примечательном, что углядела острым рыцарским глазом.

Леди Клотильда вернулась, резво топоча стальными деталями сапог и звеня золотыми шпорами.

— Вроде бы все в полном порядке, сэр Сериога! Я... вот вашему заморышу в буфете нашла.

Она сунула ему в руку каменно-твердый, коричнево-черный кусок сахара. Торжествуя продолжила:

— Итак, послали нас в противоборстве ратном победить и сокрушить Сердце Исхода Злого. Помянете ли вы легенду об отпущении Отсушенных земель, кою я поведала вам?

Серега, с недоумением озирающий сладкую окаменелость у себя в руке и решающий про себя трудную проблему, стоит ли давать ЭТО котен... то есть ребенку или все же не рисковать, отсутствующе покивал в ответ на ее слова.

— Так вот, хижина эта, нет у меня сомнений в том, принадлежит лесному егерю, ибо найдены мною шкуры, самострел со стрелами... Будь это просто браконьер, было бы все это надежно упрятано, а не лежало бы на самом виду. И боле того... В одном из углов валяется скелет, судя по костям — мужчина, судя по зубам — не старше тридцати, судя по петле, свисающей с потолка вместе с останками ступней, истлевший в подвешенном состоянии. Все как в легенде... стало быть, Сердцем Исхода Злого стал именно этот домик...

— А ма... женщина?

— В другом углу. По костям — женщина, по зубам...

— Не надо, — сморщился Серега. Живописность изложения была у леди Клотильды просто пугающей. — Все понятно, все ясно. А ребенок, стало быть...

— М-да, ребенок. Дайте-ка на него взгляну...

Леди Клотильда осторожненько вытянула руку и вытащила из-под остатков рубашонки тоненькую веревочку, сплетенную из чего-то, шибко напоминающего прядь женских волос. Перебирая пальцами, вытащила на белый свет багрового цвета камешек, изрезанный волнистыми линиями странного рельефа. Плетеный шнурок, на котором висел камешек, был вдет в ровное, идеально круглое дырчатое ушко.

— А вот и ответ на все вопросы. Талисман святого Даруты, берегущий владельца от насильственной смерти. Хороший святой, хоть и не в рыцарском духе... Не след рыцарю

помирать в постели, целенькому и невредимому... Посему, хоть редки и драгоценны талисманы эти, пользуются ими в основном простолюдины. Не голытьба, конечно, а люди с деньгами. Торговцы богатые, ювелиры. Также и по наследству достаются некоторым такие камешки, когда-то кто-то подарил или еще как досталось... Но с убитого его не снимешь, это точно, потому как того, на ком он есть, убить невозможно. Никак. Хотя владелец талисмана вполне может помереть от естественных причин. Чувствуете тут маленькую такую лазеечку, сэр Сериога? Убить нельзя, но если, скажем, поставить человека в условия, кои несовместны с жизнью? Что будет тогда с ним? Есть тут над чем поразмыслить, сэр Сериога, не так ли? С одной стороны, ребенок мрет от жажды, голода, холода, возможно, еще и от страха... Ничего насильственного. А с другой стороны, на смерть эту его обрекло стечение обстоятельств, наполовину вполне житейских, наполовину возникших как следствие дурных поступков дурных людей. Вроде убит... А вроде бы и нет. Вот талисман и... пришел в замешательство. Как там старикашка говорил — людьми порожденное, из-за людской злобы и равнодушия проистекшее, живущее в том, что некогда была плотью и кровью людской. Причина — Сердце Исхода Злого.

— Но ведь талисман-то от святого... Я думал, там, где святость, злу нет места.

— Сэр Сериога, да вы что? — несказанно поразились леди Клотильда. — Злу есть место везде. А уж там, где священная и могущественная вещь... как бы это сказать... все силы свои отдала на спасение жизни и беззащитна перед злом... Все странно, все непонятно, я сама мало что знаю. Смотрите: гибнет жизнь, которая не должна гибнуть, причиной тому явилась и не явилась чужая воля, ребенок не может жить и не может умереть, талисман, который выполнил и не выполнил то, для чего был создан. А там, где есть противоречия, непременно появляется и дьявол. Средство супротив зла — добро, действительно, никак не могли эльфы увидеть сие лекарство от зла в своем зеркале, ибо как нести его и как зрить его? Добро в сердце человека и тот глоток воды, который этого малыша из полусмерти-полу жизни вытащил...

Ребенок в страхе завозился и еще крепче вцепился в Серегину одежду. Клотильда очень серьезно посмотрела Сереге в глаза:

— Не могу сказать я точно, разрушена ли власть зла над сим созданием крохотным и безвинным, но... Сердца Исхода Злого, откуда твари дьявольские шли в этот мир, боле не существует, уверена я в том. Ибо как сказано: “Зло, пусть будет оно даже с горы преогромнейшие, но да убоится оно добра размером даже с горошину!” И в поединке сем, сэр Сериога, добро твоего сердца оказалось превыше всей рыцарской доблести моей. И извлекло невинное дитя, ставшее дверью в сей мир для козней дьявольских, из пасти бед...

Завершив речь, леди Клотильда исполнила нечто напоминающее торжественный исход балетной примадонны со сцены. Сереге кое-как сообразил, что все это действие означало просто-напросто церемониальный поклон. В ответ Сереге мог только смущенно потоптаться на месте.

— Леди Клотильда... Нам молока бы.

Они вышли из хижины, черная мгла ночи давным-давно сменилась серыми предрассветными сумерками.

— И только? — подивился про себя Сергей. Ему казалось, что прошла целая вечность, ну не вечность, но, по всем его прикидкам и ощущениям, уже должен был быть полдень. Впрочем, напомнил он сам себе, в этом мире сутки, а стало быть, и ночи, и рассветы длиннее земных. Влажно и жирно пахло землей, прелыми листьями и травой.

— О-хо-хо... — вздохнул кто-то в сумрачной полумгле под деревьями, и, переваливаясь на коротеньких ножках, к ним торопливо засеменял крохотный, Сереге по пояс, старичок.

Грот, в который их привели, был вырублен из камня. Точнее, вырублен в камне скального утеса. Белые яркие искры сияли в грубых сколах свода и некоего подобия колонн, заполнявших пространство грота. Светильники горели в нишах бездымно и ярко. В целом все напоминало пещерные храмы первых христиан, вот только настенных росписей не было. Для малыша откуда-то (уж не из-под земли ли?) принесли молока в глечике, парного, еще теплого, покормили с ложечки. Кормило субтильное создание, укутанное в снежно— белое складчатое одеяние. Эльф, пояснил старичок, заметив направление взгляда Сереги. На Серегу эльф внимания не обращал. “Очевидно, не отношусь я к отрокам, прелестным ликами”, — с иронией подумал он.

Сытый малыш сладко спал на ложе из меховых шкур, брошенных прямо на неровный каменный пол. Леди Клотильда, кою старичок, излучая любезность и вежество, потчевал винами из доброго десятка самых разнообразных бутылей, счастливо улыбалась. Она была сейчас явно в ударе, загибая старичку цветистые комплименты типа “плодотворящее солнце милости вашей” и “небонежащие и медоточивейшие вина сии”. Мухтар, которого они оставили в избушке, уходя в поход против истинного зла, тоже был тут как тут, блаженно спал на ворохе шкур, привалившись боком к сладко сопящему во сне малышу. Серега сидел на полу, скрестив ноги по-турецки и вяло рассматривая кисти своих рук — грязные, с обломанными ногтями. Пережитые средневековые приключения в духе слегка облагороженного Стивена Кинга сказывались на его внешности не лучшим образом. Да и на психике, похоже, тоже — кончики пальцев едва заметно подрагивали. А ведь еще был Мишка. И черт знает, что с ним. А еще где-то в этом сумасшедшем мире потерялся несчастный и загадочный Зигфрид, ложноубиенный король пяти с небольшим лет, чье спасение также было возложено на его не тронутые спортом плечи, и совершенно некому было сказать — позвольте, господа, ему в этом мире и собственное-то спасение не по плечу... добро еще есть леди Клотильда — бдит, бережет и стережет, аки родная милиция. И все в надежде поднабраться от него словесных перлов, чтобы запустить ими в лоб милорду Жанивскому.

— Пригорюнился, светик? — Старичок оторвался от дружеского воркования с леди Клоти и посмотрел на Серегу хитро, умненько так. — Знамо дело, далека твоя дорога. Но ты ж ноне — герцог Де Лабри, твое сияьство. А богатому да знатному веселей глядеть нада! Тем боле что с ребяточком энтим дороженька твоя еще длиньше будет.

— Достопочтенный сэр хозяин наш! — вклинилась в разговор сильно повеселевшая Клоти. — Отчего ж это наша дорожка... Рази... ик... разве дитя не останется здесь... для воспитания? Этими... эльфами. Не с младенцем же на седле путешествовать нам?

— Баба. Одно слово, — буркнул себе под нос старичок. Леди Клотильда, занятая, к счастью, дегустацией содержимого очередной бутылки, его не расслышала.

— Оставлять энтого ребятенка эльфам нельзя, — отрезал хозяин. — Да вы чо, не знаете о святом Даруте, людишки, чо с вас возьмешь... О том, что на четверть крови своей он был Преждеживущим, слышали, папаша евонный узял в жены дочь эльфа и одной... Она опосля эльфа шлюшкой стала, потому как кто ж ее, порченую, в дом примет... и как только папаша Даруты решился? А сам Дарута святым был, то ись стал, в те еще стародавние времена — и магию знал, и силами владел, кои обычным людишкам неподвластны бывают. В нонешние-то времена его бы колдуном нарекли, магом проклятушим, а не святым... и на горячую

сковороду уложили, чтобы заживо попекся. Слышал, вьюнош, как ваши священники полагают? Мол, каление плоти счищает грехи с души. А все ж таки он был святым. Родители единые сгибли страшной смертью у него на глазах, сам он, дитенок еще тогда, спасся... уж незнамо как. То ись мы-то знаем как... “Чудом”, как ваши священники говорят. Опосля чудо это им попользовалось... Ну да ни к чему мне об этом язык распускать, вы, людишки, сами должны счет своим извращениям вести. Дарута все же вырос и стал... Дарутой. Сумел особые талисманы создать, вот как... Все величие страдающей и сострадающей человеческой души вложил в них, во! Охраняет сей талисман, оберегает, спасает. А еще — обязует, мстит, страшно мстит! И велико обязует...

— И как чует мое сердце, — с расстановкой проговорил Сергей, — к нам двоим это имеет самое непосредственное отношение.

— А и верно ж ты понимаешь, вьюнош! Короче, че там вокруг да около бродить — вы его спасли, вам его и растить! В добре и холе. Или же пристроить в хорошие людские руки, так, дабы в руках энтих ну ни одна волосинка с евоной головенки... Эльфы ж, сам понимаешь, оне просто так не растут, оне слегка и попортить могут отрока... А талисман, сиречь частица духа святого Даруты, за сие вам же и отметит. Ох и отметит же вам!

Старичок блаженно заулыбался, зачмокал губами, очевидно живописуя в уме величину и ужас кар, могущих обрушиться на Серегу и леди Клотильду.

— А опричь того, — злорадно продолжал он, — еще и месть за содеянное с сим младенцем на вас отныне возложена! Ну-ка, ледь наша, каково тама окончание легенды об Великой Отсушке? Той, кою ты вьюношу сказывала?

Леди Клотильда, вздрогнув, оторвалась от увлекательнейшего процесса высасывания очередной чаши.

— Да там вообще идет бред сивой кобылы, — позевывая, сообщила она. — Дескать, злыдни, сотворившие это, не померли и не помрут, доколе не прибудет герой, зверем везомый и ведущий с собой зверя. Отомстит и полностью освободит от чар земли зачарованные. И, мол, воля создателя такова, что не помрут, пока сие не случится, век бродить будут по земле и с ужасом мстителя ждать. Такова ужасная кара!

— Во! — издевательски крикнул старичок. — Во че значит добрая рыцарская зубрежка с молодых ногтей! Да еще вкупе с розгою учительской! Так что в путь тебе снова, соколик наш, герцог свежеспеченный, аки каравай из печки! А за герцогство свое не бойсь, мандонаде эльфийской нерушимой бысть. Странствуй себе не спеша, как усе свои делишки переделаешь — ворочайся, мы те завсегда рады будем! Эльфы твои титл и манор от желающих пограбить да чужое захапать сохранят, земли да замки твои к тому времени, как ты вернесси, до ума-порядку доведут, сиять будут, в аккурат для твоего сиятельства! Орелик наш! Спаситель! А счас поспи пока, ладушко. И ты, леди-рыцарша. Спите...

Глава седьмая

МАЛЬБРУК В ПОХОД СОБРАЛСЯ...

— Вот это дело. Так... Лошадь заводная-вьючная — одна. Торбы с припасами — две. Сейчас проверю, все ли, что следует, положили... Опять же и на лошади что-то навьючено... Хорошо, очень хорошо.

Леди Клотильда, свеженькая и бодренькая, как чертополох на шотландской заре, с рвением инспектировала и лошадку, и навьюченные на нее припасы. Лошадку вместе со всяким добром щедро презентовал им старичок. Вернее, не им, а герцогу, то бишь Сереге.

— С таким припасом — да хоть через все королевство! — возвестила по завершении своего осмотра счастливая до глубины души леди Клоти и тут же, присев перед старичком-хозяином на корточки, перешла на доверительно-подхалимский тон: — Достопочтенный наш сэръ хозяин... Уместно ли будет для милорда герцога отправляться для свершения дела чести, коим месть является, без слуги-помощника? Таковое поношение чести герцогской...

— Откеля здесь слугам взяться?! — огрызнулся старичок. — Вот набегут людишки обратно на освобожденную землицу, тады и... Усе смерды да холопья слугами вашими будут.

— Герцог Де Лабри, — скорбно поведала окружающему миру леди Клотильда, — будет ходить за конями, дрова носить. Еду сам готовить! Еще и отравится этой же едой, бедолага. А кто же тогда за дитенком малым ухаживать будет? Чья в том вина? А на земли бедные чары снятые как бы не вер...

— Да уж, на тебя дитю не оставишь, с твоими-то лапищами токмо железяки и няньчить... — в тон ей ввернул старичок.

Леди Клотильда фыркнула. Старичок тоже улыбнулся ей в ответ. И тут же, опомнившись, посуровел лицом.

— Будет вам слуга, — бросил он нехотя.

Так как проснулись они, когда солнце близилось уже к зениту, то и в путь тронулись не раньше полудня. Ребенок, к великому Серегиному облегчению, вел себя на удивление тихо. Неизбалованный вниманием, он приглушенно всхлипывал, оповещая таким образом окружающий мир о том, что его пора бы покормить или попоить, или же еще кое о чем, по малости возраста. Эльфы, выпорхнувшие стайкой из леса как раз в момент начала их сборов, прочитали ему целую лекцию на тему ухода за ребенком. Серега, впервые в жизни увидавший этакое зверя — эльфа, чудное создание ростом ему по плечо, с серебристыми дымчатыми волосами, дивными очесами, словно бы содранными с морд гигантских сиамских кошек, говорящее немисливо высоким, ломким, летящим ввысь голосом, — глядел на них, широко разинув рот. Ему объявили, что имя ребенка — Майгельм. В каких таких регистрационных книгах и записях они это вычитали, Серега так и не понял, но спорить не стал, а про себя порешил звать малыша попроще, ну хотя бы... Микки, к примеру, на дивный западный манер и в память о незабвенном Микки-Маусе. Эльфы, запредельными голосами перечислявшие особенности кормления и трудности воспитания малолетнего населения, метались и подпрыгивали вокруг, каждое суматошное их движение рассыпало в воздухе облачко желтоватых искорок. Одурающе пахло цветами. Серега даже попробовал половить искринки ладонью, но каждый раз ничего материального на ладони не оставалось. Его просвещали об уходе и вскармливании (и опять-таки Серега не понял, эльфам-то откуда такие подробности известны? Нет, я не понял!), а леди Клотильда гнусно хихикала за его

спиной, перепаковывая и перетряхивая их дорожные припасы. Витиеватостью своих фраз эльфы запросто могли переплюнуть даже ее, когда она входила в самый что ни на есть светский раж, и посему слушать их было сущее мучение. С недавних пор ко множеству его тайных страхов прибавился еще один, и весьма серьезный, — страх заразиться местным словесным поносом. Вернется он в свой мир и тоже начнет общаться с окружающими цветистыми периодами в целый машинописный лист. Входишь этак в аудиторию и вещаешь без запинок: “Достопочтенные сэры одноклассники мои, позвольте же мне пожелать вам предобрейшего дня в распрекраснейшее утро сие, в кое нам предстоит совместно насладиться написанием контрольной по мехмату, а посему позвольте же мне от всей души выразить глубочайшие и искреннейшие соболезнования всем тем сэрам, кому сегодня моя милость хрен даст списать!” Н-да. И чем бы это кончилось? А кончилось бы это печально, друг Горацио. Долгая фраза завершилась бы не менее долгим мордобоем...

В конце концов, самым ценным подарком эльфов стали не нудные наставления, а удобный заплечный рюкзачок для переноски младенца, презентованный ими после долгих шушуканий и пересудов.

По лесной тропе обратно к дороге их вел слуга, любезно предоставленный им старичком.

Слуга оказался гномом, довольно молодым, если судить по не слишком морщинистой физиономии. Больше всего он походил на подростка, низкого, коренастого, насмерть умученную алыми прыщами и громадным носом. Гном представился как Слуди, имел собственного пони и общался с новоиспеченным герцогом этих земель в основном жестами. Леди Клотильда тут же велеречиво оповестила Серегу, что для достойного слуги это есть истинная добродетель — не тревожить слух своего господина излишней болтовней. Для самих же господ, судя по леди Клотильде, молчаливость добродетелью не считалась. Леди Клоти, едва выехав на дорогу, пустилась в долгий и напряженный пересказ событий вчерашней ночи. Черный жеребец под ней флегматично бухал в землю копытами, взбивая вверх мягкую дорожную пыль, и время от времени иронично ржал в особо острых местах повествования. Серега даже не прислушивался, что именно там рассказывалось, шла обычная предварительная обкатка великой рыцарской байки о во-о-от таких рыцарских подвигах. Однако, когда речь зашла о некоем драконообразном чудище, которое (ах! о-ох! о-о!) лопалось, как скорлупа перезрелого ореха, причем причиной этого конфуза было то, что доблестный сэр Сериога влил в пасть чудища чудодейственную воду... и под лопнувшей личиной ужасного дракона обнаружилось... Тут, похоже, не выдержал даже сверхтерпеливый малыш Микки и протестующе захныкал за Серегой спиной. Серега кое-как спешил. Предстоял долгий и неспешный поиск причин хныканья. Подъехавший Слуди брезгливо посмотрел на Серегу, крайне осторожно исследовавшего детские одежды. Обличающе фыркнул. И, звучно вздохнув, слез с пони. Очутившись в его руках, малыш тут же робко заулыбался. Слуди уверенно охлопал детскую попку, попоил малыша водой из фляжной крышечки и сунул ему в рот какой-то подозрительный коричневатый комок. Микки тут же счастливо зачмокал.

— Рикские пряники, — прогнусавил Слуди. — Скусна! — И он полез на пони. С малышом на руках. — Ехать со мной, — буркнул он в сторону Сереге, — мой лучше!

Серега торопливо (лишь бы не передумал) сдернул с плеч посадочную детскую упряжь, сунул ее в руки Слуди, вскарабкался на коня и неумело ткнул его пятками. Надо было догонять леди Клотильду, которая за это время успела уже отъехать далеко вперед и теперь с

воодушевлением рассказывала о доблести своей и своего спутника окружающим деревьям и кустарникам.

Слуди оказался ангелом, сошедшим с небес в ответ на самые горячие Серегину молитвы. Микки сладко почивал на его широкой и ровной, наклоненной к конской холке спине, напоминая медвежонка на пне, и счастливо погыкивал во сне.

На привале Серега натаскал сушняка, найти который в этом колоннообразном лесу было не таким уж легким делом, зато редкие лесины имели вполне солидные обхваты и обещали достаточно долгое время горения их привального костра. Баронесса Дю Персиваль, не гнушаясь черной работой, расседлала, обтерла и напоила коней, всех, включая пони Слуди. Леди явно была готова на все, даже заботиться о коне слуги, лишь бы не разлучать Слуди с его радостно пищущей ношей. Со сноровкой, выдававшей немалый опыт, Клоти разожгла костер, повесила над огнем закопченный котелок, извлеченный из недр попоны ее жеребца, и за сравнительно недолгое время сварила вполне съедобную кашу из зерен, незнакомых Сереге. Незамысловатый завтрак-обед-ужин был съеден без остатка.

На ночь они улеглись вокруг костра, закутавшись в одеяла. Серега, у которого весь день ломило тело от ночи, проведенной на неровном холодном каменном полу пещеры, обнаружил, что лесная земля не в пример мягче и уютнее. Время от времени сквозь сон в его уши пробивались какие-то рыки и хрусты, доносящиеся из лесной чащи. В ответ грозно всхрапывал черный жеребец. Мухтар, теплым комком спавший у него на груди, приподнимал пушистую морду и предостерегающе шипел, сонно выпуская когти в Серегину кожу. А потом Слуди бросал во тьму одно-единственное словцо, хриплое и неразличимое на слух, и все заканчивалось, смолкало, затихало... Серега вновь проваливался в сон, глубокий, как три колодца, поставленных друг на друга...

К обеду следующего дня они выехали из леса и очутились на развилке дорог. К колее, по которой они чинно продвигались гуськом, слева подходила другая, не в пример более широкая и глубокая. По сравнению с ней то, по чему они ехали, даже и дорогой нельзя было назвать — так, заброшенная тропа, обозначенная двумя едва заметными ниточками когда-то утрамбованной почвы, прячущимися в сиренево-зеленой траве. Тем не менее, вливаясь, эти две едва заметные колеи подправляли своих хорошо наезженных товарок градусов на двадцать.

— Дебро, — счастливо выдохнула леди Клотильда. — Скоро будем там.

Микки на руках у подъехавшего Слуди радостно пискнул, явно принимая блиставшую доспехами на солнце и звучащую трубным гласом леди Клотильду за подвид погремушки.

— Как скоро? — уныло спросил Серега.

Он тряпкой болтался в седле. Дело в том, что леди Клотильда, которой уже наскучило рассказывать ему об их совместных подвигах, вернулась к тяжкому, но столь милому ее сердцу труду тренера. Половину пути после этого Серега бежал, а вторую половину провел в седле, пытаясь сжать дрожащими коленями железобетонные конские бока. Сейчас, после всего этого, он был измотан до предела и вконец измучен болью, гулявшей по всему телу ниже пояса.

— Сразу же после заката будем там!

Их, да сколько ж ехать до этого самого заката?..

На обед они остановились в небольшом лесу, попавшемся им по дороге. На опушке, в неглубоком овражке, пробивался родничок. Слуди, негласно освобожденный ото всех обязанностей, кроме ухода за Микки, сразу же слез с пони, равнодушно бросил поводья леди

Клотильде и потрусил в сторону родничка. Мухтар азартно рванулся за ним следом. Серега переглянулся с философски пожавшей плечами леди Клотильдой и потащился за дровами.

От родника Слуди вернулся с мокрыми волосами и умытым лицом, на котором, как злорадно отметил про себя Серега, особенно ярко засияли воспаленно-красные прыщи. Микки, тоже, похоже, выкупанный, был весь в пупырышках от холодной воды, но при этом счастливо гыкал, барахтаясь в широченных ладонях гнома. Клоти вытащила из подмышки у гнома охапку какой-то травки, чуть более зеленой, чем окружающая их сине-зеленая поросль, и одобрительно похлопала гнома по плечу. После чего бедолага, порядком подергавшись, все же сумел вытащить из земли ушедшие туда по щиколотку сапоги. Дама-рыцарь небрежно опажнула близлежащий пенечек, шмякнула на его срез охапку, кинжалом вырубил травку в мелкое крошево, затем вывалила прямо пахнущую массу в котелок с водой, добавила шматок копченого мяса из числа старичковых даров и подвесила котелок над костром. Надо полагать, сегодня Сереге предстояло попробовать местный вариант зеленых щей. Что ж, щи да каша — пища наша... Через некоторое время из котелка повалил аромат, весьма близкий к духу русских щей, приправленных дразнящим копченым душиком.

Они уже повытаскивали свои ложки и миски и обступили леди Клотильду. Та нацелилась половником в гущу духовитого варева, но тут вдруг Слуди повел своим прыщавым носищем и, прижав к себе Микки, ужом юркнул в сторону завала из сухих валежин. Леди Клотильда крутнула головой, явно пытаясь учуять то, что сумел отловить в окружающем воздухе гном, и в этот самый момент на поляну вывалила темно-коричневая толпа — здоровенные молодцы в грязных и поистрепанных крестьянских одеждах, с топорами, топорищами и топорицами в руках. Леди Клотильда, имевшая в этот момент в своих руках из оружия только поварешку, с тоской покосилась на грудь своих доспехов и вооружения, лежавшую в сторонке, но сама при этом продолжала стоять совершенно неподвижно. Дюжие ребятки тем временем принялись деловито метаться по полянке, осматривая и стаскивая в одну кучу пожитки путешественников. На Серегу и леди Клотильду, нелепо застывших столбами возле костра, никто не обращал ни малейшего внимания.

Очень скоро шайка весело загомонила над натасканной кучей, приступив к увлекательнейшему процессу дележа. Из толпы вывалился один из добрых молодцев и пронесся мимо леди Клотильды, азартно бухая сапожищами и неся перед собой на вытянутых руках ее меч. Добравшись до пенечка, на котором перед этим леди Клоти рубила траву для супчика, детина с удалью припечатал рукоять меча к замшелому срезу и начал ковырять топором оправу огромного густо-зеленого камня, укрепленного в навершии меча. Камень, шибко смахивавший на земной изумруд, не поддавался, оправка в виде когтистых хищных лап держала его крепко. Из счастливо бурлящей толпы долетел торжествующий вопль, и у Сереги сразу екнуло внутри. Похоже, братья-разбойнички обнаружили-таки поясok с презентованными милейшей леди Эспландидой золотыми монетами. Черт, в кои-то веки разжился золотишком, гулял богатеньким Буратино при баксах, то бишь при весьма ценимых тут чаури... Увы, был да выбыл, гулял да отгулял... Ладно, черт с ними, может, хоть вексея на дне мешка, написанные невидимыми чернилами, уцелеют... Хотя еще неизвестно, выживут ли они сами?

У его щеки стремительно дунуло ветерком. И возле разбойничка с мечом беззвучно материализовалась вдруг могучая дама-рыцарь. Не по-женски мощная рука молниеносным хлопком вогнала стальной черенок поварешки в открытый от натуги рот. Все свершилось

мгновенно и безо всякого звука, детина качнулся и кулем начал опадать вниз. Леди Клотильда выдрала орудие кухонного пролетариата из недр чужой глотки, поддерживая, сложила тело на травку. Скользнула к ораве, делившей добычу.

Удары стальной поварешки ложились по затылкам, хрустели черепные своды и озадаченно охали мужики. Только два последних успели повернуться лицом к атакующей поварихе. Дружно, как по команде, вскинули над головами топоры и уже разинули в натужном порыве рты...

Поварешка свистнула по воздуху и вошла острием черенка в левый глаз одного из нападавших. Тело осело. Леди Клотильда замахнулась кулаком на оставшегося — демонстративно, показательно так замахнулась. Серега, успевший уже насмотреться на то, КАК леди Клотильда замахивается, решил было, что делает она это специально для него недотепы на обучении, дабы смотрел и впитывал технику доброго рыцарского замаха — как дашь вот так в лоб, так и зубы вразлет... Мужик довольно ощерился и кинул свой топор вниз, прямо на не защищенную доспехами руку леди Клотильды, плывущую по широкой дуге к его подбородку. Серегу окатило тошнотворным холодком ужаса, но тут Клотильда, словно проснувшись, выдернула руку из-под лезвия топора, развернулась, пропуская удар мимо, и вогнала ногу в сапоге прямо в щеку своего противника. Аккурат под глазом. Сапог вошел глубоко, и стальные пластинки, нашитые на кожу, застряли в проломленных костях...

Из завала вынырнул Слуди, усадил Микошку на травку поодаль, а сам деятельно приступил к оттаскиванию трупов в глубь леса. Оттаскивание совмещалось с осмотром карманов, время от времени Слуди кидал к костру то чью-то шапку, странновато тяжелую, то глухо позвякивающий пояс или кошель. Леди Клотильда, самым неблагородным образом хлопнувшаяся на задницу вместе с опавшим, аки древесный лист, трупом, сыпя проклятиями, пыталась вытащить сапог из лица усопшего.

Серега со свистом потянул ноздрями воздух, пытаясь побороть подступающую к самому горлу рвоту. На подгибающихся ногах побрел собирать в единое целое свои раскуроченные пожитки. Леди Клотильда наконец высвободила свои сапог и принялась тереть его травой изнутри и снаружи. Кровь, пропитавшая кожу, оставляла на траве ржавые пятна. Слуди тем временем закончил зачистку территории от трупного мусора, выпотрошил собранные им кошель, пояса и шапки. Медь брезгливо побросал в траву, золото и серебро поделил на три кучки. Серега, ощущавший себя чуть ли не новым бароном Ротшильдом, благодаря щедрости леди Эспи, хотел было честно отказаться от своей доли. К тому же, если судить по справедливости, всему этому добру надлежало отойти под спасшую их длань леди Клотильды...

Однако реакция леди Клотильды на его отказ от своей доли могла оказаться несколько... гм-м... для него нетрадиционной, все ж таки запутанные рыцарские понятия о чести... Ведь дама и глазом не моргнула, когда Слуди выделил ей только треть. Стало быть, все в порядке. А зачем обижать такую... э-э-э... хорошую девушку?

Они съели похлебку, и леди Клотильда, укоризненно глянув на клонящееся к закату солнце, объявила, что сегодня им уже не успеть в Дебро. Задержались с обедом больше, чем следовало... Ехать же на ночь глядя после столь интересных дневных событий...

По настоянию Клоти они переместили свой лагерь на несколько сот метров дальше в глубь леса, в укромный распадок, дно которого поросло густой и пахучей травой. Место нашел гном. Хотя даже не нашел, а просто показал, как показывают нечто уже известное, знакомое. Они заново разожгли костерок, веревками, натянутыми меж стволов, отгородили

небольшой загон для лошадей. Большая часть имевшихся в их распоряжении одеял ушла на благоустройство ложа для Слуди, коему надлежало спать вместе с Микошкой. Эта сладкая парочка улеглась спать сразу же после захода солнца. Микки раза два хныкнул, тоненько и сонно, но тут могучий нос Слуди принялся выводить такие залиvistые рулады храпа, что малыш, похоже заслушавшись, быстренько уснул. Серега сидел у костра, напротив уютно устроившейся в объятиях сухой валежины леди Клотильды, смотрел то на оранжевую пляску языков пламени, то на нежнейшее зарево пурпурного заката, осенявшего половину неба над их головами. Вокруг костра, на косо натканых палочках, сушились какие то детские причиндалы, выстиранные Слуди.

— Не пойму я тебя, сэр Сериога...

Леди Клотильда смотрела в огонь. Лицо рыцарственной дамы было непривычно задумчивым и... мягким. Она была удивительно хороша в этот момент, и даже несколько карикатурная мускулистость ее фигуры, смягченная подступающим полумраком, не портила впечатлений. “Чудо как хороша...” — И Серега нервно сглотнул, смачивая слюной неожиданно пересохшее горло. Дыхание почему-то жарко участилось...

— Теперь ты, сэр Сериога — герцог, и должно мне, в общем-то, говорить тебе “твое сиятельство”. Лендлорд... Но не вижу я никакой радости в тебе. А достиг ведь небывалого: еще в сказания войдешь как пришедший ниоткуда и достигший небывалого... Иль не веришь ты в мандонаду эльфийскую, коя есть самая лучшая защита титла и манора любых от посягательств злокозненных? Напрасны сомнения твои...

— А что это такое эльфийская мандонада? — не утерпел в любопытстве своем Серега. Хоть и сознавал, что подобный вопрос мог показаться леди Клотильде и странным, и просто подозрительным — ведь и она, и старичок-хозяин говорили об этой самой мандонаде совершенно спокойно и равнодушно, как о понятии привычном и знакомом. И все ж не утерпел...

Клоти подняла глаза от пламени и уставилась на него как на непредсказуемого идиота — с сомнением и опаской. Ну вот. Что и следовало доказать...

— Сэр Сериога?! Неведома вам мандонада эльфийская?! Чую я, что образование ваше было вельми книжным, но разве неведом вам Перегриновский свиток истории королевства?

— Меня учили не всему... — выдавил Серега. — Знаете, узкая специализация...

— Узкая спе... Сколь чудное слово! — простодушно восхитилась леди Клоти. — И как понимаю я, означает оно, что родитель ваш втайне желал вам гибели. Вас обучили высочайшим премудростям, а затем выпустили в мир, где надлежит знать вещи и попроче, ежели хочешь выжить. Да... Не печальтесь, сэр Сериога. Мой долг как рыцаря — защищать всех несчастных и слабых. А скорбные умом также к ним причисляются...

— Ага, блаженны нищие духом... — ошарашенно сказал первое, что пришло в голову, Серега.

— Дух ваш, сэр Сериога, в полном порядке. Не убоайтесь вы выйти в мир, в коем опасностей больше, чем вшей на нашем Слуди... о, сразу учуял и храпеть перестал, такой нигде не пропадет, не то что вы... выйти в наш мир, аки младенец беззащитный и не ученый ничему. Но ничего, помогу я вам...

— А мандонада? — сбил даму с накатанной колеи Серега.

— М-м... мандонада — обет эльфийской верности. Эльфы и в черном колдовстве, и в магии смышленны зело, и духами стихии управлять могут, и простыми убийствами не гнушаются... Главное ж — они те из Преждеживущих, коих боятся и простые люди, и

благородные. И коли уж дают они обет верности правителю своих земель, то никому того правителя не сместить и не лишить земель тех... Получить такой обет — счастье и удача превеликие. Эльфы охраняют преревностно. Ни один сосед не рискнет покуситься на земли твои, добро и подданных, и уж точно никто не рискнет покуситься на вас, ваше сиятельство! Ежели, конечно, оповещен будет о мандонаде заранее. Поскольку помрет беспреремнейше. Не сразу, конечно. Но вскорости! Хотя от разбойников сегодняшних ва... а, к черту, тебя! Короче, тебя бы это не спасло, сэра Сериога. Так что спокоен будь за земли свои, но не за себя самого, пока странствуешь.

— Слушай, Кло... леди Клотильда! — спохватился Серега в самый последний момент — хоть и почти его ровесница, но все же леди, баронесса и рыцарь в придачу, неудобно как-то ей тыкать. — А почему вы все это — и звание...

— Звание — это когда ты состоишь в воинском отряде. А когда ты состоишь в благородном обществе, то желательно, чтобы у тебя был титул!

— Ага, вот и сбылись мои мечты... Короче, все это — титул на герцогство под мандонадой — ты потребовала для меня, а не для себя? Ведь это ты... вы у нас — боевая единица... Ну, я имею в виду — воин без страха и упрека, единственный, кто может мечом помахать и добиться, так сказать... Или добить — как когда понадобится. И без вас бы я... Мне... Из меня... Неудобно как-то. Может, поделим герцогство на два поменьше? Назовем графствами и вместе графьями будем? А еще лучше забирайте вы все это себе. В хозяйстве пригодится...

— Сэр Сериога, — очень серьезно и негромко сказала леди Клотильда. Голос накладывался на шипение и потрескивание дров в костре и звучал почти угрожающе. — Сейчас мы идем по ВАШЕЙ дороге. Я здесь потому, что так сложились для меня обстоятельства. Вы здесь потому, что вы этого сами захотели. Вот мы и ищем вдвоем... теперь уже, правда, вчетвером вашего маль... слугу. Злодейски похищенного у вас. И что пошлет Бог на этом пути, все это — ВАШЕ. Понимаете, сэра Сериога... В конце концов именно вы спасли этого малыша, разбили, как вы сами считаете, совершенно случайно, чары зла, лежащие на нем. Но там, где присутствует зло, не бывает ничего случайного, Господь такого не допускает... Все это подтверждает, что это — ваш путь. А стало быть, и блага, и горести, кои могут воспоследовать на этом пути, — ваши. И не обольщайтесь, сэра Сериога, горести и беды могут быть ничуть не меньше, чем блага, мне же хватает гордости и веры в себя, чтобы ждать. Где-то, вне всяких сомнений, меня ждет мой путь. Будет нечто, что толкнет меня на этот МОЙ путь. Я непременно дождусь этого, сэра Сериога.

Ночь, окружавшая их, была тихой и теплой. Слуди беззаботно храпел, время от времени пугая бедных коней, и те испуганно всхрапывали в тон его переливчатым руладам; мальш, умаявшийся от походной жизни, тоже стал без перерывов на хныканье. Лицо леди Клотильды в отсветах пламени казалось Сереге уже не просто красивым, а прямо-таки завораживающе прекрасным. На щеке, обращенной к костру, отсвечивал розовым нежнейший персиковый пушок, и еще там была крохотная ямочка... Тут девушка-рыцарь зевнула, несколько запоздало прикрыв зевок ручкой. Ручки эти, как еще раньше заметил Серега, были покрыты мозолями с двух сторон. Внутренняя сторона ладони — явно от меча. Внешняя сторона ладони в мозолях для того, чтобы и без меча кое-чего стоять. Тем не менее сейчас умиленному Сереге эти ручки показались удивительно женственными, а зевающая Клотильда — беззащитной и нежной. По-детски беззащитной, прямо как...

— Значит, считаешь ты, что милорд Жанивский слова свои, кои говорил и говорит он

мне, в действия непременно облечет, как только увидит меня рядом с милордом Драммондом?

Сергея, которого слова леди Клотильды грубо выдрали из зарождающегося процесса... то бишь из процесса зарождения первой... ну, или почти первой и почти любви, вздрогнул. И тоже хмуро зевнул.

— Ну... прямо так я бы не сказал, леди Клотильда. Но я считаю, что это может подтолкнуть этого... Жанивского к чему-то. Или, наоборот, не подтолкнуть. В любом случае, что-то может стать ясным.

— Только неясно мне одно — как привлечь внимание милорда Драммонда? Не из числа он тех, кто ищет внимания дев и дам благородных, и весьма правильно сие, ибо приносит такое дурную славу рыцарю и уносит добрую честь женскую!

Интересно, подумал про себя Серега, а как же тогда то сомнительное в высшей степени внимание, коим оделял ее саму милорд Жанивский? Хотя конечно же кто посмеет сказать дурное о нашей Клоти? Ла белле даме сане мерси... Что означает в дословном переводе — прекрасная дама без всякой жалости. Причем “без всякой жалости” с большой буквы и крупными литерами.

— Хотя и не сомневаюсь я ничуть, что мужчина он в самом расцвете сил, — откровенничала леди Клотильда, недоуменно пожимая мощными плечиками. Под тонким черным шелком рубахи выгнали выпуклости плечевых бицепсов, а пониже тяжко колыхнулись небольшие, но поразительно рельефные чащи груди. И застыли. И мысли Серегины тоже застыли, запутались... — Но он, как думаю я, и как это и положено благородному человеку, пользуется служаночками. Короче, в высшей степени безупречный он рыцарь. Нет, положительно не вижу я ничего, что могло бы заставить милорда Драммонда хотя бы краешком глаза глянуть на меня.

— Ну, это просто, — рассеянно выдавил Серега. — Сделать поглубже вырезы на всех ваших рубахах, по талии ремнем перетянуться потуже... И, главное, дышать.

— Дышать?!

— Ну да. Поглубже, почаще. И смотреть при этом на него.

— Ну, не знаю... — с сомнением протянула могучая блондинка. — Вырезы глубокие, в поясе еще одну дырку провертеть, дабы препоясаться потуже... Опять же взгляды влекущие... Глупо очень, но понять могу я сие. Но вот дышать-то глубоко и часто зачем?

— Попробуй, увидишь.

Клотильда посмотрела на него долгим несчастным взглядом бесприютной собаки. Потом перевела взгляд на свою грудь. Глубоко вздохнула. Раз, другой. Под тонким шелком на каждом вздохе проклевывались две нахальные ягодки сосков. Серега, не отводя взгляда, пялился, как замороженный. Леди Клотильда, переведя на него взгляд, негодуя охнула и прыжком взвилась в стоячее положение. На лице благородной леди всеми оттенками цвела мина оскорбленного величия. Не глядя больше на Серегу, блондинка выполнила четкое, как на плацу, “кругом марш” и по-солдатски отмаршировала на ночлег.

Сергею ничего не оставалось, как тоже лечь спать.

На рассвете его разбудил вечно хмурый Слуди. Младенец Микки сладко посапывал у него за спиной в рюкзаке, паукообразно растопырив в разные стороны ручки и ножки. Леди Клотильда уже ждала в седле, блестя в лучах поднимающегося солнца стальной скорлупой доспехов. Леди-рыцарь все еще изволила дуться, напоминая под опущенной маской забрала громадного рассерженного жука.

Сергея самостоятельно влез в седло, с гордостью отметив про себя, то у него начинают появляться и проявляться кое-какие кавалерийские навыки.

Впереди их ждал Дебро. И Мишка. Или как его там зовут на самом деле?

Через час они выехали из леса и приблизились к небольшой деревеньке, зажатой между трёх холмов. Ворота в бревенчатой изгороди, окружавшей селение, были гостеприимно распахнуты, и вокруг не были ни единой души. Что было весьма странно. Изгородь из толстенных бревен, вымахавшая в полтора человеческих роста, на мысли о миролюбии здешних обитателей и безопасности здешних мест как-то не наводила.

Их маленький караван въехал в ворота и затрусил по деревне. Дворы по обе стороны впечатляли полной безлюдностью. Как Мамай прошел, рассеянно припомнил кое-что из родного фольклора Сергей. Но и признаков раздора тоже что-то не было видно. Тогда — как мор прошел, подкорректировал себя Сергей. Где и были распахнуты во всю ширь дощатые калитки, за ними обнаруживались аккуратные дворики, все сплошь со злобными собачонками, вполне живыми и яростно, до хрипоты лающими. Кое-где из труб вился дымок, но ни одна крестьянская душа не оживляла этот по всем прочим параметрам абсолютно идиллический пейзаж.

Встревоженная леди Клотильда, хмуро поозиравшись, перевела своего жеребца в галоп. Скорость, которую вскоре после этого начали набирать кони спутников, ее не удовлетворила. Черный жеребец споро обежал подрастянувшуюся кавалькаду, изловчившись, злобно куснул каждого коня. Коня тут же перешли с вялой рыси в хороший галоп. Низкорослый и коротконогий пони гнома как-то умудрялся не отставать от своих длинноногих собратьев. Они вихрем пролетели деревню и вылетели на окраину поселения...

Ворота с этой стороны тоже были распахнуты и безлюдны со стороны деревни. Но зато там, за воротами, обнаружили загадочно испарившиеся со своих дворов селяне. На небольшом лужке клубилась толпа, из-за темной стены плотно сомкнутых спин то и дело выскакивали и шныряли обратно разновозрастные дети. А еще над толпой слышался натужный и страшный нечеловеческий крик, переходящий в непрерывный вой

Сергея задохнулся от ужаса и дернул на себя повод, посылая своего коня вперед.

Рука леди Клотильды ухватила сбоку поводья.

— Куда?! Неужели не можете справиться с вашей лошастью, сэр Сериога? Вам сейчас надо повернуть обратно, а уж потом и посылать ее вперед...

— Я — туда! — выдавил из себя Серега и трясущейся рукой указал направление. Вой рвал душу, не вынимая ее из тела. Он шарахнул пятками по бокам гнедого жеребца.

Конь возмущенно дернул ушами и прыгнул в толпу.

Люди, стоявшие плотной стеной, расступались неохотно. На их лицах был выписан самый жадный интерес к тому зрелищу, которое разворачивалось впереди. Серега видел масляные улыбочки, странно, по-пьяному поблескивающие глаза. И чуял за этим особую, не звериную — по-человечьи свирепую жестокость. Сердце и живот свело болью от страха, но он упрямо подгонял начавшего упираться (очевидно, ему тоже ее нравились ЭТИ лица на фоне ЭТОГО крика) коня.

Сзади грязно выругалась леди Клотильда. В гул толпы вплелось грозное железное бряцанье. Люди неожиданно брызнули в стороны.

Сергея не успел оглянуться. Клоути пронесли мимо него — умеющая только побеждать боевая торпеда. И застыла перед открывшейся перед ними картиной.

Полукругом стояли самые прекрасные на свете рыцари. Серебряные латы лучились

хрустальным сиянием в лучах утреннего солнца, оттененные алыми одеждами. Рядом с каждым смиренно стоял белоснежный конь, крытый развевающейся на ветру роскошной пурпурно-алой попоной. Рыцари были молоды, все, как один, с чистыми, красивыми лицами, и на лицах этих сияло удивительно благостное выражение покоя, кроткой доброты и просветленности.

А прямо перед ними в странной позе стоял абсолютно голый человек. Черноволосый мужчина со следами побоев, с расставленными и полусогнутыми ногами. Руки, похоже, были связаны за спиной. Сверху у него на плечах держалось странное деревянное сооружение, состоящее из квадратной рамки, сверху скрепленной с четырьмя толстенными, вбитыми в землю стволами. Снизу в тело мужчины входил кол.

Вместо криков слышались уже прерывистые, мучительные короткие вздохи, перемежаемые сдавленными стонами.

— Добрый день, благородные сэры! Ну и неблагородные также... Прекрасный день! На колы простонародье насаживаем? Чудесно! Сколь прекрасное занятие вы себе тут наши... Осмелюсь полнубопытствовать, все ли у вас идет удачно?

Кони красавчиков от восторженно-дружелюбного рева леди Клотильды нервно присели и заплясали. Слишком уж много там было восторженности и дружелюбия. Даже Сереге стало как-то не по себе.

Лица алых рыцарей продолжали оставаться невозмутимо-кроткими.

— Езжай себе, сестра, — ласково, почти напевно возвестил один из них. — Твое ли дело судить членов Священной комиссии? Иль имеются у тебя родственные чувства вкупе с еще какими узами по отношению к этому оборотню, из коего изгоняем мы дьявола путем введения в тело поганое доброго наконечника из освященного серебра?

Рыцари смотрели благожелательно. И от этого становилось еще страшнее. Мужчина, сажаемый на кол, часто и глубоко дышал, глаза у него закатывались, он явно из последних сил сдерживал крик, изредка поглядывая мутными глазами на Серегу и леди Клотильду. О помощи он не просил, и во взгляде его не было никакой надежды — только беспросветная тоска и одиночество загнанного зверя.

— Что вы, что вы, да бог с вами... Какие там узы, просто любопытство... — весело сказала леди Клотильда.

И воздух наполнился жужжащим свистом.

Первые два рыцаря, пораженные дротиками прямо в лицо, ничком повалились в траву. Следующим троим, успевшим забраться за это время в седла, пришлось падать уже оттуда.

Но двое оставшихся в живых за это время уже успели подбежать к леди Клотильде и изготовиться для боя. Позы у них были картинно-небрежные и с определенной долей ненарочитой грации. Этакую небрежность и этакую грацию можно было позволить себе только после долгих и очень долгих лет выучки.

Леди Клотильда, дико взревев, бросила черного жеребца на одного из рыцарей. Зверь в лошадиной шкуре захрапел и шибанул его тяжеленным копытом по коленной чашечке. Рыцарь, глазами следивший за Клотильдой и не ожидавший подобной подлости от подседельной скотинки, качнулся и завизжал. Глубоко прогнувшийся серебряный наколенник треснул посередине, развороченные края ушли в глубь раны, и оттуда пульсирующими струйками постреливала кровь.

Пока черный жеребец атаковал рыцаря, замещая на этом фланге свою хозяйку, сама леди Клотильда, змеей перегнувшись с седла в другую сторону, встретила мечом атаку

второго рыцаря, нападавшего на нее сбоку, чуть ли не со спины.

Удар-тычок эльфийской шпаги-меча сверкнул разрядом молнии, испарывая точно посередине сияние серебряных лат.

И все кончилось.

Леди Клотильда, спрыгнув с лошади, деловито прирезала все еще визжащего из-за разбитой коленной чашечки рыцаря, затем обошла всех остальных, награждая каждое тело ударом меча, “контрольным”, если говорить на языке родных земных киллеров. Хотя вроде бы все они и так не издавали ни звука и не шевелились...

Сергея спрыгнул с лошади и подбежал к несчастному. Подбежал и застыл в смущении. Он попросту не знал, что ему нужно делать и что не нужно. Боялся, что, кинувшись высвободить, навредит еще больше... У основания кола на земле уже набежала широкая лужица крови.

Откуда-то рядом материализовался Слуди, жалостливо заохал, встав возле несчастного. Похоже, гном тоже не обладал познаниями о первой помощи в подобных ситуациях.

Леди Клотильда, закончившая претворение в жизнь генеральной рыцарской директивы “хороший враг — мертвый враг”, неспешной походкой подошла к ним. Обозрела критическим оком ситуацию, хмыкнула.

— Взяли его! Под мышки!

Слуди и Сергей бросились к мужчине с двух сторон, мертвой хваткой вцепились ему под мышки. Клоти мечом поочередно перерубила путы, удерживавшие деревянную конструкцию.

— Опытные у нас ребята в Священной комиссии работают, — прокомментировала обстановку явно хорошо разбирающаяся в таких вещах баронесса Дю Персиваль. — Просто насадить на кол — это по нашим временам даже банально как-то, неинтересно, скучно. А тут классический полукол, тело само себя насаживает под собственным весом, красота! Долго, больно и перед людьми не стыдно — искусство, лепота сплошная! А теперь самое трудное...

Тон леди Клотильды был таков, что Сергей даже содрогнулся.

Слуди крепко обхватил несчастного под мышками. Сергей, проинструментированный леди Клотильдой, дрожащими руками держал у основания вонючий и липкий от крови кол — чтобы тот не дрогнул. Леди Клоти, шипящим шепотом выдавливая сквозь зубы богохульства вперемежку с извинениями перед Господом Богом, осторожно перепилила эльфийским мечом кол у самой земли.

Они уложили мужчину на траву, прикрыли одеялом.

— Пить... — прохрипел несчастный.

Сергея начал было подниматься с колен, но леди Клотильда, встретившись с ним взглядом, отрицательно качнула головой. Затем встала и пальцем поманила его за собой.

— Ну и что теперь делать будем, твое сиятельство? Ему не выжить, кол был слишком глубоко... гм-м... внутри. Умирать он будет сейчас долго, даже дольше, чем если бы остался сидеть на колу. Будем сидеть рядышком и ждать? Три дня, а то и целую неделю? Я убила семь лишних человек... впрочем, это единственная светлая сторона во всей этой истории, сами... Нет, действительно сами напросились! Начать сажать на кол и не пригласить меня, леди Клотильду, полюбоваться, как того приличия требуют! Короче, у меня-то все в порядке, а вот у вас? Ваш слуга, этот, как его... Мишья? Спасать всех, конечно, очень благородно, сэр Сериога, но как же быть со своими, которых можно из-за всего этого просто не успеть

спасти? Милосердие — вещь крайне обременительная. В любом случае, решайте сами — остаемся или едем.?у?

Сергея покусал нижнюю губу, повернулся к телу под одеялом.

— Ты... в тяжелом положении, — начал он, присев на корточки и тяжело вздохнув. —

Кол... он повредил тебя. Если мы его вытащим...

— Но... ночью, — прохрипел мужчина, облизывая сухие, потрескавшиеся губы.

— Что ночью?

— Вытащить... кол. Ночью все заживет.

— Ба! — рывкнула сзади леди Клотильда и хлопнула ладонью по лбу — лоб глухо загудел. — Неужели этим придуркам все же попадают еще настоящие оборотни?! Откуда только они его откопали... Настоящий оборотень! И если мы вытащим ночью этот чертов серебряный кол из его зад... из его тела, я хотела сказать, то на нем заживет все как на собаке! И кстати...

Она отмахала по траве три широченных шага и склонилась над телом. Деловито спросила:

— Ты в кого, любезнейший, обращаешься?

— Черный... черного лиса...

— Привал!!! — громогласно объявила вновь обретшая бодрость леди Дю Персиваль и зашагала в сторону так и не сдвинувшихся с места за все это время пейзаж.

Через мгновение вся беззвучно глазевшая толпа разбежалась в стороны для выполнения самых разнообразных дел, понукаемая генеральскими выкриками леди Клотильды. Заодно добрая леди объясняла им, какая великая честь для них — принимать у себя герцога Де Лабри, находящегося под охраной эльфийской мандонады. Свою речь доблестная Клоти перемежала цветистыми определениями всех крестьян как класса и некоторых, выделяющихся своей нерасторопностью, как личностей. Все это вместе взятое плюс упоминание об эльфийской мандонаде самым волшебным образом влияло как на скорость передвижения, так и на физиономию крестьян, превращая их из опасно-настороженных в запуганно-почтительные. Дюжие молодцы шустро уволокли прирезанных членов Священной комиссии куда-то за рожицу, попутно разбирая при этом между собой их одежду, доспехи и коней. Слуди, увидевший, как с трупов прямо на ходу сдирают все мало-мальски ценное, рванулся было с места, но его перехватила бдительная леди Клотильда.

— Куда?! Пусть воруют... Во-первых, почувствуют себя сообщниками, а сие свяжет их языки почище, чем любая мандонада эльфийская. Во-вторых, надо же им чем-то заплатить за погребение сих достойных рыцарей, что пали в честном бою со мной. За тайное погребение, заметьте!

— Достойное погребение в голом виде?! — не удержался от колкости Сергей, отошедший к лошадям за еще одним одеялом для спасенного — подложить снизу.

— Самое ценное одеяние для рыцаря — это его незапятнанная честь! — напыщенно проинформировала их Клоти и величественно удалилась отлавливать убежавшего к деревне пони Слуди.

Сергея, припомнив кое-что из маминых справочников по оказанию первой медицинской помощи, просунул одеяло под мужчину, осторожно перекатив его сначала на один, потом на другой бок. Тот хрипел и постанывал, выдавливая сквозь зубы обрывки бреда и непрерывно прося пить. Сергей начал было объяснять, что пить нельзя, опасно из-за раны, но спасенный, сжигаемый бредом, похоже, его уже не слышал и все продолжал и продолжал

вымаливать глоток воды.

Притопал Слуди, держа на руках притихшего и испуганно таращившего глазенки Микки. Стоны раненого, похоже, будили в его несформировавшейся еще памяти нехорошие воспоминания из прошлого. Тем не менее мордашка его подопечного заметно покруглела за время их относительно недолгого путешествия, и в общем и целом он производил теперь вполне благоприятное впечатление — чистенький благодаря неустанным постирушкам Слуди, всегда сытый и накормленный и уже начинающий понемногу робко интересоваться окружающим миром. Гном потоптался возле Сереги, с любопытством оглядывая несчастного, прикрытого одеялом, но, заметив, какое выражение появилось на мордашке Микки, заполошенно охнул, кудакнул, как заботливая наседка, и умчался прочь.

Крестьяне приволокли стол, скамейки и молниеносно устали широченную столешницу разнообразнейшей снедью. Клоти, еще не закончившая расседлывать и обтирать травой лошадей, с тоской оглядела через плечо все это великолепие и скорчила страдальческую гримасу. Слуди, не обремененный подобными народно-хозяйственными обязанностями, порхнул к столу резвой птичкой. Через секунду оттуда уже доносилось его увлеченное чавканье и радостное гульканье Микошки. Серега глянул на раненого — тот начал метаться, и Сергей побаивался, что бедолага может навредить сам себе своим дерганьем. Кол был оставлен внутри, чтобы предупредить возможность внутреннего кровотечения, и резкие движения сейчас были крайне нежелательны. Придется держать. И придется остаться без обеда. Подошла леди Клотильда и с одного взгляда оценила ситуацию.

— Привязать к чему-нибудь надо... — хладнокровно заявила она и, немного поразмыслив, с некоторой натугой выдавила из себя: — этого бедняжку...

Серега подавил невольно выступившую на лице улыбку. Леди Клотильда явно вспомнила о том, что она как-никак женщина, и решила продемонстрировать некоторую толику женского милосердия и добросердечия.

Милосердная женщина, выбрав в рощице неподалеку два невысоких и достаточно ровных деревца, одним взмахом меча перерубила их у корня. Затем поочередно поставила каждое деревце стоймя и короткими ловкими движениями меча зачистила их от веток.

Они вместе закрепили руки и ноги посаженного на кол, привязав их к деревцам и зафиксировав стволы на земле кольшками. Бред перешел в горячее забытие, но, по крайней мере, несчастный лежал теперь более-менее неподвижно. Клоти постояла над бедолагой еще какое-то время, любуясь делом рук своих (милосердная женщина!), затем хлопнула Серегу по плечу и поволокла его к столу.

Крестьяне расстарались для очень дорогих, точнее очень опасных, гостей. На столе, вызывающе выставив торчащие вверх культяпки, красовался жирнющий жареный гусь (видимо, кто-то из деревенских богатеев остался сегодня без обеда), лежали грудями колбасы — кровяные, подкопченные, большие и маленькие, — лежал копченый свиной окорок, в мисках громоздились яблоки и виноград, в громадных кувшинах было выставлено молодое вино. Вместо хлеба по скатерти были разбросаны пышные, обжаренные с двух сторон лепешки, рядом был выложен ноздреватый, крошащийся сыр.

Они накинулись на еду.

— После доброй рубки на меня всегда нападает страшный аппетит, — поведала миру и кучке любопытных пейзажей, стоявших неподалеку, доблестная Клотильда, энергично обрабатывая зубами жестковатую гусиную ляжку — видимо, все же недодержали, спеша накормить кровожадного герцога Де Лабри и его очаровательную спутницу. — И вообще, в

обед есть хочется. Коня давай, все равно съем! Ха-ха, вместе со всадником.

— Угу, особенно если завтрака почти что, считай, и не было... — согласно проурчал Слуди, поднимая вымазанное в кровавой колбасе лицо от столешницы. Пейзане порскнули в стороны.

От околицы неспешно шла стайка пожилых крестьян. Они подошли поближе, выдержав тем не менее между собой и столом расстояние не меньше пяти метров — очевидно, того требовала крестьянская техника безопасности при обращении со знатными господами. Вразнобой закланялись. Леди Клотильда не повела и бровью, сосредоточенно жуя. Серега не проникшийся еще в полной мере благородным герцогским духом вкупе с зазнайством, торопливо проглотил все, что у него было во рту, и повернулся к ним. Крестьяне вновь усиленно заработали спинами вверх-вниз, уподобясь дружной стае буровых установок. Поклонное действо совершалось теперь уже синхронно, плечом к плечу, периодически предоставляя на Серегину обзрение волнистую линию, составленную из крестьянских задов.

— Я вас слушаю... — торопливо выдавил смущенный Серега. Крестьяне рухнули на землю, припечатав к ней лбы.

— Отец наш! — возопил один из них, опасливо приподнял извозюканное в земле лицо в сторону Серегу, встретился с ним взглядом и тут же снова уткнул нос в землю.

Леди Клотильда, не отвлекаясь от копченого окорока, коротко рыкнула:

— Ну?!

Серега, до глубины души потрясенный фактом своего отцовства при столь многочисленном и в почтенных летах потомстве, молчал.

— Отец и мать наши!!! — Крестьяне снова с азартом вдарили лбами о землю. — Владетельствует ноне нами барон Квезак. Обиды чинит нам лютые и платежи требует непосильные!!! И сил у нас боле нету! Посуди сам, милостивец... милостивица наша, в год поставлять двадцать девственниц для осуществления права первой ночи — ну откуда ж их взять, двадцать-то?! Ну никак не поспевают господин барон вперед наших парней... Приходится за деньгу немалую хаганок нанимать, у них хучь и все девки бабами становятся еще малолетками, однако ж любая баба ихняя завсегда девкою прикидывается. А дань-то — два маврикия с носа в год, посуди-ка сам, милостивец! Сил наших слабых боле нету!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Крестьяне снова бухнули лбами.

— Я... я что... — проямлил Серега и с надеждой посмотрел на леди Клотильду.

Леди Клотильда, как всегда, не подвела.

— Сесть! Говорить дальше!

Пейзане смачно поплюхались на землю, произведя при этом звук, шибко напоминающий плюханье коровьих лепешек.

— В стародавние времена входило селеньице наше в майорат Де Лабри, милорд... Миледи... Слезно молим, так сказать...

— Хм... И как же перешло ваше село к барону Квезаку? — равнодушно спросила леди Клотильда.

— Когда его сиятельство бежали... ну, то еще сиятельство, что в древности... в стародавнейших годах то ись и герцогство-то того... этого! Ну, тогда предок нынешнего барона Квезака и объявил, что отноне, мол, и навечно принимает село наше под свою руку...

Леди Клотильда мощным глотком осушила чашу с вином и встала из-за стола.

— Ну, сэр Сериога... Берешь ли ты сих страдальцев под длань свою?

— Я... Беру, конечно. А... Как?

— Вот незадача. Перчатки-то у тебя нет, — обронила леди Клотильда и с хрустом потянулась.

— Есть, миледи!!! — заполошным криком отозвался тут же один из крестьян и замахал руками. Из деревни на хороших рысях вылетела четверка молодых парней и понеслась в их сторону. На плечах у них покачивались носилки.

Сергея выбрался из-за стола и присоединился к баронессе Дю Персиваль, застывшей перед крестьянами в небрежно-выжидательной позе.

Принесенные носилки бережно опустили на землю. То, что лежало на них, было добросовестно усыпано грудой свежесорванных полевых цветов. Так добросовестно, что и видно ничего не было.

Леди Клотильда наклонилась и брезгливо поворошила мизинцем спутанную массу из стеблей и лепестков. Под цветочками-листочками блеснула вороненая сталь.

— Ого! Старинная штучка... Гульфик из кольчужки, надо же!

Сергея стряхнул цветы и принялся ошарашенно разглядывать кольчужные колготки с чем-то вроде застежки в паху, стальные башмаки и наколенники, рубаху из стальных колец со стальными элеронами на груди, локтях и плечах. Отдельно лежали литые серебряные шпоры в виде шипасных драконов и шлем — яйцевидный, с выгнутой носовой пластиной и кольчужной сеткой сзади. Кажется, именно такой шлем на Земле, в эпоху рыцарей, назывался бассинетом. Кольчужная сетка на шлеме — вантай. Круглые пластины, защищавшие подмышки, — ронделли. На этом, похоже, и заканчивались его познания в средневековом доспехостроении. Сбоку прилагались громоздкие пластинчатые перчатки — с отстегивающимися большими пальцами, оцетинившиеся шипами на пальцевых сгибах.

— Малый походный доспех герцога Де Лабри! — с гордостью возвестил пожилой крестьянин и заулыбался улыбкой деда, преподносящего внуку большой леденец на палочке. — Здеся раньше усадьба была. Кады барон Квезак ее захватывал, то мы упасли-уберегли...

— Вы успели разграбить усадьбу раньше барона! — отрезала разом посерьезневшая леди Клотильда. — А доспех на всякий случай приберегли, не продали где-нибудь на ярмарке и не переплавили на гвозди. Вдруг да прежний хозяин объявится! Барону Квезаку заявили, что, мол, так оно и было в усадьбе всегда — голые стены да пол без ковров, а он, дурень, вам и поверил, а есть ли на полу следы от шпор, не посмотрел... А ведь должны были остаться, если доски без покрытия... А там, где ковры, там и утварь должна быть, и одежда, и посуда дорогая, и прочая радость. А перед герцогом, буде он появился бы, отбрехали бы тем, что барон-де и разграбил. Доспех сей предъявили бы в знак своего радения перед сеньором. А где оружие от доспеха, дети полей и огородов?!

Крестьяне разом подхватились со своих задов и снова переместились на три точки опоры — колени и лоб.

— Не було, миледи-спасительница!

— Ну-ну, — не сжалилась Клотильда. — Представляю, каких топоров и гвоздей вы из меча понаделали. Спасительница... Да разрази меня гром, ежели хоть одного из вас я спасу, погубители доброго меча рыцарского!

— Прости-и-и! — взвыл хор голосов.

Леди Клотильда повернулась к Сергею, возложив руку на бедро с тяжелой грацией

культуриста.

— Решайте, сэс Сериога. Берете ли вы под свою защиту этих недостойных смердов?

— Леди Клотильда... — Сергей помялся, лихорадочно обдумывая ситуацию и пути возможного выхода из нее с наименьшими потерями в глазах леди Клотильды. — Э-э... Ну вы же понимаете. Какой из меня защитник? Для них, я имею в виду... Да для кого угодно — я ж в жизни меча в руках не держал, я... больше книжки читал. А ведь, как я понимаю, барон Квезак... Он не обрадуется. Сильно не обрадуется...

— В корень смотрите, друг мой сэс Сериога. Не обрадуется — это еще скромно сказано. Очень даже не обрадуется, и весьма. Но вот в чем штука... Не рискнет сэс Квезак пойти против мандонады эльфийской. Вы пока по делам своим туда-сюда... Ну, до его слуха все и дойдет. Сначала до слуха, потом где-то через месяц — и до мозгов. Ха-ха...

— Хорошо, — убито сказал Сергей, чувствуя себя в западне, где сиделось ему — глупее некуда — герцог Де Лабри, ваш бродь, прошу любить и жаловать. — Что я могу... что я должен сделать?

Клоти иронично повела бровью.

— Должен?! Сэс Сериога, герцог Де Лабри никому ничего не должен, наоборот, — она метнула огненный взгляд в сторону вжимающихся в землю пейзаж, — это ему кое-кто задолжал. Вы не должны, у вас нет кредиторов по причине крайне малого времени пребывания в титуле герцогском. Боже, сэс Сериога, у вас ведь даже и врагов-то еще нет — вы просто не успели их завести! Это вам еще предстоит! Увлекательнейшие вас ждут времена и события, сэс Сериога...

— Да, без врагов — это нехорошо, — сказал Серега, испытывая сильнейшее желание нервно заржать. — У каждого порядочного человека должны быть враги...

— О!!! — леди-морской пехотинец полила Серегу неожиданно вспыхнувшим взглядом. — Вижу, будет все же из вас толк, сэс Сериога.

— Да это один умный человек сказал, не я, — робко попытался Серега откреститься от чести стать толковым по-рыцарски.

— Прочитал, запомнил, сказал, — значит, твои уже это слова, сэс Сериога. И хорошо это, ибо предстоит тебе стать родоначальником новой династии...

— Что делать-то? — буркнул Серега, мрачней еще больше. Быть герцогом в мире, где нет ни нормальных книг, ни телевизора с видеком, ни...

Леди Клотильда сунула ему в руку шипастую перчатку (Серега охнул, защебив кожу на пальце скрипучим сочленением), схватила его за плечо и поволокла за собой. Хватка у нее была железная. У Сереги было полное ощущение того, что его плечо зажато в стальных тисках...

Они остановились перед воротами в деревенской изгороди. Леди Клотильда построеному развернулась к семенившим за ними следом пейзажам, рявкнула:

— Где?!

Подскочили двое, на вытянутых руках держа перед собой молот, явно только что в спешном порядке принесенный из кузни. Клоти величественным жестом показала на ворота.

— Выберите место для вашей перчатки, сэс Сериога. Приложите и... э-э... подержите, а я прибью.

Серега, ощущая себя героем мыльной оперы или дурно слепленного исторического боевика, приблизился и нерешительно прижал расстегнутую перчатку к толстеньким, почерневшим от непогоды и времени доскам.

Леди Клотильда критически осмотрела принесенные крестьянами гвозди, отобрала три — все длиной в ладонь и толщиной в палец, легонько перехватила молот за рукоять и подошла к Сереге.

— Так... Чуть повыше! Теперь держи гвоздь...

Все три гвоздя были вбиты в дерево и перчаточную сталь тремя короткими и мощными ударами — по удару на каждый гвоздь. И перчатка оказалась намертво приклепанной к воротам.

Остаток дня до самой ночи они провели в блаженном ничегонеделании. Правда, не все. Например, сиятельная баронесса Дю Персиваль посвятила это время прилежному осмотру оружия и снаряжения. Счистила со всех своих табельных единиц появившуюся за эти дни ржавчину, тщательно наточила их и смазала чем-то вроде машинного масла. Причем, помимо двух своих мечей, дротиков, копья и целой коллекции разномастных кинжалов, она наточила и смазала еще и Серегин меч — тот, что достался ему от эльфов. Ну, чем бы дитя ни тешилось... Слуди с Микошкой ползали в траве, гулякали о чем-то своем, личном и время от времени заливались смехом — один робким колокольчиком, другой басовито и глухо, как встревоженный шмель. Притащился плутоватый и довольный собою Мухтар — хитрая зверюга спрыгнула с Серегина седла, как только он двинул коня через толпу. Сейчас на кошачьих усах обличительно трепыхался цыплячий пух, а блестящую серую шерстку покрывали крайне подозрительные красно-ржавые пятна. Подрастающий котенок (или уже кот?) нахально ленивой инспектирующей походкой обошел их бивак, затем, выбрав из всего их имущества седло леди Клотильды для своих личных нужд, принялся точить об него когти. Трепетно относящаяся к своему снаряжению леди Клоти, мгновенно уловившая крайне подозрительный скрип, не вставая, запустила в Мухтара стальным башмаком. Серый плут испарился ровно за долю секунды до того, как увесистая конструкция из стальных пластинок врезалась в землю возле седла.

Сереге наблюдал за всем этим весельем, сидя возле мужчины-оборотня. Тот был без сознания, от кожи исходил набирающий силу жар. Сергей обтирал мокрой тряпкой горячий лоб, смачивал пересохшие, потрескавшиеся губы. И молился про себя, чтобы страдалец подольше оставался без сознания — потому что боль, которая тут же начала бы его терзать, должна была быть дикой и непереносимой. Солнце лениво укатывалось к горизонту. Слишком лениво и медленно, по мнению Серега.

Но наконец укатилось.

Закат догорал — сиренево-алый цветок в серебристой листве облаков. Синяя, прохладная и пряно пахнущая тьма сгущалась. Подошла леди Клоти, приплелся Слуди, уложив предварительно спать умаявшегося за день Микки. Даже Мухтар фыркал и шипел где-то поблизости, неразличимый в густой траве. В темноте все кошки серы, вспомнилось Сереге. А если кошка и так серая? Тогда в темноте ее и вовсе нету...

Оборотень охнул. И очнулся. В слабых отсветах костра, разведенного вечно везде поспевающей леди Клотильдой, лицо его казалось маской из углов и выбоин, приправленных вспухшими мазками черно-багровых синяков.

— Пора, наверно... — с некоторой опаской высказал свое предположение Сергей. — Костер ему не помешает, как вы думаете?

— Не-ет... — просипел мужчина. Жар, идущий от его кожи, был просто обжигающим. Если он, Серега, хоть что-нибудь понимал в медицине, то у несчастного должен был быть как минимум разлитой абсцесс в брюшной полости, сиречь внутреннее и скоропалительное

нагноение раны в кишках. А может, уже и сепсис. Заражение крови. И выкарабкаться из всего этого в мире, где об антибиотиках и слыхом не слыхивали, — это, милостивые судари и сударыни, нечто совсем уж нереальное. От сепсиса и в Серегинем-то мире, бывало, не всегда спасали... И не всегда — это еще скромно сказано, вот редко — это будет гораздо ближе к истине.

Книжный мальчик Серезенька содрогнулся.

Каковы бы ни были силы оборотня, но они были явно на исходе. И хотя шибко Серега сомневался в том, что знаменитое, в куче книг описанное свойство оборотней заживлять на себе любые раны сможет помочь, но, в любом — точнее, в данном — случае, вся надежда была только на это. Следовало поторопиться.

Страшно было начинать и делать то, что могло убить лежащего перед ними человека... даже не могло, — убьет наверняка. То, что, по большому счету, человеку-оборотню и так не выжить, уверенности не прибавляло. Наоборот — уносило ее.

Леди Клотильда начала было освобождать несчастного от бревен, к которым тот был привязан, но была остановлена Серегой. В прежние времена, как припомнилось ему, в операциях, где не было обезболивания, предусматривалось обязательное обездвиживание пациента. За неимением операционного стола с ремнями сойдут и бревна. Он откинул одеяло и положил ладони на шероховатый ствол. Пора.

Он тянул плавно, стараясь избегать остановок и рывков. Мужчина кричал. Сначала страшным, заходящимся голосом, затем голос стал слабым и сипящим. Он слабел на глазах. Пошло внутреннее кровотечение, догадался Сергей. И торопливо, уже ни о чем не заботясь, рванул кол. В свете костра под сгустками крови блеснул чистым, безжалостным сиянием металл. Серебро. Враг всей оборотней.

Слуди при первом же крике посаженного на кол удрал к Микошке. Леди Клотильда и Серега сидели по обе стороны от бедолаги и ждали. Хотя ждать, собственно, было нечего. Чудеса чудесами, а тело...

Ноги начали укорачиваться. Серега в некотором оцепенении смотрел, как уменьшается человеческая ступня, из кожи брызжет волос, а ногти прорастают стружкой длинных звериных когтей. Из веревочных пут, ставших сразу свободными, высвободились уже не реки и ноги, а лапы.

Огромный, с теленка размером, роскошный черный лис лежал на боку перед ними, вытянув черное великолепие хвоста, оправленного в серебро светлого подпушка. Кровь, такая заметная на белой человеческой коже, на черном с серебром меху была незаметна. Зверь был неподвижен.

— Я сейчас... — пробормотала леди Клотильда и сбегала к столу, где стараниями крестьян их уже ждал скромный поздний ужин в лице трех жареных поросят и четырех тушеных с овощами гусей.

После короткого раздумья баронесса остановила свой выбор на поросенке и вернулась к Сереге с упитанной тушкой в руках. Отломил сочную, с поджаренной кожицей ляжку и положила рядом с оскаленной лисьей пастью. В воздухе запахло так аппетитно, так... возбуждающе. Серега не удержался и, несмотря на всю необычайность ситуации, потянул воздух ноздрями. В носу даже свистнуло. Странно, вроде бы насморка у него нет...

Свистнуло? Нет, скорее уж хрустнуло! И явно не у него в носу... Черный лис, вытянув до предела морду вперед и придерживая одной лапой угощение, пожирал мясо, не поднимаясь с земли. Леди Клотильда показала Сереге большой палец и осторожно опустила всю тушку на

место, где только что лежала целая свиная ляжка. Встала, отряхнув руки, и тихо отошла. Приглашающе помахала рукой Сереге.

— Мы здесь больше уже не нужны, сэр Сериога. — Показалось Сереге или действительно в голосе “железной леди” звучала скрытая печаль? — Идемте ужинать. Завтра отправляемся в Дебро... Там этот ваш... как его...

— Мишка, — подсказал Серега и перешагнул через подрагивающую трубу вытянутого лисьего хвоста.

Крестьяне, преисполненные восторга перед новым герцогом Де Лабри, усиленно начали зазывать путешественников переночевать под кровом, в доме деревенского старосты, но леди Клотильда отказалась. И от предложения постелить для них постели помягче прямо здесь, на лужке — тоже. Серега, чье тело прямо-таки жаждало комфорта и теплого, мягкого уютта, из-за спины дамы-аскета поливал крестьян растерянными-зовущими взглядами, дескать, я-то согласен, давайте! Но, увы, слова мазохистски настроенной леди Клотильды были для крестьян более убедительны, чем умоляющие герцогские взгляды. Увы, и еще раз — увы...

Леди Клотильда повернулась к Сереге и громко расхохоталась, углядев неприкрытую печаль, крупными буквами прописанную на честной Серегиной роже.

— Клопы, сэр Сериога, — давясь от смеха, любезно объяснила она. — Но если вы такой уж большой любитель поспать на постели, коя не только танцует под вами, но и пробует вас на вкус, то я могу и возвернуть...

— Не-не-не!!!

Лис черной молнией прошелестел мимо. На месте, где раньше лежал человек-оборотень, посреди примятой травы осталось валяться безвозвратно испорченное одеяло в пятнах крови. Вот и все...

Они улеглись на ночлег, закинув в костер колья и жерди, использовавшиеся для пытки. Огонь занялся на них весело, серебряное навершие кола жалко блеснуло, погружаясь в жар пламени.

К утру серебро расплавится, подумал Серега, сонно глядя на оранжевый флажок костра. И крестьяне непременно соберут его, разбросанное оплавленными капельками среди золы и углей, заработав еще и на этом. Что ж... Пора спать.

Глава восьмая

И БЫЛО РЕНДУ ВИДЕНИЕ...

Дебро выплыло из-за стены леса на следующем повороте дороги. Черепичные крыши — алые и коричневые, глинобитная побеленная стена в два человеческих роста, лентой опоясывающая массив из домов и узеньких улочек. Блеяли овцы, мычали коровы, и по воздуху плыл весьма пасторальный аромат свежеспеченного хлеба.

На воротах их остановили стражники, облаченные в разномастные кольчуги. Рифленые бороздки, рисующие чей-то герб на здоровенных металлических бляхах, висящих на молодецких грудях, были порядком заляпаны грязью и почти неразличимы. Леди Клотильда брезгливо оглядела нацеленные на них тупые (лет сто без заточки, и производитель явно не “Жиллет”) и проржавленные лезвия копий, со скучающим вздохом потянулась к своему мечу. Неожиданно вперед выскочил Слуди на юрком и удивительно прыгучем, как выяснилось, пони, несказанно удивив этим всех — и леди Клотильду, и стражников с мордами разочарованных в жизни бандитов. Микки за его спиной крутил головкой и бодро размахивал ручонками на утреннем свежем ветерке.

— Деньга! — возопил Слуди, протягивая к стражникам корявую руку с зажатым в ней коричневым кружочком. Копья дружно отпрянули.

— Налог за дорогу, налог за топтание земли, налог за проезд, налог за провоз клади, налог за торговлю... — перечислял стражник, жадно выхватывая монеты из руки Слуди. Слуди, который занимался тем, что методично доставая и доставал монеты из необъятного своего пояса, морщился и горестно вздыхал.

— Какую такую торговлю?! — возмутилась Клоти, наезжая конем на здоровяка, кольчуга на котором, казалось, вот-вот должна была лопнуть по швам. Точнее, по спайкам.

— Ну как же, миледи! — весело загоготал стражник, ничуть не убоясь злобно храпящей ему в лицо черной конской морды. — Вы себе купите попить-поись, коню — овса, деточке вашей — молочишка, а молодцу — того, девку али кого другого, по евоным потребностям... От она и торговлишка! О, дык с вас же еще и налог за проституцию следоват, потому как вы все энтим делом заниматься явно можете... А раз можете, то и непременно будете!

Леди Клотильда громко скрипнула зубами, Серега послал ей умоляющий взгляд. Грозная леди с некоторой заминкой нарисовала все же на лице мину высокомерного невосприятия окружающей среды, и он облегченно вздохнул. Мухтар тем временем презрительно фыркнул с высоты Серегоного седла и забил кончиком хвоста по твердой седельной коже. Стражник и его манеры явно пришлись ему не по вкусу.

— А-а! — обрадовался детина. — Еще и налог за провоз хычника!

Слуди с проклятиями отслюнил еще две монетки в потные лапы, и их наконец-то отпустили.

Расспросы встречных-поперечных привели в небольшую гостиничку, даже скорее не гостиничку, а таверну, что ли... Располагался этот отель средневековья где-то на задворках поселения. Причем самых грязных задворках. Однако сама таверна изнутри оказалась довольно опрятной и сравнительно чистенькой, особенно если припомнить замусоренную и вонючую улочку, куда выходили ее ворота. Леди Клотильда, войдя, сразу же величаво потребовала три комнаты — для себя, ее спутника и его сиятельства герцога и их слуги с воспитанником. Упитанное лицо хозяина тут же окрасилось (или окрысилось?) тонами

почтительнейшего недоверия и глубочайшего сомнения в платежеспособности гостей. Он принялся жаловаться на полное отсутствие свободных комнат, но непочтительный Слуди опять ужом вывернулся из-под мышки величественной леди и вкрадчиво загнусавил хозяину о том, что нужна только одна комната, но большая и чистая и чтобы без клопов, но чтоб не слишком дорого. Они поиздержались в дороге — дорожные расходы-поборы, налога на воротах и все такое, но зато они непременно будут рекомендовать его таверну всем друзьям и знакомым милорда герцога и миледи баронессы... Тут Слуди прервался и заискивающе оглянулся на миледи баронессу, грозно сопящую у него за спиной.

— Миледи баронесса ДЮ ПЕРСИВАЛЬ, — проскрежетала набывчившаяся леди Клотти воткнула в затылок вновь обернувшегося к хозяину гнома острие яростно жалящего взгляда.

Коней, оставленных в крытом дворе таверны, увели резво набежавшие слуги. Боевой битюг леди Клотильды то и дело игриво щелкал зубами над самым ухом ведущего его конюха, и бедолага испуганно приседал на каждом шагу, тщетно пытаясь прикрыть плечами неприкайнную головушку.

Один из слуг отнес поклажу путешественников и их седла наверх в отведенную им комнату на втором этаже. Хозяин, стоя возле стола, спешно накрываемого для новых постояльцев, ловко совмещал угодливо согнутую в честь знатных господ спину с грозным командирским рыком в адрес нерадивых слуг. На стол с гулким грохотом и в спешном порядке опускались многочисленные блюда, тарелки, кувшины и кружки.

Леди Клотильда, занявшая место во главе стола, скоренько свела ладони и скороговоркой пробормотала нечто замысловатое, вскользь упоминаящее Бога, его милость по отношению к леди Клотильде, выразившуюся в том, что ее трапезы уже довольно долгое время проходят без присутствия за столом лорда такого-то (вина вышепоименованного лорда, как уяснил Серега из молитвенных речей Клотти, состояла в том, что он был уж слишком склонен пускать ветры за столом), а также упоминался поросенок, красовавшийся посреди стола. Причем поросенок был назван “прекраснейше и вкуснейше зажаренным тельцом свиной породы, источающим ароматы, кои...”. Серега слушал эту молитву, наострив уши, так как звучание ее то и дело заглушалось громогласным голодным урчанием желудков всех присутствующих за столом. Наконец леди Клотильда развела ладони и принялась за еду, в перерывах между пиками своего кусательно-жевательного процесса задавая хозяину вопросы. Тот, стоя рядом и угодливо склоняясь чуть ли не до столешницы, многословно отвечал.

Да, действительно, эти ду... да простит его великодушная миледи, искатели Благотворной Часовни действительно всегда останавливаются только у него. У него есть барак на задах, за огородом, берет он за него очень дешево и разрешает этим нечестивцам устраивать в своем бараке их богомерзкие моления, хотя соседи и жалуются. Но ему тоже надо как-то кормиться, миледи... понимаете, да? А ведь так много уходит в наши дни на еду и налоги, а еще детей надо ставить на ноги... Паломников всегда бывает много, они покупают у него еду, платят за воду из его собственного колодца, спят в бараке... раньше это был коровник, но он построил новый, старый совсем обветшал и для коров не годился, можно было бы там складывать дрова или сено, но нет, даже от старого коровника старый Хедди...хе-хе... умудряется по-прежнему получать молочко. Не-ет, миледи, пока что барак пуст. Но он слышал, что вот-вот должны подойти. Паломники идут пешком, по бездорожью, каждого, кто охромееет или занедужит, продолжают тащить с собой. С час назад заезжал кум Тьерри, гончариз деревни неподалеку, приехал сюда распродать свои корявые горшки, так

вот он говорил, что возле их деревни видели толпу этих... искателей-взыскателей, не при них будь сказано, миледи. Идут сюда. Ну да, ну да, миледи на коне и по дороге... Она обогнала этих черепах, не иначе. Да, миледи, он будет нем как рыба и всенепременнейше известит ее, как только... Так сразу, да-да. И его слуги также, ваше благородство! Вина для миледи! Трок, отнеси слуге миледи наверх, в их покои! И воспитанника миледи не забудь! Ах вашего... Прошу прощения, ваше сиятельство! Сиятельнейший герцог... Кувшин молока? Слушаюсь, милорд... Что, вскипятить?! Ну-у... Нет, миледи, я ничего такого не имел в виду, боже упаси, что вы, миледи! Да, милорд, слушаюсь, милорд, простите великодушно за непонятливость... Прекраснейшая, благороднейшая миледи!

После обеда, непомерно объемного и сытного, они приходили в себя, отлеживаясь на кроватях в своей комнате. Отлежавшись, навестили платную помывочную, расположенную всего за два дома от таверны. Аналог публичных бань в этом мире представлял из себя незатейливый сервис в виде отдельных комнат, где из соскообразных кранов жидкими струйками текла чуть теплая вода и предлагалось слегка вонючее мыло, деревянные бадейки и ветошь стойкого серого цвета на роль полотенец. За отдельную плату им было предложено даже постирать одежду, на что Серега согласился с радостью. Леди Клотильда долго торговалась с прачкой, но в конце концов все же вручила ей объемистый тюк, который притащила с собой. Серега, кстати, не озаботившись ни о чем подобном и не принеся с собой даже сменной одежды, поимел некое неудобство в виде мокрой после стирки одежды, которую пришлось с робкими (по причине отсутствия опыта в этом сложном искусстве) матерками напяливать на мытое тело. Ну что, пока доберемся до комнаты, глядишь, и просохнет...

Клоти вышла из мыльни свеженькая, чистенькая и сияющая, как облупленное яичко. Серега поднялся ей навстречу, ежась от колкости мокрой одежды. Кожа, которую он скреб ногтями и мотком спутанной шерстяной пряжи, заменявшей здесь мочалку, слегка горела. Они вернулись в таверну, проведали в конюшне своих коней, сыто и спокойно дремлющих в тепле стойла, и поднялись к себе. Слуди дремал, Микки дергал за хвост вконец обожравшегося и спящего прямо посреди комнаты Мухтара. Клотильда беззлобно ругнулась, выкинула так и не проснувшегося кота через распахнутое окно на соседнюю крышу и подхватила с пола Микки — скорее как щенка, чем как ребенка. Швырнула счастливо взвизгнувшее тельце в пухлости широченной перины, разулась и сама бухнулась рядом с ним. Очень скоро из глубин перины начал доноситься здоровый рыцарский храп. Микки повозился, сел, недоуменно осмотревшись вокруг, но ничего веселенького вокруг не наблюдалось, и он завалился назад, на спину. Тоже, очевидно, решил поспать.

Серега, поминутно оглядываясь на свою койку, не такую роскошную, как у леди Клотильды, но все равно ужасно желанную, стащил с себя липнувшую к коже мокрую одежду. Упал на постель и моментально уснул.

Снилось что-то нехорошее, ужасное. Его грубо тащили куда-то вниз (в преисподнюю, вяло предположил спящий Серега), потом под ним что-то долго и мучительно тряслось, словно он лежал на ложе из спин пытаемых чертями грешников. Потолок грезился алым, словно и не потолок простирался над его головой, а закатное небо, время от времени чьи-то смутные лица начинали мелькать то сбоку, то прямо над ним. Все это перемежалось вспышками тупой боли в голове. Его снова волокли вниз по лестнице злые чудища, босые пятки больно бились об острые ступеньки, где-то рядом кто-то тоскливо стонал...

Ведро благословенно-холодной воды окатило лицо, струйки потекли по шее, по плечам.

Кстати, плечи... ныли. Отлежал, тупо подумал Серега, попытался двинуться и не смог.

Рванулся, выдирая себя, свое сознание из глубин странного, тошнотворного забытья, рванулся, прогибаясь телом. И наконец очнулся полностью.

Кромешная тьма вокруг него рассеивалась двумя слабо горящими факелами. В мутных кругах света, которые они кидали на стены, Серега различил грубую каменную кладку. Где-то капала вода — методично, громко. Сбоку кто-то непрерывно постанывал — тихонько так, точно щенок поскуливал. И все его тело страшно ныло.

Он повертел головой, все больше и больше приходя в себя и оценивая ситуацию. Под задницей ледяной каменный пол, спина опирается о стену, руки задраны вверх. В запястьях врезались металлические полосы браслетов, утягивающих вверх руки. Сергей шевельнул затекшими до полного онемения плечами — сверху тихо звякнуло. Похоже, браслеты прикреплены к цепям. Сбоку в такой же позе сидела леди Клотильда, по всей видимости еще не пришедшая в сознание, со свесившейся на грудь кудлатой головой. Негромкий щенячий скулеж исходил из угла слева и, судя по тону и гнусавым ноткам, принадлежал Слуди.

Сверху что-то загрохотало, потом послышался надсадный скрип, и загрохотало вновь. Подняв глаза, Сергей увидел, как из сплошной тьмы вверху возник желтый язычок пламени и начал плавными рывками спускаться вниз. Ступеньки, определил Серега, глядя на то, как зигзагами сплывает к нему колеблющийся свет. Тот, кто нес его (светильник? свечу?), умудрялся делать это так, что лицо оставалось в тени.

Смутный силуэт закончил спуск по лестнице и направился к Сереге. И наконец-то осветил лицо.

Мужчина, который смотрел на Серегу, являл собой столь сногшибательный образчик мужской красоты, что наверняка у местных дам перехватывало дыхание от одного взгляда на него. При всем при том внешняя красавица в его лице была еще и щедро приправлена волей и умом. Примечательное лицо, вполне годящееся в “герои нашего времени” для этой эпохи.

— Мои гости... — насмешливо протянул мужчина и, приблизив руку со свечой к Серегиному лицу, прищурившись, начал его изучать.

Леди Клотильда простонала несколько громче, чем раньше, и хрипло откашлялась.

— О-о, кажется, прекрасная леди тоже приходит в себя...

Клоти сплюнула. Сухой щелкающий звук плевка прокатился по подземелью.

— Барон Квезак...

— К вашим услугам, миледи.

Мужчина отвесил глубокий, преисполненный шутовской почтительности поклон леди Клотильде. Свеча в его руке дернулась и подплыла еще ближе к Серегиному лицу. Кончик носа запекло. Потянуло паленым.

— К сожалению, не могу вам предложить ничего лучше, то есть глубже, чем этот подвал, миледи. Обстоятельства...

— Эльфийская мандонада на тебя!!! — придушенно-яростно прошипела Клотильда и махнула ногой, пытаясь достать до носа барона.

Барон резво выпрямился.

— Ах, какая чувствительность... С вами наверняка должно быть оч-чень интересно в постели, миледи... и — ах, все эти дивные, милые сказания для простолюдинов... — почти пропел он и улыбнулся. — Да-да, эти смерды мне рассказывали, мне даже показалось, что они пытались мне угрожать... этим смешным рассказиком. Ну, этого я никак не могу стерпеть — не так ли, баронесса? Пришлось их должным образом наказать.

— И что же ты сделал? Заставил их слушать свои томительные мяуканья? — холодно поинтересовалась леди Клотильда.

Барон слегка дернулся, но тут же принял картинно-небрежную позу, призванную, по всей видимости, олицетворять презрительную скуку.

— Я? О, я дал им возможность досмотреть то увлекательнейшее представление, которого вы их так жестоко лишили за день до этого, милейшая баронесса. Посадил на кол каждого второго. Довольно забавно. Думаю, мне надо почаще практиковать подобные развлечения для народа, м-м-м... Знаете, это может стать даже крылатой фразой, вот, послушайте — когда народ должным образом развлекаешь, он не бунтует. Главное — суметь развлечь его так, чтобы уж дальше некуда...

— И вам, я смотрю, это хорошо удалось, барон, — не выдержал Сергей. Субчик действовал на нервы даже сильнее, чем ноющая боль во всем теле и абсолютная нечувствительность, начинающаяся от плеч и уходящая к кончикам пальцев. — Не боитесь помереть во сне, откушав что-нибудь из рук небунтующего народа?

Барон пожал плечами.

— Не боюсь, знаете ли. Все мы смертны, увы. А после меня, кстати, все эти поместья достанутся моему младшему братцу, изгнанному в свое время нашим папашей за страсть к бесцельным истязаниям слуг, смердов и просто проезжих... Так что мои подданные молят бога продлить мои дни как можно дольше, и в этом наши стремления сходятся. Но я отвлекся, господа! Итак, как я уже упоминал, все мы смертны. Но... вам это придется осознать раньше, чем мне. Не могу выразить, как это меня радует, ну, прощайте. Дамы ждут, и все такое. Милорд... Миледи...

Барон легко отвесил два танцующих поклона, с изяществом повернулся и направился к лестнице.

— Стойте! — заорал Серега. — Что все это значит?! Что с нами будет? По какому праву вы нас...

— Что будет? Да и в самом деле любопытно...

Барон обернулся через плечо и скучающе глянул на Серегу.

— Ну не могу же я оставить в живых герцога Де Лабри. Увы, осколки бывшего майората Де Лабри — это почти все, чем я нынче владею. Конечно, все окружающие это порядком подзабыли, но на картах королевских хранилищ, а таковые по-прежнему есть в каждом крупном городе королевства, то бишь теперь уже бывшего королевства... так вот, на картах королевских хранилищ все эти земли помечены черным и синим — цвета давно истлевших в земле и всеми благополучно позабытых герцогов Де Лабри... Ну а вы, леди Дю Персиваль.. Ах как мне жаль, что я не буду иметь чести поставить памятник на вашей могиле. Непременно распорядился бы выбить на нем: “Я оказалась не в том месте, не в тот час и не с тем человеком”. Ах как звучит! Несколько двусмысленно, правда, ну да девицы из рода Персивалей никогда и не блистали целомудрием...

Леди Клотильда со свистом втянула воздух. И сказала совершенно спокойно:

— Мои братья непременно пойдут по моему следу. Они найдут тебя, вонючий червяк. И пусть не боишься ты мести эльфов, но жди и бойся мести баронов Дю Персивалей!

Барон поднялся на несколько ступенек — огонек свечи прыгнул вверх раз, другой, третий. И только тогда насмешливо сказал из темноты:

— В двух дерах отсюда есть... вернее, была когда-то одна деревушка. Бытует поверье, что все ее жители умерли некогда от странной болезни, которая иссушила их тела так,

словно их... этих поселян... умили голодом. Местные жители туда не заходят — считается, что каждый, кто забредет в это проклятое место, также может умереть от этой болезни. Ваши тела подтвердят это поверье. Знаете, просто обожаю народные легенды. Трактирщик подтвердит, что миледи с другом отправились туда на прогулку, сильно заинтересовавшись стариной и не вняв его предупреждениям ввиду пребывания в состоянии подпития. Лицемерие развалин и все такое, вместе с презрением к суевериям смердов... Нашим опечаленным братцам выпадет честь найти ваши бранные останки, иссушенные голодом и жаждой... ах нет, простите, болезнью. Знаете, я их непременно приглашу в свой замок, всячески помогу — утру их скупые мужские слезы, упою вином, ссужу деньгами на дорогу, чтобы было на что со всей почтительностью довести тело баронессы Дю Персиваль до семейного кладбища. Кажется, это единственный кусок ваших, бывших владений, который вы пока еще, я подчеркиваю — пока еще, не продали, не так ли, уважаемая госпожа баронесса?

— Подлец!!! — выдохнула Клоти и яростно зазвенела цепями.

Огонек уплыл в темноту и исчез.

Слева из тьмы вылепился горбатый, весь какой-то изломанный силуэт в развевающемся, разодранном на ленточки одеянии. Фигура прохромала в темный угол справа, ведро в ее руке задевало о камни, и грохот отдавался эхом во всех углах каменной темницы. Скрипнуло и грохнуло — дверь? Или опустившаяся решетка...

Они остались одни.

— Дьявол! — взревела сбоку леди Клотильда и снова грохнула цепями. Умрем, подумал Серега. Есть нам не дадут, пить тоже. Умрем прямо здесь, максимум через три дня — леди Клотильда, Слуди, я. Да-а, позабыт-позаброшен с молодых юных дней... Предстоящие муки жажды и голода пока что его не пугали. Видимо, все это было еще впереди. Па-адаждем... Вот и эльфы что-то такое вроде защиты обещали, глядишь, и заглянут на огонек.

— Микошка! — всхлипнул Слуди. Послышался шорох возящегося тела. Всклипывания. Снова шорох.

По каменному полу от Слуди к Сереге ползло крохотное тельце. О господи...

— Дьявол! — снова взвыла Клоти, но теперь в ее голосе была не только ярость, но еще и тоскливая обреченность загнанного зверя.

“Вот теперь мне уже очень страшно, — лихорадочно думал Серега. — Вот это уже... Господи, ну что же делать-то?”

А что он может? Просто сидеть здесь и ждать мифического освобождения от не менее мифических эльфов... Хотя не настолько и мифических. Однако... однако.

Что у нас там с руками? Он подергал онемевшими, полностью бесчувственными кистями. Мокрая (благодаря ведру воды, вылитому на него горбатой фигурой) кожа скользнула по металлу браслетов. Скользнула неожиданно легко.

Что же это получается, а? Похоже, делались эти браслетки на более солидные в запястьях и кистях ручки, на местных татей и душегубов, и уж никак не на местных тинейджеров... Нет, держать-то они его держали, но как-то... “как-то не по-взаправдашнему и как-то издалека”. Знал ли об этом господин барон? Впрочем, откуда господину знать об особенностях собственной тюремной утвари... Надо попробовать освободить руки. Вот так, господин барон, есть еще одна крайне интересная фраза — хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сам. Попробовать размять занемевшие кисти...

Микки доверчиво заполз к Сереге на колени, уселся и робко хныкнул. Нет, малыш, ты

мне пока не ко времени.

— Слуди! — громким шепотом позвал Серега. — Ты как? Связан? Впрочем, не все ли равно... Позови к себе Микки!

Снова послышался шорох. Слуди, похоже, только связан, бряканья цепей не слышно. Гном умильно загулькал. Микки на Серегиных коленях радостно взмахнул всеми четырьмя конечностями, скатился на пол и пополз на знакомые звуки.

Сергей подтянул ноги, повозившись, уселся на пятках. Оттягивающее давление на кисти сразу ослабело, стальные (предположительно, стальные) браслеты соскользнули ниже запястий. Чудненько...

Сергей вполз вверх по стене, встал в полный рост. Кисти теперь висели прямо у него перед глазами. Он покрутил и поработал пальцами, выгоняя из них онемело-каменную неподвижность. Жизнь потихоньку возвращалась в них вместе с толчками крови и колкой болью. Еще поработать кистями. Поиграть пальцами. Покрутить...

Сустав большого пальца изо всех сил прижать к ладони. Сильнее, еще сильнее. Изогнуть ладонь, под углом выволакивая сустав большого пальца из железной окольцовки. Не идет. Узко, все же как узко! Еще. Сильнее. Еще сильнее, Рывком! Ах черт... че-ерт... черт!

Кожа ободралась и на большом пальце, и на ребре ладони. Пролившаяся кровь, похоже, облегчила дело, он громко охнул и зашипел, но сильнее боли было чувство радости — свободен, свободен хотя бы на одну руку! Ура, здравствуй, наша правая рука... Короче, как приятно снова быть вместе. Теперь левая рука. Тихо сам с собою левою рукою...

Он поплевал на освобожденную длань щедро, как только мог, и торопливо намазал висевшую на цепи кисть. Слюна смешалась со свободно текущей кровью, и под браслетом сразу стало скользко — видимо, получилась неплохая смазка, потому что с левой рукой все прошло куда легче. Впрочем, может, все дело в том, что, по слухам, у человека и левая рука, и левая ступня меньше правой.

Взгромоздился на ноги, затылок тут же отозвался на это пульсирующей болью. Постоял, покачиваясь... Итак, что же дальше?

— Сэр Сериога!

Голос леди Клотильды, непривычно идущий снизу, звучал абсолютно спокойно.

— Здесь была дерзкая тварь, посмевавшая окатить нас водой из ведра. Вода, к слову сказать, не вонючая, и вряд ли ее доставили сверху — как-никак это потайной подвал для приговоренных к смерти и прочей мрази-шушеры, не притащили же сверху вниз да по крутым ступенькам? Вода похожа на проточную, и источник ее расположен весьма близко, даю руку на отсечение. Мерзкий тип ухромал в правый угол, помните? Судя по звуку, там опускная решетка. Без замка, но с простым запорным устройством — типа засова или шпильки. Подойдите, осмотрите ее, я подскажу, если что. Там, как я думаю... должны быть еще подземелья. Раз вода проточная, значит... должны быть и выходы наружу, наверх, правда, и урод этот тоже может быть там. Но это уж... Пора же вам хоть разочек кого-нибудь убить! Вы сейчас... Без единого слова возражения — это приказ! Вы сейчас перережете веревки, которыми связан Слуди, заберете ребенка и попытаетесь уйти отсюда. Втроем и быстро. Вдруг да барон передумает насчет голодной смерти, восхочется ему для нас чего-нибудь позрелищней, например смерти в пожаре. Так что к решетке, живо!

Серега дернулся и остался стоять на месте. Оставить одного... то бишь одну леди Клотильду? Предать ее ради...

— Размазня, — совершенно спокойно сообщила ему леди Клотильда из полумрака. —

Сопливый юнец. Можешь стоять тут и дальше, первые мгновения — это как раз то время, когда еще можно попытаться убежать, после могут прийти проведать, глянуть, все ли протекает так, как его баронская милость возжелала. Лежим ли,дохнем ли. Знаешь, как... КАК дети от голода и жажды плачут? Совсем не так, как взрослые. Страшно плачут — жалко так, почти неслышно. И слушать их весьма страшно, мокрогубый мой сэр Сериога! О, вижу по вашему лицу, что вам такого слушать не доводилось. Что ж, услышите, услышите, сэр Мокри...

Он метнулся к факелу, выдрал скользкое металлическое держало из тугих колец. Подхватил Микки под мышки, усадил на колени леди Клотильды, тщательно отводя глаза от ее лица. Слуди уже переворачивался с готовностью на живот, выгибался, тыча вверх связанными за спиной руками. Серега рывком стащил с себя камзол, напроць разорвал при этом шнуровку, скрутил в ком на случай, если придется тушить обильно поросшие шерстью руки, и поднес факел к узловатым запястьям Слуди. Сразу что-то запотрескивало, поплыл запахок паленого волоса, но, слава тебе господи, никаких других осложнений и никакого вспыхнувшего пламени... Вережка затлела, чернея, и рассыпалась прямо на глазах.

Освобожденный гном змеей скользнул к Микки, о чем-то там зашептался с леди Клотильдой. Серега принялся осматривать решетку. Все верно, вот и два запорных стержня, проходящих горизонтально почти у самого пола. Ячейки решетки позволяли просунуть руку. Поковырявшись, он вытащил стержни, сунул себе в карман — какие-никакие, а все ж дубинки. Почти оружие. Дубинки — оружие милиционеров... Решетка тем не менее не поднималась. Серега попробовал еще и еще разок, рывком отжимая ее кверху, — безрезультатно. Слишком велик вес? Для него, для слабака... Хотя судя по размерам решетки — и не только для него. Скорее всего, есть какое-то устройство, чтобы приподнимать эту махину — хотя бы для удобства господина барона. Вдруг да ему вздумается свершать здесь свой послеобеденный променад, пользы здоровья для...

— Сэр Сериога, попробуйте думать как здешний строитель. Лестница спускается сверху, после нее местному хозяину надо повернуть к решетке налево, при этом в правой руке у него факел. Здешние бароны, вы сами могли убедиться, большие любители единолично навещать своих пленников. Итак, правая рука занята, пошарьте теперь слева от решетки...

Серега торопливо захлопал по камню. Внизу, вверху, еще левей. Ага! Щелчок. Тоненькая каменная панелька, довольно удачно изображавшая часть кладки, наполовину вывернулась из стены, развернувшись на невидимом шпеньке. Пока он совал руку в отверстие, воображение услужливо нарисовало целую кучу весьма непривлекательных картинок, от клубка пауков с растопыренными мохнатыми фалангами до раскрытых навстречу змеиных пастей, но пальцы нащупали только гладко обточенный рычаг. Он рванул, налегая на туговатую рукоять всем телом, насколько это позволяла ширина дыры в каменной кладке.

Решетка заскрипела и рывком уползла вверх. Путь был свободен.

Серега окликнул Слуди и сам первым нырнул туда. Слуди устремился за ним. На леди Клотильду ни один из них не обернулся. Сам Серега прекрасно понимал, что после одного взгляда может снова прирасти к полу, разрываемый чувством жалости и вины... Что было сейчас, мягко говоря, не ко времени. У Слуди, очевидно, тоже имелись на этот счет свои соображения, вполне возможно близкие к Серегиним.

За решеткой простирался темный неосвещенный коридор, и они понеслись по нему,

едва успевая светить себе под ноги дрожащим, летящим вместе с ними кругом света от факела. Потом коридор свернул, и они вбежали в помещение, скупо освещенное тройкой факелов, в середине которого был колодец — круглое, тщательно выложенное обтесанным камнем отверстие в полу, где вода плескалась на уровне Серегиных подошв.

— Родник, — тяжело дыша, проинформировал его Слуди.

А вот она, а вот она, мадам проточная вода... И как бы нам на двор окошко...

Помещение казалось абсолютно пустым — гладенькие, идеально округленные, как по циркулю возведенные стеночки, ни одного прохода, кроме того, через который они сюда попали. Несколько... хм... неразумно — па-ачему такой большой и красивый комната стоит такой пустой? Неужели только ради одного довольно-таки маленького колодца? И куда-то же должен был подаваться карлик... Насколько Серега успел разглядеть, коридор, по которому они бежали, боковых ответвлений и дверей не имел. Разве что потайные проходы... но тогда почему бы и этой комнатушке их не иметь? Во всяком случае, он, Серега, не видел никаких причин, мешавших им начинать поиски прохода прямо отсюда. Как там рассуждала леди Клотильда?

Итак, господин барон, как бы вы пожелали, чтобы вам отстроили сей проход? Ведь это же все про вас и для вас, не так ли? И это все о нем... Факел в правой руке, и идете вы навестить своих узников. Идете по дуге... скажем, слева от колодца. Во-первых, правая нога оказывается со стороны колодца, а она, родимая, шагает чуть шире левой и при каждом шаге чуть уводит идущего от колодца, а стало быть, меньше шансов по пьяни увалиться в него. Во-вторых, так ты двигаешься по часовой стрелке, а это, как утверждают всякие там экстрасенсы, более приятно для нашей природы и для здоровья полезительней... И где же его вонючество господин барон делает остановочку? Ежели, конечно, он вообще их тут делает. Может, здесь и нету никаких приходов...

Факел колыхнулся. Чуть заметно, но — в стоячем воздухе, на очень медленном шагу... Серега замер, боясь поверить своей удаче, шагнул поближе к стене. Плавно, медленно, с оттяжкой поводит факелом. Снова чуть заметно опали и вскинулись вверх оранжевые языки пламени. Сквознячки-с? Так и простуду подхватить недолго, господа бароны, так что форточки надо заделывать поплотнее, поплотнее...

Сергей суматошно ощупывал и хлопывал стену, со всем прилежанием шаря по ней руками, как поп оглаживал бы свою... нет, все же с таким старанием, скорее, чужую попадью.

То ли уж удача была ему сегодня такая, то ли уж действительно дуракам и новичкам везет, но один из камней, как ему показалось, от хлопка чуть заерзал. Серега, не веря своей удаче, надавил сильнее, и камень послушно уплыл вовнутрь. Противно зашуршало, потом что-то глухо щелкнуло в глубине каменной кладки, и кусок стены прямо перед их носами плавно и приглашающе развернулся по оси.

Серега вытянул факел из судорожно сжатых пальцев гнома, посветил. Вниз уходили узкие ступеньки. На память вдруг пришли многочисленные романы и романчики, в коих обязательным атрибутом таких вот ступенек были всякого рода ловушки. Конечно, есть шанс, что его баронству сии ухищрения могли казаться и утомительными. Но ведь проходы-то почему-то сделали тайными? Из-за чего-то же городили весь этот огород...

И вообще, береженого бог бережет.

Он поочередно сорвал со стен три факела. Затушил их в воде колодца, засунул оба дровка себе за пояс. Третьим по очереди опробовал ступеньки, насколько хватило длины

рук. Нажимал изо всех сил, встав на колени, провисая и прогибаясь всем телом. Вроде бы ничего такого...

— Слуди! — рявкнул он, оборачиваясь. Гном встрепенулся. Застывшая маска недоумения на его лице сменилась выражением истового и беспрекословного послушания. — Идешь только за мной. И только по моим следам! Конечно, если со мной все будет в полном порядке. Если же нет... Попробуй выбраться отсюда сам. На меня... или на мое тело внимания не обращай, уходи, не задерживаясь. На стену лишний раз не опирайся, пороги и прочие выпуклости старайся не задевать. Пол в подозрительных местах щупай ногой, ступню ставь осторожно. В крайнем случае... Всегда лучше помереть лучше. В смысле, не мучаясь.

Поколебавшись, он опустил ногу на ступеньку. Ничего не произошло. На следующую ступеньку... Все в порядке. Дальше...

Ступеньки кончились. Они осторожно стали продвигаться по узкому коридору с низким, как раз в рост Слуди, арочным потолочным перекрытием. Серега шел сопя, идти так, согнувшись в три погибели, для него было довольно-таки тяжело. Хотя в этом имелась и положительная сторона — пол был близко, и древком факела он мог пробовать его на крепость и надежность прямо на ходу и сколько душе угодно. Проход, по которому они передвигались, любого вогнал бы в клаустрофобию, сиречь боязнь закрытых пространств. Даже Сереге, в общем-то не страдавшему никакими психическими отклонениями, было не по себе. Казалось, что вот-вот — и узенький низенький проходик перейдет в еще более узенький и низенький, и стены стиснут их тела каменным капканом, потолок начнет снижаться, опускаясь на головы, сгибая и ломая позвоночник...

Желтый свет факела выхватил из мрака какой-то комок, и подсознательно все еще ждущий ловушки Серега немедленно остановился. Слуди тоже тормознул и жарко дыхнул ему в спину.

Сергею пришлось изогнуть шею, запрокидывая лицо, чтобы смотреть вперед из позы весьма низкого полупоклона. Впереди что-то было...

Зашоркало, и какая-то фигура выплыла в круг света. Факел осветил изуродованное лицо — жуткую маску из шрамов и срезанной плоти. Маска черепа? Желтоватые широкие зубы щерились незакрывающимся оскалом, так как губ просто не было, так же как и носа, и век... Вместо носа между скул чернели две дырки. Оголенные глазные яблоки глядели двумя жуткими белыми плоскими, по доньшку которых катались вишенки зрачков. Тело... Серега, набравшись смелости, опустил было глаза на шею, где между зарубцевавшимися шрамами желтели оголенные сухожилия. Но тут же дрогнул и отвел глаза.

Фигура дернулась и суетливо промокнула лицо куском грязной ветоши.

— Сохнут, — пролаяла маска. Звуки были едва различимы в странном, сдавленно-сглаженном выговоре — видимо, отсутствие губ сказывалось на артикуляции и произношении. — Глазы... ве-ечно сохнут. Тряпка мочу. Все время.

Существо как-то знакомо скособочилось. Серега отметил, что рост у него... ну очень маленький, ему по грудь. Прибавить сюда лохмы одеяния... И знакомую кривобокость...

— Это ты... вы поливали нас из ведра? Там, в той камере?

Фигура закивала и даже, похоже, попыталась улыбнуться. Сергей содрогнулся. Слуди за его спиной ахнул.

— Страшный я.

Это явно был не вопрос, а скорее утверждение.

— Барона делал. Интересна, говорил. Гости глядят... Гости еду кидают — вкусна. А-а, вкусна...

Субъект, похоже, напрочь отключился от окружающей среды, полностью погрузившись в воспоминания о вкусноте объедков господского стола.

Сергеа помолчал, выдерживая приличествующую случаю паузу. Такое ощущение, что подобные воспоминания были единственным лучом света в темном царстве баронских подземелий, где прозябал этот бедняга. Жертва местного компрачикоса... кажется, именно так назывались делатели ярмарочных уродцев? Побыв жертвой и узником, стал затем жителем этих подземелий. Жителем... или зрителем?

— А вы, извините... — помявшись, спросил он, — вы случайно не знаете... можно ли отсюда как-то... выйти наружу?

Да, вот так взял и спросил, убито подумал он. Господин помощник палача, ваша плаха для меня что-то жестковата, где у вас книга жалоб и безопасный спуск с вашего эшафота?

Субъект встрепенулся и судорожно, неловко поклонился. Ему, Сергее.

— Текулли... Священный решадль — я сразу увидел! Решадль дивный, чудный! Ты, текулли, тоже...

Обескураженный Серега прокашлялся, прочищая горло и мысли

— Слуди, э-э... О чем это он?

— Моя не знай, — безо всякого выражения пробурчал за его спиной гном. Микошка испустил что-то вроде очень робкого “гы-гы-гы”. Увы, похоже, сей младенец, чьими устами было положено говорить истине, также был абсолютно не в курсе...

А вообще, чего это он тут призадумался? Ежели этот субъект с головой не дружит и он у него за этого самого... текулли дивного и решадля чудесного, то и бог с ним! Флаг ему в руки, транспарант на шею — с лозунгом “текулли всех стран, соединяйтесь”... Нам же лучше...

— Я — текулли! — громогласно объявил он и испытующе глянул на субъекта — а ну как запротестует?

Субъект мелко закивал. Похоже, в обществе царил полный одобряем-с...

— И решадль, — наугад добавил Серега. Лицо-череп выдало свою обалденную улыбочку, и бедный Микошка тут же тихо заплакал.

— Нам надо выйти отсюда. Выйти! И всем вместе. Там, сзади, — он сделал паузу и помахал рукой в направлении собственной задницы, — осталась... Осталась одна девушка. То есть леди Клотильда. Нам надо и ее забрать с собой.

Вроде бы он все сказал правильно... и слова подбирал самые простые, чтобы этот бедолага без проблем понял... Разве что волшебного слова не добавил, пресловутого детского “пожалуйста”.

— Леди... — монотонно протянуло существо, — та-ам. Она не текулли, нет. Нет решадля, нет! Я смотрел.

— Э-э-э... Нет, так будет! — нашелся Серега. — И текулли, и решадль этот... дивный.

— Она — маккилиоди! — догадливо предположило существо. Серега радостно закивал. — Я — тоже маккилиоди. Я тебе помогал... Твое кольцо большое тебе, я знал. Вот ты и пришла. Ха-араша. Я, маккилиоди, помогу во всем тебе, текулли, и ей, маккилиоди. Твой детка пусть здесь пока...

Существо неожиданно резво юркнуло у Сереги под мышкой и зашлепало по коридору. Назад, к темнице, где осталась леди Клотильда. Серега диким шепотом приказал Слуди

стоять там, где он стоит, и устремился вслед за существом.

В застенке, который они покинули незадолго перед этим, ничего, слава богу, не изменилось. Все так же была поднята решетка, и лицо полулежащей у стены леди Клотильды белело в полумраке. Завидев Серегу, леди-рыцарь быстро села. Цепи противно скрежетнули.

— Сэр Сериога?! Что это значит?! Почему вы здесь, когда вы должны... Мой бог, что...

Леди Клоти широко открыла рот и поглубже заглотнула воздух, явно готовясь разразиться то ли новой серией вопросов, то ли привычной порцией брани. Серега останавливающим жестом вскинул руку.

— Клоти, ти... То есть леди Клотильда. Тихо то есть. Я тут... встретил друга.

Субъект, вступивший к тому времени в круг света, отбрасываемый одним из факелов, церемонно, хотя и весьма кособоко поклонился.

— Я маккилиоди... Ты маккилиоди. Приветствую... Счас помогу немного. Счас-счас. Хвала барраядли...

Кривобокий карлик просеменил к леди Клотильде, жестом подозвал к себе Серегу.

— Барона ключи забрал. Но — ха-ха! — можна и без ключа. Я знаю... Меня счас поднять нада. Высоко-высоко. Туда!

Карлик ткнул рукой в направлении потолка, во тьму, куда уходили цепи от рук леди Клотильды. Серега, обреченно вздохнув, подошел и подхватил карлика под коленки, в лицо ему ткнулись отвратительные, пахнувшие мочой и помоями лохмотья. Для своего относительно небольшого роста карлик был тяжеловат. Пришлось порядком поднапрячься, выпрямляясь с этой ношей на руках, а затем и приподнимая карлика как можно выше. А еще приходилось прилагать немалые усилия к тому, чтобы подавить довольно мощные рвотные спазмы. Карлик тем временем шарил руками по каменной стене. Что-то звякнуло, скрежетнуло, карлик дернулся, и Серега увидел в его руках конец цепи. Той самой, толстенной и тяжелой, к которой были прикреплены наручники на запястьях леди Клоти.

Снизу охнуло, зашипело и застонало. Серега торопливо опустил (почти уронил) карлика на пол и кинулся к леди Клотильде. Она медленно-медленно, сцепив зубы, опускала руки вниз.

— Сейчас, сейчас я... — пробормотал Серега. Он бухнулся перед ней на колени, начал осторожно растирать ей руки, плечи, перешел к запястьям и наткнулся на сталь браслетов.

— Что за черт... Неужели нельзя их как-то... — начал было он, но леди Клотильда его перебила:

— Оставьте, сэр Сериога. На этих браслетах внутренний замок, ключи у барона... Цепи без него никак не снять, ваш... друг сделал все, что мог, — сцепил с крюка мои цепи. Я могу двигаться, могу идти. Сейчас это самое главное.

— Прямо счас идти надо, — деловито перебил ее карлик. — Скоря ужина, гости веселиться хотят. Барона может прийти сюда за мною.

Леди Клотильда с зубным скрежетом встала. С трудом собрала свои цепи, намотав их на руки. Тяжко переступая, подошла к решетке.

— Знаете, сэр Сериога... Такие вот поворотные панельки легко ломаются. Кажется, вы где-то здесь оставили свою куртку? Найдите ее, и поскорее. Забейте этой тряпкой все пространство за панелью. И утрамбуйте поплотнее. Ну, живо!

Куртка комом валялась на полу, там, где прежде лежал связанный Слуди. Серега запихал ее в нишу, тщательно придавил, покачав панелькой туда-сюда. В нише что-то

обиженно хрустнуло. Карлик и леди Клотильда уже ждали его по ту сторону подъемной решетки. Серега бросился к нам, и карлик тут же рванул какой-то рычаг. Решетка с глухим звоном упала вниз, едва не зацепив ему пятки.

— Бегом! — рывкнула леди Клотильда. И рванула вперед по коридору с хорошей спринтерской скоростью. Карлик резво закособочил за ней следом, потешно ударяя пятками о зад.

Они добежали до комнаты с колодцем и испортили заодно уж и камень-клавишу, запихав туда пригоршню грязи, собранной с пола. Эта свежая идея и описание технологического процесса принадлежали опять-таки леди Клотильде.

Камень встал на место со скрипом.

— Больше не работать, — сказал уродец со знанием дела и уважительно добавил: — Твоя, маккилиоди-леди, хорошо знает здесь все. Своя замка есть, да?

— Пошли, — хладнокровно проигнорировала комплимент леди Клотильда. Не по-женски хладнокровно.

Слуди покорно ожидал их на том месте, где ему и было ведено оставаться. Велено Серегой. Да, недолго он побыл командиром их маленького отряда... И очень хорошо. Все же легче живется, когда самым умным и знающим должен быть не ты, а кто-то другой. Да и ответственность кажется меньшей, если лежит на чужих плечах...

Микки на руках Слуди заулыбался было, увидев леди Клотильду, но та прошла мимо, ответив ему кривой озабоченной улыбкой. Потом в поле зрения малыша попал карлик с лицом-черепом. Микошка тут же испуганно пискнул и уткнулся в шею Слуди.

Они рванули по коридору гуськом — после того как леди Клотильда обследовала пол и стены, а карлик клятвенно подтвердил, что никаких ловушек здесь нигде и никогда... Первым ковылял карлик, затем Серега с факелом в руке, Слуди, и замыкала процессию леди Клотильда — на случай нападения. Повороты, все новые и новые потайные двери, коридоры, становящиеся все уже и ниже. Серега и леди Клотильда, благодаря своему росту, уже потеряли счет шишкам на голове, набитым о потолок и низкие притолоки дверей. Наконец, протиснувшись через очередной узкий и тесный лаз, они вывалились в высоченный, громадный коридорище. Судя по более тщательной кладке стен, эта часть подземелий была доступна для посещений более широкого круга публики. Где-то вдали методично-изматывающе капала вода, долетало эхо диких, судорожных криков, отдаленных и приглушенных расстоянием. Прежде у Сереги сердце от них запрыгало бы под ребрами — боль в криках слышалась нешуточная, за пределами человеческих сил, — но сейчас, в данный момент его жизни, ему было абсолютно наплевать на все крики в мире... Выбраться бы, Микошку уберечь, поесть-попить-поспать... Где-то на краю сознания немим укором маячил еще и Мишка, худющий и изможденный, с насмерть запуганным выражением глаз.

— Кто там кричит? — бдительно поинтересовалась леди Клотильда у карлика.

Тот, задумавшись, посопел.

— Это лекаря, наверное... — сказал он с сомнением после солидной паузы. — Что-то там она знал. Бароне не сказал. Барона, бедный, обиделся. Теперя — пытка. Крысиный. Плохо. Долго.

— Бе-едный... — гнусаво посочувствовал неизвестному лекарю Слуди, доселе напрочь равнодушный ко всем, кроме Микошки.

Леди Клотильда скрежетнула зубами. Серега вдруг устыдился своего благоразумного и благоприобретенного равнодушия к чужой боли. Бог ты мой, как условия жизни меняют

саму эту жизнь... И все же, все же... Как бы ни было ему стыдно, после всех прелестей этого запущенного феодально-садистского мирка принцип “моя хата”, то бишь “я и мои друзья — непременно с краю”, манил и прельщал...

Увы, бедную леди Клотильду явно никто не удосужился еще в детстве ознакомить с этим золотым принципом. Клотти коротко, сквозь зубы осведомилась, охраняют ли несчастного и как хорошо?

К ужасу Сереги, карлик охотно и даже радостно сообщил, что охраны там нет никакой, присутствует лишь “господина палача” — да и то только того ради, дабы пытаемый, мучаясь от страшной боли, не терял сознания. Так сказать, ради пущего педагогического эффекта наказания. Да еще топчутся рядом двое подмастерьев палача — опыт перенимают...

— Что ж... — гулким шепотом оповестила леди Клотильда пространство коридора о начале у нее мыслительного процесса. Н-да, рыцарь “думать будет”. — Ты, друг... как там тебя?!

Интересно, почему это у леди Клотти даже шепот звучит как вариант командного баса?

— Маккилиоди! — отозвался радостным сипением уродец.

— Да-да, маккилиоди... а знаешь ли ты, где здесь выход наружу?

— Здеся рядом прохода. Два поворота, потом вниз. За стену вышел! И сразу городская рва.

— Веди.

Они двинулись по коридору полубегом-полушагом — этакой трусцой. Свернули направо, потом налево. Опять пустая комната. Безо всяких следов другого выхода. “И даже без колодца”, — саркастически подумал Сергей. Уродец проковылял в центр, поковырялся в пыли.

В свете факелов блеснула квадратная скоба. Леди Клотильда тут же кинулась помогать, Серега, чуть запоздав, присоединился.

Плита, к которой была прикреплена скоба, поднялась не то чтобы легко, но и без особых затруднений. Впрочем, уместнее было бы сказать, что имевшиеся трудности были поделены на троих. С успехом...

— Так... — задумчиво сказала Клотти, и Серегу сразу же почему-то продрал по коже мороз — плохо это, когда рыцари чуть ли не на каждом шагу думать начинают, очень даже плохо... — Лезьте туда. Слуди, ты сумеешь увести герцога... герцога Де Лабри из городского рва в безопасное место? Желательно за пределы города. И вместе с воспитанником, конечно. Учти, ворота могут быть перекрыты в любой момент.

Слуди нерешительно пожал плечами.

— Попробую миледи... — На его лице потихоньку выписалась и как-то сразу окрепла одухотворенная решимость спасти вышешепоименованных благородных персон. Как, собственно, сие и положено доброму слуге. Карлик рядом простодушно лыбился добрым и открытым оскалом черепа.

— Э-э... почтенный маккилиоди! Ты случайно не знаешь выхода из самого города? Или убежища для моих друзей? Достопочтеннейший, моя благодарность вам в этом случае...

— Моя маккилиоди, — оживился карлик, — моя знает тихое место. И выведу тиха-тиха!

— Леди Клотильда, — быстро сказал Серега, чувствуя, что внутри него все стервенеет от ненависти и жалости к этому миру, безжалостно-страшному и ослепительно-прекрасному одновременно, — Клотти... Разве вы не пойдете с нами?

Опять не пойдете с нами, убито добавил он про себя. Клотти потянулась было дружески

похлопать Серегу по плечу, но цепь, намотанная на руку, звякнула, напоминая о себе. Рука не дотянулась до плеча буквально на какие-то миллиметры. Леди Клотильда брезгливо скривила губы, с непередаваемым отвращением поглядела на предавшую ее длань.

— Сэр Сериога... Первый долг странствующего... да и всякого вообще рыцаря — помогать сирым и страждущим. Иногда мы... м-м... забываем о том и начинаем странствовать не ради торжества добра и справедливости, а просто самих странствий ради... И все же, все же... Бог милостив и посылает нам время от времени посланцев, дабы они напоминали нам...

Леди Клотильда сделала многозначительную паузу и благожелательно воззрилась на Серегу. Слуди и карлик, оба не достающие Сереге даже до плеча, тоже заинтересованно уставились на него снизу вверх.

— Ваш долг — пойти с нами, — безо всякой надежды произнес Серега в спину удалявшейся от них скорым шагом леди Клотильды. — Или я должен пойти с вами. Как же вы опять одна...

— Микки, — не сбавляя шага и не оборачиваясь, ответила ему леди-рыцарь. — И ваш мальчик-слуга. У меня всего лишь долги странствующего рыцаря, у вас — ваши долги перед вашими вассалами. Идите только вперед, сэр Сериога! Я отыщу вас сама, вот увидите.

Отговаривать людей он никогда не умел. Увы... Даже когда Вовка, закадычный друг и почти брат с садиковой еще поры, решился попробовать наркотических прелестей в виде “колес”...

Люди, которых мы не сумели отговорить. Выбравшие свой путь в силу своей уверенности в правильности выбранного ими решения. И так и не вернувшиеся...

В лаз он спрыгнул первым, подхватил Микки, который тут же радостно загулькал, замахал ручками с довольно острыми ноготками в опасной близости от Серегиных глаз и носа. И кто сказал, что ребенок — это безопасное и беззащитное существо, плюньте... нет, лучше просто дайте ему на белые ручки ребенка. И чтобы — без памперса...

Он посторонился, освобождая место для тяжело упавшего сверху Слуди. С чувством немалого облегчения переправил ему Микки. И осторожно принял на руки медленно сползшего и повисшего на краю люка карлика. Кособокий уродец, будучи поставлен на землю, тут же резво порскнул во главу отряда.

— Идема! — драматично возвестил коротышка и поднял руку.

— Нет, — неожиданно для самого себя мрачно сказал Сергей. — Подождем. Чуть-чуть.

А и вправду — будет шум, тогда и побежим, начал размышлять он. Если же шума не будет, тогда они просто немножко подождут и, глядишь, пригодятся леди Клотильде — снизу под коленки подхватить (весьма симпатичные, кстати сказать), цепочку, если понадобится, поддержать. Опять же неизвестно, в каком виде она застанет того бедолагу. Может, у него уже и ноженьки не того... На ходячие. На периферии его сознания мелькнула смущенная мысль о том, а сумеет ли в этом случае леди Клотильда вообще добрести и довести своего спасенного до лаза, но Серега ее старательно отогнал. Сумеет-сумеет, леди Клоти вообще не женщина, а танк высокой проходимости и весьма... м-м... тяжеленький. Не в смысле веса, а в смысле боевой мощи. Н-да, есть женщины в рыцарских селеньях — сама любой танк на скаку остановит, по минному полю пройдет...

Слабые крики, доносившиеся из квадратного люка над их головами, прекратились. Серега напрягся. Настолько, насколько вообще можно напрячься с его сильно уполовиненным набором мышц. Тихо. Вообще никаких звуков. Тихо, тихо...

Спустя целую вечность он уловил смутные шорохи, идущие издалека. Шорохи приближались. Серега начал различать — шарк-шлеп, шарк-шлеп. Пауза. И вновь — шарк-шлеп, шарк-шлеп... Шаги!

Он подпрыгнул изо всех сил, намереваясь зацепиться пальцами за края люка. Уцепился, повис, жалко дрыгая ногами в воздухе. Потом ноги, обутое в мягкие местные сапоги (сплошная натуральная кожа и на подошвах, и сверху — натурпродукт, по качеству, крепости и удобству не имеющий себе равных в его мире, вот бы прихватить их отсюда в качестве сувенира), нашли опору в виде расщелины между двумя камнями — точнее, двумя огромными валунами, которыми была выложена стенка потайного хода. Потом он нашел еще одну опору для ног, уже чуть повыше. И наконец перевалил через край люка, при этом больно шлепнувшись плечом и грудью о бугристый каменный пол. Кое-как встал, выдрал из ближайшего держака факел и неуверенными шагами двинулся на звук шагов.

Коридор, по которому он шел, был длинным. Через равные и долгие промежутки его весьма умеренно освещали кружки трепещущего факельного сияния. Вдали, в самом дальнем световом кружке, появилась странная фигура. Руки-ноги, два сплетенных торса... Не фигура, неожиданно понял он, а две фигуры. Просто слишком близко друг к другу. Чересчур близко, с нехорошим чувством добавил он про себя. Конечно-конечно, он, страдалец, раненый-пытанный, идти сам почти не может... И все равно слишком близко.

Он плюнул про себя и побежал. К ним, а точнее, к ней.

Рваная рубаха черного шелка, которая прежде хоть и весьма скупое, но все же прикрывала тело леди Клотильды, теперь исчезла. От нее осталась только одна полоса, кое-как прикрывавшая грудь леди. Остальное, как понял Серега, пошло на оказание первой медицинской помощи пострадавшему. В свете следующего факела блеснуло сильное и прекрасное плечо, переходившее в ровную и красиво изогнутую линию шеи. И, черт побери, на этом прекрасном плече лежала чужая рука. Напоминавшая, по мнению Сереги, скорее даже не руку, а черное паучье щупальце.

Он просунул голову под вторую руку бедолаги, ухватил болтавшуюся кисть. Рука чужака и в самом деле была похожа на щупальце — тонкая, сухая, колючая под стустками засохшей крови.

Шлепанье-шарканье теперь прекратилось. Остался только слабый шорох — это когда ноги того, кого они несли, проезжали по полу. Бедолага, бессильно висая на их плечах, время от времени пытался изображать ходьбу. Со стороны леди Клотильды слышалось тяжелое, немного загнанное дыхание, но шла она по-прежнему ровно и уверенно. “Да ведь на ней еще и цепь висит”, — с некоторым чувством стыда припомнил Серега. Самому ему на данный момент и птичий вес этого несчастного, высушенного пытками, казался весом бегемота. Того самого бегемота, которого какой-то дурень — и из болота, хотя и ежу понятно, что бегемоту и самое место — в болоте...

Лаз по-прежнему открыт, и из темноты провала таращатся круглые глазные белки местного дитяти подземелий. Серега спрыгнул вниз, бережно принял страдальца сначала на грудь, как ребятенка, затем осторожно приспустил на пол. Отодвинулся вместе с ним в сторону, дабы не путаться под ногами у леди Клотильды — и в прямом, и в переносном смысле.

Вверху, освещенная скудным светом факелов, леди Клотильда примерилась к прыжку. Видно было, как она заняла исходную позицию, встала в позу, обозначающую нечто среднее между позой дискобола и изготовившегося к прыжку в воду пловца. Но в самый последний

момент быстро и ловко начала распускать намотанные цепи, направив их вниз. В отверстие лаза.

Боится прыгать с цепями, сообразил Сергей. Ну да. Большой вес — большая нагрузка на костяк вообще и ноги в частности при приземлении, то бишь при встрече с полом. Какие-то там заморочки с инерцией, массой и силой отдачи от пола... Черт, в физике он не силен. А впрочем, в чем он силен? Нуль без палочки. Сплошной. И умные мысли в его башке тоже все сплошь не свои, а из книг вычитанные.

Зато, ответил он самому себе, мысли в книгах хорошие. Как правило. Добрые, умные, вечные, такие и перенять не грех.

Молнией сверзилась сверху леди Клотильда, цепи грозно звякнули. Мускулистая блондинка как ни в чем не бывало опять намотала себе на руки свои несколько крупноватые украшения. Кивком головы подозвала Серегу и вновь повесила себе на плечо спасенного ею пленника. Повинуясь командному взмаху ее руки, сводный отряд из узников баронских подземелий выстроился в прежнем порядке — кособокий карлик, Серега с факелом, Слуди с Микошкой и леди-рыцарь со спасенным. Самому Сереге ужасно неловко было нести всего лишь факел, когда дама... простите, леди тащит человека, но, пытаясь помочь ей, он бы только помешал. Бегом, бегом...

Коридор внезапно кончился перегораживающей его стеной. В стене, как пробка, торчала круглая крышка из разбухших от влаги досок. Карлик нажал на нее руками. Серега, перекинув факел в правую руку, как мог, подсобил ему, орудуя левой рукой и локтем правой. И крышка вылетела ТУДА с ласкающим слух звуком пробки, покидающей бутылку. Необычайно приятный для слуха беглецов получился звук. В отверстие ударил свет и косые струи дождя.

Сергей отодвинул карлика в сторону. В отверстие виднелось забранное тучами небо, глинисто-размокшее дно широченного рва, по которому тек мутный ручей, и дождь, с азартом бьющий струйками по косым склонам.

Они были свободны. Почти...

Глава девятая

И СВОБОДА ВАС ПРИМЕТ РАДОСТНО У ВХОДА...

— Дождь. — Серега оглянулся на своих спутников.

Слуди принялся сдирать с себя одежду и наматывать ее на уснувшего к этому времени Микки. Леди Клотти с устало-напряженным лицом ответила Сергею решительным взглядом. Н-да... И как прикажете вести полуголую женщину в цепях по городу господина барона Квезака? На нем самом, по крайней мере, есть рубаха. И нет цепей. Камзол остался в стенке темницы... Зато рубашка добротная, немаркого серого цвета, из толстого полотна, дар милейшей леди Эспи. Хороший фасон — широченные рукава, запахивающиеся полы необъятных размеров с пучками мелких складок на плечах. А в числе тряпок, грязными лохмами свисающих с карлика, было что-то типа плаща — прямоугольный кусок ткани в живописных черно-серых разводах грязи. Из него вполне могло получиться некоторое подобие юбки...

Покрывальце, с уговорами сдернутое с карлика (тот, похоже, питал необъяснимую привязанность к каждому предмету своего туалета — интересно, они доставались ему от гостей господина барона или от его узников?), и Серегина рубаха, накинутая на леди Клотильду и спасенного узника, волшебным образом меняли картину. Этакая мужеподобная баба, на мощном плече волокущая то ли подгулявшего, то ли ею же и побитого мужа. Слава богу, грязь так плотно облепляла безвольно висящие ноги узника и прикрывавшие их черные обмотки, что ничего разглядеть было невозможно. А ведь должно было быть под этими обмотками нечто не совсем хорошее, не зря же леди Клотильда пожертвовала своей рубахой вкуче со своей женской скромностью... Баба укрывалась от дождя мужней рубахой, не забыв при этом заботливо прикрыть и мужа краешком полы. Цепи, толстыми бухтами намотанные на руки, теперь можно было принять за узлы с жалким скарбом, каковой вполне приличествовал парочке нищих босяков...

— Погорельцы мы, — печально сообщил вдруг Серега своим спутникам. Идея, как стать невидимыми в условиях полной видимости, блеснула в его голове как разряд молнии. — Это сестра моя, косу ей огнем опалило (как успел он заметить, простолюдинки здесь носили косы, короткие стрижки, как у леди Клотильды, носили исключительно благородные дамы), и муж ейный с ею, болезный... Дети ихние, один постарше, а младшенький — младенец исчо... Дурачок наш, братец сестриногo мужа, личико ему пожаром спалило. Во-он он морду лица прикрывает... Да-да, вот так, тряпкой своей и закрывай. Глазки у тебя туда-сюда, а вот ротик лучше не показывай — аборигены напугаться могут. Хотя что-то мне подсказывает, что они здесь и не такие рожи видели, такими мелочами их не напугаешь... Короче, дружно просим у каждого встречного-поперечного — помоги, друг-брат-господин, да-ай монетку. Выскочили из огня в чем мать родила, ладно хоть добрые люди дали кой-какую одежонку...

Леди Клотильда наградила его теплым, ободряющим взглядом и кивнула. Горячая волна прокатилась по враз ослабевшему Серегиному телу от ушей до пяток. Что ж, хоть и слабак, но не дурак...

Карлик вел их по дну рва. Не переставая лил дождь, ноги разъезжались на глине в

разные стороны, они то и дело падали, купаясь в грязном ручье из глины и дождевой воды. Хорошо хоть дожди здесь были теплыми, не сравнить с его миром. Там, дома, сейчас осень, и, вполне возможно, тоже льет или капает — только водичка, само собой, не в пример холоднее.

Слева от них возвышалась абсолютно безлюдная крепостная стена, с правой стороны в ров заглядывали невысокие, одно— и двухэтажные дома. Сереге припомнилось, что в Средневековье в непосредственной близости от замка господина всегда селились самые богатые, то бишь купеческая прослойка. Купцы, к счастью, люди солидные, под дождем шастать не расположенные, дабы дорогую одежду дождевиком не мочить и не портить. Вот и хорошо, ни к чему нам лишние свидетели...

Никем так и не замеченные, они добрались до плотины и, скользя, падая и чертыхаясь, полезли вверх. Серега, спиной ощущая грозные зубья крепости, казалось, нацеленные прямо на них, ежесекундно ждал окрика, но все обошлось. Они выбрались наверх, никем не замеченные. За плотиной обнаружился еще один ров, но, в отличие от того, по которому они шли, до краев заполненный водой. Грязная серо-бурая жидкость плескалась почти на уровне их подошв, пузырилась под ударами дождевых струй. Компания сбежавших узников направилась вдоль канала. По берегу какое-то время тянулись такие же домики, какие были и вокруг крепости. Затем пошли высоченные кирпичные заборы, каменные амбары с пудовыми замками на толстенных плахах дубовых засовов. За одним из амбаров карлик, бодро шлепавший во главе их маленького отряда, свернул налево, в густые и высоченные, в Серегин рост, заросли местных лопухов. После свеженького, пробирающего до костей ветра здесь было тихо и тепло, дождь монотонно барабанил по вознесенным к небу лопастям широченных листьев.

Карлик резко остановился, и Серега, не успев притормозить, наткнулся на его спину. Чуть не споткнулся — путаются тут всякие под ногами... Тем временем прямо перед карликом небольшой кусок амбарной стены отъехал назад, в темноту. Карлик нырнул вперед головой, в отверстии мелькнули ноги. Из стертых башмаков торчали пальцы. Они полезли вслед за ним, на четвереньках, поочередно; вскидывая пятки и заезжая ими по тому, кто лез; скатывались вниз по желобу, сильно напоминающему детскую горку, — и очутились на земляном полу.

За их спинами карлик затворил дыру в стене — обыденно затворил, просто-напросто прикрыв кусок стены, как дверцу. Прошаркал мимо них в темноте и защелкал чем-то. Звук напоминал мучения неработающей электрической зажигалки. Кресало, предположил Серега.

В темноте зародилась золотая мушка, разрослась, превратившись в трепетную бабочку пламени на носике изысканно изогнутого светильника. Потянуло запахом какого-то благовония — очевидно, это был масляный светильник, и масло туда было налито не из самых простых. Пламя осветило сравнительно узкое и длинное помещение, коридором тянущееся дальше, куда-то во тьму. Вдоль одной из стен шли сундуки, на противоположной был устроен настил из досок, приподнятый над полом на манер нар.

— Ма-аленький дом барраядли! — торжественно провозгласил карлик.

— Не верю глазам... то есть ушам своим... — тихо проскрипел кто-то рядом с Серегой. — Барраядли... Неужели от них остались еще какие-то следы?

Леди Клотильда стремительно проковыляла мимо Серегеи и с облегчением стряхнула свою живую ношу на настил. Ноша гнусаво охнула, и Серега тотчас узнал в ней, точнее, в

нем — в спасенном бедолаге, — узника. Вот и ладненько, стало быть, будет кому объяснить ему, что же это вообще за рыба — барраядли. И с чем ее едят.

И что это за птички такие — решадли с маккилиодями...

— Какие-нибудь инструменты здесь есть?

Громкий голос леди Клотильды прервал Серегины размышления. Карлик, укывылявший было куда-то в темень, всполошенно откликнулся:

— Тиха-тиха. Тама и тама. — Он возник из мрака и поочередно помахал сначала в сторону одной, а затем и другой стены. — Люди. Склада-амбара. Купца-продажа. Слышна будет!

— Ладно, — шепотом проворчала леди Клотильда и убежала в один из углов, следуя указующему взмаху руки карлика.

— Значит, мы в самой середине Длинных амбаров, — донесся слабый скрипучий голос со стороны нар. — Слева одна половина, справа другая. Слева один хозяин, справа другой. Ах как разумно! Амбары настолько длинны, что никому и в голову не придет, что внутри этой самой длины недостает. Некому промерять их снаружи и изнутри. Необычайная толщина стены-перегородки не может быть никем обнаружена. Достоинно восхищения!

— Холодно. — Серега передернул голыми плечами и полез на настил. Подтянул вверх мокрые окоченевшие ноги и обнял их руками, пытаясь согреться. — А если хозяин слева купит в придачу к своей части амбара еще и пол-амбара справа и решит снести перегородку?

Какая у меня все-таки чисто русская точка зрения на любую проблему, мысленно прокомментировал он про себя. Непременно сломать. Купец-удалец, размахнись, рука, обломись, стена...

Собеседник на нарах, озадаченно помолчав, сказал:

— Начинание сие столь крупных денег и столь небывалой торговой удачи требует, что и не представляю я как-то...

— Забыли, — остановил его Серега. М-да, феодальное частное предпринимательство в условиях повсеместного натурального хозяйства не может перерасти в солидную торговую империю.

Слабенько захныкал Микошка, похоже, он проголодался. Слуди вытащил что-то из многомерного своего пояса, сунул ему в рот. Наверное, сахар. Или излюбленные им пряники.

Из темноты вынырнула леди Клоти, гремя волочащимися за ней цепями. В руках у нее было что-то вроде длинной и узкой ножовки. Благородная леди с размаху опустила свое благородное сидалище на неблагородное дерево нар и принялась непринужденно и старательно перепиливать один из своих браслетов. На правой руке. Она же правша, рассеянно размышлял Серега. Стало быть, сначала должна была употребить в дело правую руку. Но вместо этого работает левой. Въевшаяся в кровь привычка — а вдруг прямо сейчас нападут, значит, боевая правая должна быть освобождена в первую очередь. Инстинкты воина...

Меж тем леди Клотильда споро орудовала пилой. С чисто женской грацией. Словно и не пила была в руках у нее, а пилка. Маникюрная. И пилит она не кандалы, а ногти. Серега любовно отследил взглядом пухлую нижнюю губку, оттопыренную в порыве усердия. В трепетном свете светильничка длинную и глубокую тень отбрасывали на атласную щечку чуть вздрагивающие ресницы.

Все вокруг занимались своим делом. Слуди, выпроставший Микки из вороха одежек,

теперь бегал вдоль противоположной стены, раскладывая прямо на сундуках тряпье для просушки. Карлик приволок кувшин с каким-то снадобьем, тазик с водой и тряпицу. Размотал черные шелковые полосы с ног бедолаги и принялся обрабатывать его раны. Запахло едким и горьким. Раны страдальца-лекаря широкими манжетами опоясывали голени. Выглядели они... Странно. Словно кожу кто-то склевал или грубо соскреб, оставив кровоточащую, с висящими лохмами мяса рану. Крысиная пытка, вспомнил Сергей. Именно так назвал о, чему подвергали этого несчастного, карлик. Похоже, смысл ее заключался в том, что специальные клетки надевались на разные части тела. А затем туда запускали крыс. Голодных злых крыс... Господи ты боже мой...

— Схожу на разведку, — решительно объявил Серега и встал. Все недоуменно посмотрели на него. Правильно. Привыкли, что сказать подобное может только леди Клотильда. — Посмотрю, как там и что! Послушаю. Опять-таки нам нужна еда и питье...

— Питья — нет! — горячо запротестовал карлик. — Маленькая колодца здесь!

Он помахал рукой в темноту.

— Оч-чень хорошо. Но нужна еда. И это... молоко. Для Микошки.

Леди Клотильда, доселе не отрывавшая глаз от своего занятия (единственная из всех!), соизволила наконец-то посмотреть на Серегу.

— Рубаху не надевайте, сэр Сериога, — посоветовала она. — Разуйтесь, подверните штаны, пусть выглядят коротковатыми. Как выйдете, лицо и волосы измажьте грязью. Ведите себя... Как простолюдин. Униженно, запуганно. Голову втягивайте в плечи. И побольше печали на лице.

“Во-во, — сердито подумал Серега. — Запуганно — это как раз про него. Здешний мир уже запугал его по самое не могу...”

— Купите хлеба, сыра. Ребенку — кувшин молока и... Что там еще ему может понадобиться, Слуди?

— Пряники, — оживился гном. — Яичко вареное. Курочка. Яблоки. Каша. Колбаса. Сало копченое. Пиво...

— Короче, все то, что он перечислял в самом начале, — хмуро одернула гнома Клоти, — точнее, то, что сумеете найти. Из всего этого. Держитесь как можно незаметнее. Э-э... Уважаемый матуподи... Или маниоди? В общем, где здесь поблизости можно закупить снеди? И подешевле.

— Маккилиоди, — обиженным тоном поправил ее карлик. И замолчал. То ли задумался над поставленной задачей, то ли обиделся.

— Я знаю, — скрипуче выдохнул субъект с ранами на голених. — Мы ведь в торговых амбарах на берегу отводной канавы, так? Если многоуважаемый сэр Сериога пройдет еще несколько манауров по каналу, но, конечно, не в сторону крепости...

— Само собой.

Субъект и леди Клотильда недоуменно уставились на Серегу.

— Боюсь, вы несколько... неправильно выражаетесь, сэр Сериога, — прокашлявшись, осторожно позволил себе заметить бедолага лекарь. — Можно сказать — само собой разумеется. Но, однако, использовать столь сильно усеченную форму в качестве положительного ответа...

— Это неважно, — жестко сказала леди Клотильда. — Так что там через несколько манауров?

Субъект печально вздохнул.

— Дом вдовы Кочи. Такой ярко-зеленый, весьма приметный. У нее маленькое хозяйство — огородик, две коровы, куры. Она продает кое-что съестное тем, кто к ней заходит, морякам с торговых барж, приказчикам и грузчикам из амбаров. Я и сам, бывало, у нее покупал. Она, знаете ли...

— Благодарю, — четко оборвала его прерывисто-трепетную речь леди Клотильда; бывший лекарь тут же испуганно смолк. — У нас есть какие-нибудь деньги, Слуди?

Гном погрузил обе кисти а широкую полотняную полосу на своем теле, поелозил там. Вытащил их с разочарованной гримасой. Видимо, пояс был заботливо очищен от всего “лишнего” перед тем как поместить их бесчувственные тела в подвал — и действительно, зачем покойникам деньги?

— Здеся есть, — подал голос карлик. — Но тебе, леди, не дам. Вот ему, текулли, дам. А ты дашь свой решадль смотреть?

Пропал, подумал Серега. На нем ничего такого нет, если не считать, конечно, изорванных штанов и размокших от воды сапог. Но они на виду и так, и совершенно незачем просить дать их посмотреть.

— Сэр Сериога? — Леди Клотильда с любопытством смотрела на него. — Дайте ему этот ваш решадль, и дело с концом. Микки голоден, вот-вот заревет от...

— Да не знаю я, о чем он! — отчаянно прошипел Серега. — Хоть режьте, хоть убейте — нет у меня ничего такого, и вообще, не знаю я, о чем это он там лопочет!

— Текулли не может врать, — убежденно сообщил всей честной компании карлик. — Но решадль твой! У тебя. Ты забыла? Я не воровую, нет. Я смотрю только. Дай. Там.

Он вытянул руку и ткнул пальцем куда-то в область Серегоного зада. Леди Клотильда приглушенно хихикнула — похоже, ей тоже приходили в голову кое-какие интересные мысли. Лекарь, до этого уныло разглядывавший собственные раны, поднял голову.

— Э-э, сэр Сериога... Возможно, он имеет в виду ваш карман? Сзади. Там что-то...

— Нет там ничего! — рявкнул Серега и сунул руку в вышеуказанное местоположение, намереваясь вывернуть его наизнанку и подтвердить тем самым правоту своих слов, — нет и быть не...

Пальцы наткнулись на нечто бархатисто-гладкое и маленькое. Он вытащил ЭТО и разжал пальцы.

На ладони лежал крохотный костяной кинжальчик-игрушка. На дне звездочек, прорезанных тончайшими линиями, так же безмятежно и чисто искрились прозрачные и крохотные, как капельки росы, камешки. Игрушка была прекрасна по-прежнему. Видения вихрем пронеслись вокруг Сереги — лес, луг, речка. Голоса детей перекликаются между деревьями. Стайка малышей в упоении носится по лугу, в высокой траве разбросаны игрушки. И пахнет согретой под солнцем травой, сладким медвяным ароматом цветущего клевера... В речке на мелководье плещется ребягня. Звонкие крики. И в солнечных лучах искрятся взлетающие вверх тучи водяных брызг...

— Да-ай...

Рука карлика, протянутая к нему, дрожала. Вместо ногтей на ней были белые наросты шрамов. Эта рука была настолько несовместима с прелестью игрушечного кинжальчика, настолько...

Серега, скрипнув зубами и озлясь внезапно сам на себя — что, детство в одном месте ни с того ни с сего вдруг выиграло, что ли? — вложил кинжальчик в руку карлика. Игрушку ему, видите ли, жалко отдавать... И это когда Микки голоден.

Лицо-череп изобразило сначала недоверие, затем восторг.

— Текулли... Я бы плакать, но не могу...

Да, мрачно подтвердил про себя Серега, тебе плакать нечем. Карлик продолжал бормотать что-то, подковылял к одному из сундуков, откинул крышку. Серега подошел поближе.

Громадный сундук (примерно в таких на Земле собирали приданое для юных девиц) был полон доверху. Золотые монеты, сияние драгоценных камней на каких-то дамских цацках. В сундуке лежало огромное богатство — что по меркам его мира, что по меркам этого. Иметь такое и жить в подвалах, радуясь чужим обедкам... Серега с нехорошим интересом поглядел на карлика. Тот отвернулся от золота с выражением полнейшего равнодушия на лице. И весь погрузился в созерцание костяного кинжалчика. Что-то нежно бормотал, поглаживая его кончиками изуродованных пальцев...

Сергей наклонился, захватил пригоршню золота. С сомнением взвесил на руке. Интересно, почему здесь хлеб насущный? И сколько ему брать...

— Только одну монетку, — сердито подсказала из-за спины леди Клотильда, — и купите еду на три дня. Что-нибудь малопротраченное. Если вдруг кто спросит, откуда у вас, оборванца, золотая монета, скажете, что благородный сэръ бросил, когда вы попросили подаяния у его дамы. Идите!

Карлик, с трудом оторвавшись от упоенного созерцания безделушки под названием “решадль”, выпустил его наружу. Продемонстрировал ему местный аналог “сим-сима” — колышек, то ли деревянный, то ли просто старательно сделанный под дерево, торчавший снаружи из земли совсем рядом со стеной. Колышек следовало дважды дернуть строго вверх, а затем, выждав паузу, повторить эту операцию. И все. Но ни в коем случае не допускать перекосов или еще как-то неподобающе тревожить заветный колышек...

Дождь уже закончился, выглянуло яркое солнышко. То есть местное светило. Парило, как в оранжерее. Серега отыскал углубленьице с начавшей уже подсыхать грязью. Щедро макнул ладонью, проломив корку, художественно обтер грязную кисть о волосы и лицо. Подумав, добавил еще немного бомжовского колорита на плечи и живот. Окунул в грязь босые ступни. И уже увереннее пошел по еле заметной тропке к каналу, являя собой местную модификацию беспризорника, великовозрастного правда. Но все же прошу любить и жаловать. Даже его скелетообразная худоба (пособие по костям и мечта анатома, как тонко охарактеризовывала особенности его телосложения мама-врач) оказалась весьма кстати.

Ворота амбара, в середине которого пряталось их убежище, были по-прежнему заперты. Зато возле остальных амбаров картина изменилась, и изменилась разительно. Из распахнутых недр соседнего склада целая вереница юрких грузчиков бодро выволакивала какие-то мешки и грузила ими караван телег. Вокруг кипела суматоха, под ярким солнцем туда-сюда шмыгали голодранцы. Самого юного подросткового возраста и с ужасно деловым видом. Оставалось только надеется, что внешне он похож на них в достаточной степени. В достаточной для того, чтобы не вызывать подозрений. Справа со стороны замка приближалась внушительная кавалькада из верховых, вооруженных длинными копьями. Отсюда явно пора было двигать...

Серега втянул голову в плечи, сильно ссутулился и потрусил вдоль канала. Не слишком быстро, чтобы не приняли за убегающего воришку, но и не слишком медленно, дабы поддержать видимость умеренно спешащего по своим делам бомжа. На него никто не

обратил внимания. Слава тебе господи, мимикрировал в окружающую среду... Верховые обогнали его и помчались дальше, веерами разбрызгивая грязную жижу. Все, кому выпало несчастье находиться в этот момент по обочинам дороги, тотчас принялись отряхиваться, густо забивая воздух местными матерными сопряжениями. Грузчики, и без того убийственно грязные под своими мешками, радостно скалили зубы, возчики и субъекты в одеждах подороже, стоявшие возле них, торопливо принялись комментировать случившееся.

— Из замковой тюрьмы сбежали, — сказал мрачный худой типчик с лицом, на котором мучивший его геморрой был прописан крупными буквами. — Бают, просто звери какие-то. Бедных палачей господина барона сказнили страшной смертью, прямо-таки все кости перемолотили!

Серега тормознул и свернул за угол ближайшего амбара, по пути демонстративно развязывая пояс своих штанов, якобы по мелкой нужде.

— Бяда какая! Чума на них, прости господи, — злорадно поддакнул плечистый грузчик, только что скинувший на подводу типчика свой мешок. — Я слышал, главному палачу полчерепушки снесли, ну прям как по яйцу ложкой долбанули. А евоному помощнику ручки аки веточки переломали и колечками свернули — поиздевались от души, словом. Эхма, что энти душегубы с такими добрыми да хорошими людьми уделали!

И детина с топотом уличался, радостно поблескивая белками глаз и зубами.

— Ищуть их, — метнув вслед грузчику злобный взгляд, продолжил типчик с геморроем. — Въезды-выезды из города перекрыты. Всех осматривать будут на предмет энтого, значитца.

— И-и, воры да убивцы, знать? — фальцетом поинтересовались от соседних подвод.

— Оне самые. И как только наш хоробрый барон не убоится заключати в своем замке таких злодеев... И ведь опять спымать их хочет, сокол наш, ужо и про награду у Объявного столба кричали — по двести маврикиев за каждого, а общим-то числом их шестеро!

— Эт што ж, ежели проскладать, чуть ли не тыща выходит?

Типчик тут же принялся сосредоточенно складывать что-то на пальцах.

— Тышша и есть! — наконец объявил он заинтересованной аудитории, и все дружно ахнули.

Прибежал давешний грузчик, бухнул на подводу еще один мешок.

— Ты бы, дядя, — с азартом рывкнул он, — хучь описал бы их. Глядишь, мимо кто пробегить. Тут мы их и... А?! Те ж усе равно уезжать, так посочувствуй оставающимся — какво нам тута оставаться-то, с татями-разбойниками за кажным углом и без баронских маврикиев к тому ж!

Толпа дружно грохнула хохотом. Типчик важно откашлялся, выдавил из себя предупредительно-сигнальное “э-э-э”, и все быстро умолкли.

— Шестеро их, — строго провозгласил он, указуяще возде к небу перст. — Ростом преогромны и плечьми преразмашисты, одно слово — тати и душегубы. Одна из их — девка, смердовка беглая, еще в малолетстве некоего благородного господина премерзко совратившая, втершаяся к ему в дом и оттого ухватки и манеры благородной дамы досконально знающая и изображающая. Волосом светла, лицом хороша, очеса имеет синие и телом могуча. Еще бывший лекарь города вашего, спознавшийся с гостями из преисподней и черной магией творивший падеж скоту, мучительные смерти бедным горожанам и младенцев по ночам резавший, дабы утробу свою их плотью и кровью невинной набить! Третий — преотвратный оборотень-скелет, на коего остановительное заклятие наложил

некий святой отец в самый момент его превращения, и оттого он навеки теперь — полускелет-полулюдь! Ликом страшен и духом зело зол, беззащитным человекам творит мерзопакостное. Бойтесь его, честные люди! Дале — гном, творение нечистое, душой не обладающее, смрадное и отвратное Богу! Пятый — злой колдун, погуба роду человецкому, в младенца человецкого ж превратившийся-переродившийся, дабы еще второй срок на матушке-землице пожити и хучь бы на втором сроку жизненном род людской на самом корню сгубити!

— Во-во, и будет он на энти самые корни-корешки людские заклятия класть! — радостно вклинился в появившуюся паузу вновь прибежавший с очередным мешком на плечах давешний грузчик. — Так что берегите ваши корешки, земляки-граждане!

Аудитория частью захихикала, частью испуганно заозиралась, ладошками поприкрыв область пониже пояса.

Типчик метнул в шутника возмущенный взгляд.

— А последний из них и, значитца, шестой по счету, — заявил он, до предела возвысив голос, — самый страшный злодей! Лицом и телом аки вьюнош, и зело опасен он для девиц и молодок и деток женскага полу, а также почтенных хозяек и добрых матерей преклоннага возрасту! Развращает он сих несчастных и творит с имя столь непотребные вещи, что Бог на небе плачет кровавыми слезьми!

Н-да, подумалось Сереге, эк меня... расписали. Значит, я теперь совратитель малолеток, несовершеннолетних и старух. Н-да... То ли обижаться, то ли... гордиться, что ли. Хотя чем здесь гордиться?

— Развратом гниlostным наполнены очи его! — вещал тем временем типчик. — А орудие его, бают, несоразмерно огромно и посему прельстительно для лиц женского полу. И опосля этого злодея ни одна баба простым муш-шиной удовлетворена не будет, а беспременно будет опять желать этого ирода!

Зрители возмущенно охнули. Посыпались возгласы: “И воистину злодей!”, “На кол его надо, братцы! За такие-то достоинства”, “Да живьем жечь, за такое-то гадство!”, “Девка-то, она того, братцы... Она завсегда господину барону пригодиться может — для оприходованию, а вот этого беспременно сжечь нужно!”.

“Прирезать бы тебя, добрый дядя, — в ярости подумал Серега. — Ишь какой ты хороший и добрый... Вот того рассказчика за “смердовку беглую” только утопить охота, а вот этого радетеля о бароновых нуждах и посильнее “порадовать” не грех. Скажем, пятки к языку присоединить безо всякого присутствия хирургов... И потом повесить это колечко на сучку проветриться. Глядишь, вони в воздухе станет поменьше без его незатейливых измышлений на тему леди Клоты... Клотильды”.

— Лицом бел, телом высок и сухощав, глаза бесстыжие — карие, волосы русые... — бегло перечислял его собственные приметы субъект.

Ай молодца барон, ай молодца... Оперативно среагировал. И как просчитал! Главным зверем на этой охоте назначен явно он, Сергей. За него даже маврикиев теперь просить не будут. Прямо на месте и просто на клочки и порвут. За “несоразмерно огромное орудие”. И не будет никакого герцога Де Лабри, а вместе с ним и угрозы баронским владениям. Чисто и со вкусом сделано. Эстет у нас господин барон, однако. Что же до леди Клотильды... После такой уничижительной рекомендации, каковую выдал ей барон Квезак... В конце-концов, навалившись на нее всем скопом, ее одолеют. Когда-нибудь и господину барону выдадут, не пропадать же маврикиям? Но что с ней будет до этого, господи ты боже мой...

— А маврикии-то дадут хучь за живых, хучь за мертвых! — с торжеством в голосе провозгласил рассказчик. В унисон Серегиным мыслям.

Ну что тут сказать — ай молодца! Светлая у барона голова, ничего не скажешь... И пусть грядущая охота на ведьм сметет всех, кто хоть мало-мальски смахивает на беглецов, ему-то что? В огромном количестве предоставленных трупов опознает искомые, и дело с концом. И, если вдуматься, даже маврикии можно не платить — обознались-де вы, ребята, не те это. И нос в борще, и губа в лапше, и вообще...

И вообще двигать пора отсюда, вот что.

Сереха вынырнул из-за угла, затрусил прочь. В прежнем умеренно-спешащем темпе. Что ж, будем надеяться, что грязь достаточно надежно замаскировала цвет его волос, и весь его нынешний облик прирожденного босяка с обликом коварного оболъстителя мало совместим...

На него, как и прежде, никто не обратил внимания. Он рысью преодолел энное расстояние и добрался до хибарки ярко-зеленого цвета. Веселенький домик, ничего не скажешь... Осторожно стукнул в чистенькое окошко с белыми занавесками. Никого. Он постучал погромче, еще и еще. Опять ни ответа ни привета.

— Шибче стучи, малой, — со знанием дела посоветовал проходивший мимо парень в линияло-полосатой рубахе. — Вдова небось на огороде задницей кверху красуется. Или в спальне и с дружкой, ха-ха!

— Тю на тебя, охальник! — грозно донеслось из-за высокого забора, идущего по обе стороны от домика. Хихиканье тут же оборвалось, и парень пулей припустил по улице. Чувствовалось, что вдову тут знали и уважали. И чувствовалось, что уважали за дело — видать, почтенная дама скоро была на расправу с подобными болтунами.

Калитка в заборе жалко скрипнула и с размахом отворилась. Словно кто-то пнул в нее изнутри.

На пороге возникла достойного вида особа. Широкою талию опоясывал фартук. В руках красовалось оружие — скалка весьма опасных размеров. “А также почтенных хозяек”, — припомнил Сереха кое-что из речи типчика возле амбара. Так что вот эта дама мне, “совратителю”, — на один зуб... Внушительные пропорции особы были выдержаны в харошем малороссийском духе. Руки дамы были по локоть в муке. И тянуло из-за ее спины ароматным запахом то ли пельменей, то ли чего-то такого, сильно на них похожего...

— Мне бы еды... — жалко промямлил Сереха. Живот острой судорогой подвело аж до самого позвоночника. Ароматец прямо-таки бил в ноздри.

Особа одарила Сереху взглядом из разряда “нищим не подаю” и молча взялась за щеколду на калитке, намереваясь закрыть ее.

Сереха торопливо сунул ей под нос кулак, в котором весело взблеснул краешек золотой монеты. Взгляд вдовы мгновенно помягчел. Дама слегка посторонилась, давая проход. И приглашающе помахала скалкой.

За забором обнаружился ухоженный сельский дворик — по утоптанной земле кочевали целые куриные стада, неотрывно занятые поисками зерен или чего еще, из широко распахнутых дверей коровника несло сеном, молоком и свежим навозом, на задворках живописно высилась могучая, аки гора, поленница чистеньких, мелко наколотых дров. Громадный пес на толстенной цепи, по толщине не уступающей той, которую леди Клотильда вынесла на себе из баронского подвала, ел Сереху глазами рвущегося отработать свой хлеб секьюрити. И вышколенно молчал, отчего казался еще более страшным.

Вдова подперла свободной рукой необъятную талию.

— Ну, че тебе?

— Еды. — Некоторое смятение продолжало царить в Серегиных мозгах. — Э-э... А что, собственно, у вас есть?

— Ишь ты, — фыркнула тетка. — Ты часом не из благородных будешь?

Сергея густо покраснел. Имидж рядового оборванца погибал на глазах. Ну не судьба ему сойти за простолюдина в этом мире. То в незаконнорожденные сыновья благородного (хотя и бросившего свое чадо на произвол судьбы) отца записали, то в герцоги произвели, а тут оборванца с перепачканной рожей называют благородным. Н-да... Нужно срочно спасти положение.

— Бастард я, — грустно поведал он, опустив долу смущенные очи, дабы полнее выразить всю печаль своего положения и тяготы существования. — Незаконнорожденный. Пока благородный отец жил и здравствовал, воспитывался в его замке. Потом... Как только он помер, леди-супруга меня за ухо да и за ворота. Вот...

Горячий румянец докатился до кончиков ушей. Сергей стоял красный, как хорошо проваренный рак. Вдова смотрела на него недоверчиво. И вдумчиво.

— Бастард, — и с расстановкой: — Не-законно-рожден-ный. — В голове почтенной вдовы явно что-то происходило. Крутились там какие-то мысли... И шел анализ данных по конкретному субъекту. Пол... Возраст... Приметы...

Вдова прищурилась. Похоже, анализ был произведен.

— А не ты ль, милоч, — спросила нараспев, предварительно подперев пухлой ладонью румяно-сдобную щеку, — один из тех татей и душегубцев будешь, о коих с полчаса назад у Объявленного столба кликали?

Сергея враз онемел. Ай да вдова... И начал потихоньку двигаться назад.

— Я... Я пойду, пожалуй...

— Стой, где стоишь! — Вдовица весело хохотнула и опустила тяжеленную лапищу Сергею на плечо. Ладонью назвать этот титановый захват он не рискнул. — Не бойсь, не выдам. В моем деле нейтралитет столь же полезен, как и даровитость кухонная. Ну как проведает клиенты, что тетка Кочи на кого-то там стукнула? Враз уполовинятся, потому как честным да хорошим мамки да женки дома готовят... Ежели, конечно, есть из чего готовить-то, честность — она враг сытости, мила-ай!

Вдова опять хохотнула. Громадный пес на цепи подобострастно и не слишком громко (так, чтобы не перекрывать голос своей почтенной хозяйки) гавкнул, давая знать вдове, что он ее полностью одобряет и поддерживает по всем вопросам, кои ей будет угодно затронуть.

— Айда в дом. Вас там, значитца, шесть человек? Там вроде как и младенчик есть? На всю эту денежку будешь брать? Тадить, можа тебе и корзину ссудить?

Вдова бойко сыпала вопросами. Чуть картавила. И была в ее речи та самая, Макаренкой еще воспетая “музыка итало-украинского “г”. Сергею только оставалось торопливо брякать в ответ: да, да, да.

В кухне, занимавшей полдома, витали дивные запахи сытной домашней снеди. На столе посреди кухни как по волшебству материализовалась корзина. Агроматная корзина.

— Четыре каравая хлеба. Учти, хлеб сама пекла по особому рецепту, он у вас неделю черстветь не будет. Колбаска копченая собственного приготовления, мое-то копчение и по три года терпит... Тута яички вареные. Яблочки моего сада. Грушки отсюда ж. Сушеное сладкое ягоде, дитятке на зубок. Пончики, их у меня ни один человек не похаил...

Прянички медовые вот...

Вдова металась по кухне почище любого торнадо, корзина быстро наполнялась. Серега припомнил еще кое о чем.

— Может, молока еще? Кашки...

Вдова посмотрела на Серегу долгим понимающим взглядом.

— А як же... У тя ведь дите на руках. На вот молочко топлено, глечик себе оставь, дарю, понадобится еще. Кашка, ага. Ну, это мы сейчас... — Вдова подлетела к плите, огонь в котором тут же обрадованно взревел. Минут через двадцать готовая молочная каша была погружена в недра корзины, увернутая в листья лопухов.

— По дороге и упарится, — инструктировала вдова Серегу. — В самый раз дойдет. Ты с корзиной-то смело иди, не бойся. Кто спросит, скажешь, что приказчики заезжие, что в Гленовом амбаре свои товары держат, седни взыскателей торговой десятины угощают, тебя вот за закусью заслали, вот ты и услужаешь за монетку. Да говори попроще, язык ломай, как веточку, а то уж больно правильно ты слова-то выговариваешь для простого бродяжки. В Гленовом амбаре и вправду сегодня пирушка, мальчонка отель перед тобой только прибеживал, тоже загрузился. Быстро отстанут, про угощение господ взимателей все здесь знают, это дело известное. Да, а ложки-то! У вас же небось ничегошеньки и нету!

Вдова метнулась и точным броском от стенных полок послала в корзину пучок деревянных ложек. Они брякнули и пришились аккурат между яйцами (которым повезло не разбиться — умело сделан был бросок) и яблоками.

— А у вас нет соли? — припомнил вдруг еще кое о чем Серега. — И... нож бы нам хоть какой-нибудь, хлеб резать.

И застыл с открытым ртом, осознав всю нелепость своей просьбы. Вдова тоже застыла, вперив в него непонимающий взгляд. А потом захохотала во всю мощь своих немаленьких легких. Впрочем, судя по хохоту, легкие были не то что не маленькие, а прямо-таки богатырские. И грудь, их вмещавшая, была широкая, аки твердь земная, сотрясаемая мощнейшим землетрясением. В окнах, вторя раскатам хохота, дзенькали стекла. Гм-м...

— Оха-ха! Тать! Душегубец, и без ножика, милай! Оха-ха! Хлеб, баишь, тебе нечем резати? Оха!

— Я пойду, пожалуй. — Серега бочком двинулся к корзине.

— Стой! На! — Вдова, все еще хохоча, вытащила из шкафчика нож. Синеватое лезвие хищно блеснуло. Хозяйка увернула нож в тряпицу и сунула в корзину.

Серега взялся за ручку. Тяжеловато. Попробовать взвалить на плечо? Так вроде лучше.

— Во-во, — одобрила едва отдышавшаяся вдова, — на плечо. Чтобы за корзиной глаза да волосы можно было прятать!

Серега свободной рукой метнул монету на стол. Помедлив, спросил:

— Почтенная... — выразился прямо-таки как леди Клотильда — учусь на глазах, силен бобер, — а почему вы мне помогли, собственно?

Вдова Кочи скрестила руки под необъятной грудью.

— А правду ли бают, батюшка, про то... “несоразмерно огромное”? — и с ехидцей добавила: — Может, оно и впрямь такое... Ежели, конечно, кто-нибудь возьмет на себя труд проверить сие. А, батюшка? Я-то девственника и за дер учую... Как же мне такого не побережь, хучь на племя?!

Серега вылетел из хатки как ошпаренный.

И мчался на этом разгоне всю обратную дорогу.

Улица вдоль канала вновь заметно опустела. То ли наступило обеденное время, то ли все кинулись ловить беглецов... Так или иначе, никто и не думал останавливать чумазого посыльного с внушительной корзиной на плече. Возле амбара, где прежде кипела разгрузочная... то есть погрузочная суматоха, теперь были пусто. На дверях мирно почивал пудовый амбарный замочище. Серега прошел мимо, невольно добрым словом помянув словоохотливого геморроидального субъекта. Если бы не он, Серега и посейчас пребывал бы в неведении о принятых господином бароном мерах. Кто предупрежден, тот вооружен, как говорили древние.

Два рывка рычагом вверх и еще два рывка вверх — и люк в стене отворился. Серега скатился вниз, волоча за собой корзину. Его встретили радостные вопли — и шепелявые, и басовитые. При виде корзины, гордо (Кормилец! Надежда семьи!) водруженной им на настил, вопли стали еще радостнее и громче. Только бывший лекарь одиноко сидел в сторонке и болезненно морщил лицо. Черт, а ведь он, Серега, так и не удосужился спросить у заботливой вдовы какой-нибудь мази... Свинья ты беззаботная, обругал он сам себя, и подошел к страдальцу.

— Может, можно там, за стеной, каких-то трав набрать? Я сейчас сбегая...

— Благодарю тебя, благородный господин, но нет здесь трав, могущих принести мне облегчение, — печальным голосом заверил его лекарь. — Оные травы, полезные могущие бысть мне сейчас, произрастают токмо в чужедальних краях и сюда завозятся купцами. В доме своем имел я достаточный запас таких трав, но ныне дом мой разграблен и поруган!

Странно, подумал Серега. В любом краю можно найти травку от той или иной хвори. Вот и здесь он видел что-то типа земного подорожника... На обочине дороги, когда возвращался! Подорожник как подорожник, совсем как в его мире. И что бы не попробовать?

Он поманил к себе карлика, и тот покорно подошел, запятив в туго сжатый кулак свой вожделенный решадль. То бишь кинжальчик-игрушку. Ни о чем, не спрашивая, выпустил Серегу наружу.

Он нарвал на обочине солидный букетик, воровато оглянувшись, — слава тебе, господи, дорога была пустынна, — прополоскал листья в воде канала. Вернулся.

Душегубцы-подельники уже превратили настил в импровизированный дастархан и вовсю пировали. Счастливый Микошка ползал между участниками трапезы, хватаясь то за один кусок съестного, то за другой. “Не дело это”, — по-взрослому рассудительно отметил про себя Серега. После залитой солнцем улицы тьма подвала казалась уж вовсе беспросветной. Жалкое освещение в виде маленького светильника мало чем могло помочь. Совсем не место для маленького ребенка. Да и вообще их странствия не для такого малыша. Цыганское детство какое-то получается, право слово. И весьма опасное для жизни. И оставить ребенка совершенно негде...

Да и нельзя, если припомнить слова лесного хозяина.

Лекарь попытался было слабо воспротивиться, когда Серега принялся облеплять его раны зелеными листьями. Леди Клотильда, тут же оторвавшись от трапезы, внушительным голосом поведала о “весьма великой учености сэра Сериоги, коего мать — предостойнейшая леди, и смерть тому, кто усомнится в сем, — зело искушена была в лечении ран, наносимых и получаемых рыцарями”. И добавила — не след, мол, безродному отказываться от услуг человека благородного, потому как те проистекают от великодушия сердца, кое есть важнее всех знаний... Сокрушенный тяжестью этих доводов, бедняга испуганно затих. Карлик приволок ткань, из которой Серега с некоторым трудом нарвал две длинные полосы и

намотал их поверх листьев подорожника. Подволок лекаря поближе к распотрошенной корзине, заставив при этом потесниться Слуди. Сам сел возле леди Клотильды.

Взял кусок хлеба, кусок колбасы и кем-то почищенное вареное яйцо и приступил к подробному пересказу увиденного и услышанного.

Эффект был... потрясающий. Лекарь, позабывший обо всем (и о своей боли тоже, потому что на какое-то время с его лица исчезла печать страдания), задумчиво взял с настила деревянную ложку и укусил ее примерно так же, как дети кусают леденец. Скривился, глянул и задумчиво так зачерпнул этой ложкой... пончик... Челюсти Слуди вдруг замедлили процесс безостановочного жевания, а потом и вовсе застыли. Леди Клотильда поперхнулась самодельным бутербродом и закашлялась, чуть не задохнувшись при этом. Лицо-череп карлика озарилось неподдельным диким весельем. Господи, он улыбался...

— Барона умный! — провозгласил он.

Леди Клотильда, наконец отдышавшись, пробурчала что-то вроде “смердовка беглая... а попался бы ты мне...” и с неожиданной яростью вновь вонзила зубы в бутерброд, явно видя в нем нечто несравнимо более питательное... скажет, руку или ногу барона Квезака. Или нос.

— Интересно... и в самом деле интересно, — медленно сказал лекарь. А он, Серега, и не подозревал, что старинушка может выражаться и простым языком. — За что, сударь, вас так особенно сильно ненавидит барон Квезак? Вся эта лабуда о “могучем и огромном”. Вас не просто убьют, вас раздерут на кусочки — как же, задета мужская гордость простонародья, и есть возможность ее излечить при полном согласии господина... Чувство собственного достоинства у толпы в этом случае становится чрезвычайно тонким, вы уж поверьте... А?

Серега откашлялся и спешно проглотил кусок, который был у него во рту.

— Я тут недавно герцогом стал. Шел мимо, смотрю — титул лежит...

— Перед вами, — негодуя оборвала его Клоти, — нынешний герцог Де Лабри.

У лекаря отвисла челюсть. Как жаль... А он-то надеялся, что хотя бы у лекаря, человека, как ни крути, по местным меркам вполне умного, аристократический титул не вызовет такого, он бы сказал... простонародного трепета. Черт, тут поневоле снобом заделаешься...

После паузы, затраченной на возвращение челюсти в нормальное положение, лекарь отвесил Сереге неловкий полукивок-полупоклон.

— Ваше сиятельство... Я и не знал, что у последнего Де Лабри были потомки... Появились, так сказать, дети...

— Нет, не появились. Эльфийская мандонада.

Клоти вновь яростно вгрызлась, но теперь уже в вареное яйцо. Какую из частей тела барона Квезака она представляла перед собой на этот раз, Серега даже и предположить не решался...

— Давненько эльфы не пользовались правом выбирать себе властелина... Себе и людям, что живут на их землях... Осмелюсь спросить, милорд, — кажется, это относилось именно к нему, Сереге Кановникову! — Были ли особые причины, подвигшие эльфов выбрать вас?

— Долгая история, — промямлил Серега. — Вот леди Клотильда с удовольствием вам как-нибудь на досуге поведаст эту рыцарскую байку...

Он с надеждой посмотрел на леди Клоти, и та согласно кивнула, кровожадно обкусывая пончик.

— Потом... Благодарю вас, милорд и миледи, — кротко согласился лекарь, тоже

надкусывая пончик, брызнувший ему на щеки ароматным джемом. — Я только хотел спросить, милорд и миледи, а что вы сейчас собираетесь делать? Полагаю, теперь судьба ваших, — он сделал паузу и коротко глянул на Микки и Слуди, — домочадцев уже в большей степени зависит от вас, чем прежде. Если есть что-то, в чем бы я мог оказать вам посильное содействие... то я с удовольствием и превеликой благодарностью. Во всяком случае, мне бы хотелось отплатить вам добром прежде, чем я перестану обременять своей персоной ваши... ваше сиятельство, великодушное сиятельство, — он снова отвесил неловкий полупоклон в сторону Сереги, — и ваше... э-э-э...

— Ваше благородство. Я баронесса Дю Персиваль, сударь, — просто сказала Клотильда. Лекарь одарил и ее кособоким полупоклоном.

— Ваше несравненное благородство...

Что-то такое в длинной тираде лекаря настораживало.

— А что, сударь, — так вроде надо титуловать неблагородных по рождению, но тем не менее почтенных во всех отношениях людей, — вы собираетесь нас покинуть? Почему, если не секрет? И... куда же, собственно, собираетесь направиться?

Старичок-лекарь жалко понурился.

— Я, милорд... не будучи вашим домочадцем, а также являя собой дряхлое существо, особенно после тяжких пыток, не хочу обременять вас... Я буду обузой для вас... Я, как только боли от ран стихнут, покину ваше убежище и поищу себе убежища в городе. Опять-таки вопрос пропитания, кое вы не обязаны мне предоставлять...

— Значит, приюта в городе? Где вас тут же сдадут за двести маврикиев... А родные у вас в этом городе хоть есть?

— Нет, милорд, — шепотом ответил лекарь. Очень тихим шепотом. — Я одинок. Немногочисленные дальние родственники мои проживают в Деарге, где и проистекло мое детство, отрочество и возмужание. И где под надзором вышеозначенных родственников и потратил я остатки отцовского состояния на окончание университетского курса человековспомогательных и повивальных наук...

— Остатки? — заинтересовался Серега. — Остатки состояния, значит. А куда ж подевалось все состояние? Что, батюшка подрастратился или подзагулял напоследок?

— Нет! — страшно возмутился было лекарь, но тут же сник и уже гораздо тише сказал: — Нет, милорд. Большая часть этого благосостояния была затрачена на воспитание и прокорм моей скромной персоны с младых ногтей, ибо батюшкой своим был оставлен сиротой еще во младенчестве...

— И велико ли было состояние? — оторвалась леди Клоти от уничтожений груш вдовы Кочи.

— Точно не знаю, но что-то около восьмисот чаури...

Леди Клотильда восторженно присвистнула и одобрительно выкинула вверх большой палец — молодцы, мол, родственнички! Интернациональность жеста настолько восхитила Серегу, что тот даже умилился. Впрочем, родственники лекаря тоже восхищались. Ну прям да слез. Судя по свисту Клотильды, сумма в восемьсот чаури, потраченная чуть ли не целиком на прокорм одного отдельно взятого младенца, была вполне достойной суммой всяческого почтения. В адрес родственников.

— Стало быть, здесь вы такой же чужак, как и мы...

— И даже больше, милорд, — с неожиданным юмором ответил старик, — ибо неоднократно отказывал я молодым и даже и немолодым женам в яде для престарелых их

мужей, а самым престарелым мужьям — в яде для чересчур ретивых обожателей их жен... Сие сделало меня врагом номер один всех здешних семейств.

Леди Клотильда сначала фыркнула, затем приглушенно хохотнула. И смерила Серегу выжидающим взглядом. Ждали от него явно чего-то такого... Гласа аристократа в пустыне.

Серега откашлялся.

— Думаю, сударь, вам лучше остаться с нами. В конце концов, должен же быть у меня, у герцога, свой собственный придворный лекарь. Что б было от чьей первой медицинской помощи помереть... Шучу! За Микошкой вон поможете присмотреть, если что. Короче, я вас, как это... нанимаю! Оплата, э-э... когда-нибудь потом. В данный момент, знаете ли, такие проблемы с наличностью...

С тоской вспомнилось о векселях и золотых чаури леди Эспи, оставленных там, в гостинице. Здесь, конечно, тоже имеется кое-какое золотишко, но оно ему не принадлежит. Не экспроприировать же его, в конце концов, он все ж таки в герцоги угодил, а не в приснопамятные Владимиры Ильичи...

— Не знаю... Не помешаю ли я вам, милорд?.. — смущенно бормотал лекарь.

Серега, потянувшийся уже было к следующему куску колбасы, с досадой прервался и торопливо рыкнул в стиле исторических мелодрам:

— Не оскорбляйте меня отказом, сударь!

Лекарь послушно заткнулся. Яблоком.

Мятеж был подавлен в зародыше.

Леди Клотильда, вооружившись единственным их ножом — даром сердобольной вдовы — лениво наколола на его острое кусок колбасы. Причем тот самый, на котором уже лежали пальцы Сергея. Лезвие почти коснулось кожи. Серега застыл, с тревогой глядя на леди и гадая — что бы это могло значить? Потом отдернул руку как ошпаренный.

— Благодарю, — церемонно сказала благовоспитанная леди и с хрустом вонзила белоснежные зубы в колбасу.

Выглядело все это... как очередной урок. На тему этикета. Кажется, по местному (точнее, по феодальному) этикету время от времени он должен предлагать что-нибудь даме. Для блезиру. Учитывая, что руки у данной милой дамы и длиннее, и сильнее его собственных. И все ж таки, ай-яй-яй, сэр Сериога...

— Прошу простить за... за небрежение, — залившись краской, нашелся Серега. Поискал взглядом и выудил двумя пальцами из кучки на досках липкий пряник. — И... это... прошу.

Леди Клотильда одобрительно улыбнулась, но пряника так и не взяла. Дожевала колбасу и, изысканно отставив мизинец в сторону, ковырнула острием ножа в зубах. Средневековый знак, что дама сыта?

— Сэр Сериога, — доверительно сообщила предположительно насытившаяся дама, — настало время для обсуждения наших дальнейших действий. Сэр барон Квезак — вор, разбойник и убийца с большой дороги. И место ему на самой большой виселице. Хотя сами по себе все эти черты ничуть не портят благородное лицо, я бы даже сказала, в чем-то его украшают... Но, будучи направлены супротив столь благородных персон, как мы с вами, они становятся просто позорными. И, следовательно, мы вправе делать все, что пожелаем, и не считать себя связанными какими бы то ни было правилами приличия...

Леди Клотильда мастерски выдержала красноречивую паузу.

— Наш долг — помочь барону кровью смыть это пятно со своей чести и со своего герба, — наставительно произнесла Клоти. — Причем, разумеется, его собственной кровью.

Скажите, почтенный маккилиоди, а много ли в баронском замке потайных ходов?

Карлик откликнулся с подобострастной готовностью:

— Многа!

— И вы их все знаете? То есть, я хочу сказать, сможете ли вы в нужный момент провести нас в замок так, чтобы об этом узнали как можно позже? Стражники и сам барон...

— Можно, — опять с готовностью обронил карлик, устремив глаза на плоскость противоположной стены и неотрывно поглаживая решадль. — Замка строили барраядли — сначала. Потом простые человеки пришли — ремонта, переделка... Но многа-многа осталась! И тайна осталась. Великая тайна барраядли. Замка тоже должен был стать решадлем. Не стал. Жалка замка.

— Э-э, послушайте, — вклинулся Серега с вопросом, который давно хотел задать. — А что это такое — барраядли?

Карлик на вопрос не отреагировал никак. Зато лекарь...

— Ваше герцогское сиятельство, — торопливо, даже подобострастно как-то заговорил страдалец, — в давние времена, еще когда...

И этот туда же, тоскливо думал Серега. Какое из него сиятельство? А самое ужасное, если это и дальше так будет продолжаться, то он и сам привыкнет. И перестанет отзываться на свое имя, если перед ним не будет упомянута его благородная “титла”.

— Сударь... Серега. Можно Сергей.

Лекарь, прерванный на полуслове и потрясенный до самых глубин феодальной души, опять погрузился в процесс водворения на место своей нижней челюсти.

— Сэр Сериога, — с нажимом и явным неудовольствием в голосе поправила его воспитанная в лучших феодальных традициях Клотильда.

Лекарь оправился от испуга и кое-как выдавил:

— Сэр Сериога?!

И слышалась в его голосе вящая надежда, что сэр Сериога смилуется и позволит его называть так, как это и положено в его мире, лучшем из миров... Нет, не готовы были его братья по подземелью к идее демократизации общества. Серега, вздохнув, кивнул.

— В давние времена, когда еще Саймон-святитель не пришел в эти края, здесь жили и правили барраядли. Э-э... ну, в общем, странный это был народ, странный и приверженный своей, еще более странной религии. В некотором смысле они признавали главенство Господа Бога, но — и сие есть крамола великая — утверждали и веровали, что человек становится подобен ему, создавая и творя нечто... нечто... Одним словом, то, что они и творили. И вещи, созданные этими самыми барраядли, они почитали частицами божественной сути. Чем-то таким, что ваяет уже самого человека. Вещи сии именовались у них решадлями. Ересь, одним словом...

Все как по команде уставились на карлика. Тот сидел абсолютно спокойно, по-прежнему невидяще глядя в стенку и поглаживая кинжальчик.

— М-м... так вот, те, кто, собственно, и создавал эти самые решадли, звались по имени всего своего народа — барраядли. Текулли — это те, кто удостоивался чести получить решадль и таким образом приобщиться к божественному. Разумеется, божественным это было лишь в их извращенных понятиях! Считалось, что истинный барраядли начинается с того, что чей-то решадль сеет семена в его душе и они всходят...

— Нечто вроде посвящения в ученики, с коего начинается путь в рыцари? — с интересом уточнила леди Клотильда.

— Воистину так, миледи. К слову сказать, я читывал описания того, что сотворяли барраядли — в запретных свитках. Воистину дивны были деяния их: одежда, меняющая цвет по желанию хозяев, согревающая или охлаждающая тело в зависимости от вашего желания. Одежда сия даже охраняла от ран! Такие горшки, не требующие огня для приготовления в них пищи и прекрасной формой своей радующие сердце, взвешающие и подогревающие аппетит, кушаньями своими излечивающие больных и приносящие много здоровья и долгие лета тому, кто вкушает пищу из них постоянно. Обувь, в которой преодолевались многие дыры как один манаур... Перечислять все можно необычайно долго...

— А рыцари у них были? — Леди Клотти прищурилась. Все правильно, о птичках поет птицелов...

— О нет, миледи! Барраядли почитали убийство деянием, в коем нет и не может быть искры божьей! Но выдывали они превосходные седла, попоны и уздечки. Все это уберегало доблестных коней от холода, болезней и оружия супротивников, кои могут и даже непременно должны быть у всякого благородного человека...

Старичок-лекарь прервался и совершил почтительный полупоклон-полуреверанс в сторону леди Клотильды. У благородной мадемуазели, до сих пор никогда не страдавшей от недостатка этих самых супротивников, начали мечтательно разгораться невинные глазки. Невинные-невинные, как у хорошего разбойника на хорошей торговой дороге...

— А какое, наверное, они выдывали оружие...

— О... Нет, миледи. — Лекарь несколько смутился. И верно, взрослые люди всегда смущаются, когда приходится отбирать у детей их любимые игрушки. Или мечты о них. — Оружия они не делали никакого. Никогда. Кроме одного-единственного случая. Меч Короля...

Лекарь сделал паузу, во время которой леди Клотильда понимающе закивала. Серега ощутил некое внутреннее неудобство, которое всякий разумный человек испытывает в компании людей, намеками обсуждающих нечто ему неизвестное.

— А тех, кто только еще ожидал, э-э... просвещающего решадля, они называли маккилиоди. Вы представляете, милорд и миледи? Было множество маккилиоди, все они мечтали и ждали. Ждали и мечтали. Сказано в свитках, что в течении жизни каждому маккилиоди был дан шанс получить свой решадль и стать текулли. И у них появлялся шанс стать когда-нибудь барраядли... Но, увы! Божественная искра была способна прорасти не в каждом. Весьма многие так никогда и не становились этими... барраядли. А ведь жизнь есть жизнь, милорд и миледи. Все эти... текулли и маккилиоди жили как простые люди. Были поселянами, горожанами, становились купцами и ремесленниками... Хранили решадли и почти молились на них. Бывало всяко — некоторые, получив свой решадль, быстро уставали ждать и теряли всякую надежду стать барраядли... а потом вдруг прорезалась в них искра творения! Некоторые ждали и ждали всю жизнь, но так и умирали, не став текулли... Но все же они жили счастливо. Мирно... Их суды были самой справедливостью, ибо судили в них судьи-барраядли. И решения их были справедливы и прекрасны! Решения-решадли... В коих и правый был защищен, и виноватый не унижен, а усвоен и просветлен... А затем...

— На них напали, и они, гм-м... пали! — уверенно и необычайно бодро возвестила леди Клотильда. Н-да... Конечно, что же им еще оставалось делать, бедолагам, без рыцарей... Только пасть перед врагом, и никак иначе.

— Нет, миледи, — печальным голосом поправил лекарь простодушную девицу-рыцаря. — Потом сюда пришли торговые караваны из-за перевала Хей-ог. До тех пор

барраядли не вели торговых сношений с соседями. Эта область, видите ли... она была несколько обособлена. Леса тогдашнего герцогства Де Лабри, горы Хейранские... Но купцам из патроната Эшли не давали покоя слухи о чудесных вещах, имеющихся у соседей за перевалом. Пастухи и охотники, бродящие в горах, встречались с некоторыми из народа барраядли, те простодушно рассказывали и показывали... Купцы наняли людей, проложили дорогу через труднопроходимый до этого горный перевал. И пришли в страну барраядли за чудесными решадлями. Пришли... и в конце концов погубили их всех. Они расплачивались вещами своего мира — вином, красивыми рабынями, драгоценностями и шелками, которыми можно было кичиться перед соседями. Рассказывали всем о том, как хорошо живут у них купцы и простые ремесленники, им не приходилось делать вещи и с горечью сравнивать дело рук своих с творениями истинных барраядли. С хохотом рассказывали о том, как богатые купцы подкупают судей, и те выносят решения в их пользу. Как все слушаются и почитают купцов. Как им кланяются...

— Все-все? — почти ласково поинтересовалась у лекаря Клоти.

— Они удержали часть правды при себе, миледи. Они хвастались и говорили лишь то, что нравилось говорить им самим. О могущественных и грозных рыцарях ордена Эшли не было сказано ни слова... местные пили вино, лапали прекрасных рабынь и отдавали свои решадли. А также решадли своих родителей, детей... Решадли начали уходить за перевал Хей-ог. Там ими восхищались. Но там не было барраядли-учителей, которые помогли прорасти в душе росткам созидания, не было и веками хранящегося понимания исключительности всего этого... Там это были всего лишь игрушки, чудесные, прекрасные, но бесполезные... То есть полезные только в практическом смысле. Но не в духовном! Затем в страну барраядли пришел великий Саймон-святитель. Купцы барраядли первыми приняли новую веру и прошли освящение. Затем его начали принимать некоторые простые люди. Один, другой, третий. Новая вера в Бога учила их, что не надо напрягаться, мечтать, ждать, надеяться и стремиться. В новой вере не было близких Богу барраядли, не было более низких по просветленности души маккилиоди и текулли. Все были равны. Потом пришла Священная комиссия, и барраядли начали принимать мученические смерти. Их постепенно не стало, и ныне их нет... О них рассказывают страшные сказки потомки тогдашних текулли и маккилиоди. А ведь всего-то три поколения сменилось...

— Не думаю, что они вымерли совсем, — трезво заметила леди Клотильда. — У них ведь были замки, как я поняла из слов этого... нашего маккилиоди. И как мы сами все удостоверились, в замках имелись подземные ходы. Стало быть, они были не идиоты и предполагали вероятность такого развития событий. Укрытие сие, в котором мы сейчас находимся, явно делалось для беглецов. Кто-то должен был здесь спрятаться и — два против одного — всенепременно и спрятался! Если есть дыра, в ней непременно должна быть и крыса...

Карлик наконец оторвался от поглаживания кинжалчика и медленно повернул голову в их сторону. Жутко блеснули белки глаз.

— Леди правая... Их было восемь — дети и два... женщина.

— Да? Я об этом не знал, — растерянно пробормотал лекарь. — Бедняги.

Карлик сидел, почти царственно теперь выпрямившись и положив... возложив руки с Серегиным решадлем себе на колени. Остатки срезанных век чуть подергивались.

— Дети выросли. Поженился. Снова дети. Выросли. Женился. Но... они не барраядли Бедняги, да. Чтобы выжить, золото нада. Решадли — их не было. Бросали, брали золота и

шли. Горе. Я пришел, искал решадли... Нету, не нашел. Барона нашел меня. Я... был не такой. Совсем не такой. Нет...

— А что, дети барраядли часто тоже становились этими... барраядли? — осторожно спросил Серега.

Карлик молчал, погруженный в свои мысли. Ответил лекарь:

— Нет, ваше сия... сэр Сериога. Но среди их детей это случалось чаще. Вы понимаете? Они были рождены среди этого, воспитывались среди этого... А те, кто так и не стал... м-м. Они не бедствовали. Семья помогала. Деньгами, решадлями. Чаще всего... чаще всего они становились купцами.

— Теми самыми, которые потом и...

— Да, сэр Сериога. Увы... Несчастливые дети, коих природа обделила тем, чем так щедро одарила отцов их, ненавидят за то не природу, а своих отцов. Они более близки детям и уязвимы для их ударов...

— Все, как всегда, — буркнул Серега. Все революции и перевороты делаются выходцами из высшего общества, которым не повезло достичь в этом самом обществе высот и достойного положения. Не везло справедливо, как непременно выяснялось потом (когда управление революциями и переворотами благополучно переходило в руки других, менее высокородных, но более оборотистых и деловых).

— Но все же они могли бы как-нибудь унести с собой решадли...

— Кто знает? — пожал плечами лекарь. — Может, боялись быть пойманными по дороге. В те времена люди шли на костер за одно только подозрение в хранении решадля... Вне зависимости от возраста. И детей жгли тоже. Сами решадли тогда безжалостно уничтожались. А ведь на создание некоторых из них уходила почти вся жизнь их создателя...

— Брали только золота, — монотонно подтвердил карлик. — Решадля нет. Опасно. Плохо. Многа плакать. Так хочу плакать! Не могу. Совсем плохо.

Все смущенно молчали. Остатки срезанных век на лице-черепе продолжали дергаться. Серега слез с настила, отодрал от своей многострадальной рубахи клочок почище, сходил в угол с колодцем — благо глаза его уже привыкли к темноте, смочил и принес клочок карлику. Тот принял с благодарной полугримасой-полуулыбкой на ужасном лице и сразу накрыл лоскутом глаза — видимо, роговица уже пересохла за время длинной беседы.

— Не стоит так расстраиваться, — откашлявшись, сказал Серега, — я же нашел этот решадль. Там, кстати, насколько я помню, еще один поя... остался.

Карлик дернулся.

— Где?! Текули — где?!

— М-м... Место там не очень людное. В лесу... в небольшом распадке. Странное такое место — камни посреди леса. И тропинка среди камней... То ли святилище, то ли могильник...

— Могильник? Могила? А знаете, это весьма интересно, сэр Сериога, — оживился лекарь. — Вы знаете, были и могильники-барраядли. То есть был — я, по крайней мере, читывал об одном. Это... Это может быть очень интересное место, сэр Сериога. Хотел бы я там оказаться...

— Чудненько! — рявкнула почти уснувшая за время высокомурых бесед леди Клотильда — н-да, разговоры, где не слышны столь сладкие Клотильдиному уху слова “доблесть”, “рыцарь” и “ка-ак дал он ему кулаком в ухо” — эти разговоры были не для Клотильды. — Но, может быть, мы все же перестанем болтать о так и не сумевших выжить

барраядли и займемся своим собственным выживанием?!

— Выживание? — деланно подивился Серега. — Мне показались, вы собирались мстить, леди Клотильда!

— Выжить — лучший способ отомстить! Но... вообще-то мне начинает нравиться ваш подход к этому делу, сэриога.

Все помолчали. Клоти горько вздохнула, пробормотала что-то вроде:

“И без вина. Нет бы этим барраядли вырыть еще один колодец и — в решадль его, в винный...”

— Я думаю, — решил наконец сказать Серега, — самое разумное сейчас для нас — затаиться на несколько дней. Рано или поздно до барона дойдет, что мы уже давным-давно свалили... то бишь исчезли из его города, и он перестанет обыскивать подводы на выезде из города. Купим одну, выедем на ней за ворота...

— Сэр Сериога, возможно, ваш — как его? — Мишка уже в городе, — невозмутимо оборвала его леди Клотильда. — Господин, который затаивается, когда его слуга в беде... Позор благородным родителям. Или родителю... Не так ли, сэриога?

Серега униженно кивнул. Уши его медленно, но верно загорались алым пламенем. Как два маленьких факела.

— Кроме того, речь, собственно, идет о вашем же поселении! Господин лекарь, подтвердите, — лекарь судорожно дернулся, как будто Клоти исподтишка ткнула его иглой, — принадлежало ведь некогда селение Дебро — да-да, это самое Дебро, в котором мы сейчас, как мыши, прячемся в норе, — принадлежало ведь оно некогда к майорату Де Лабри?

Лекарь с усердием закивал (и как только голова не отвалилась) и с готовностью сообщил:

— Говоря по совести, предкам барона принадлежала лишь заброшенная ферма на задворках майората Де Лабри. Когда герцог бежал из Вилленева — это город, процветавший когда-то в сердце нынешних Отсушенных земель, само Дебро в те времена было всего лишь захудалой деревенькой, — селения герцога отказались его принять. Кто-то пустил слух, что он один из виновников отсушения и вместе с ним придет и проклятие, кое уже опустошило прежде цветущие места. Его не пускал ни один город, ни одна деревня... Он умер неизвестно где, в одиночестве, заброшенный и позабытый. Говорят даже, что он скончался не от чего иного, как от голода...

— И кто-то вовремя пустил слух, — протянул Серега. — Даже догадываюсь кто...

— О! Сэр Сериога, в таком случае ваш долг — отомстить за своего... гм-м... предшественника! — тут же ухватилась за эту мысль рыцарственная до мозга костей леди. — И было бы превеликой глупостью и трусостью и дальше позволять барону внушать смердам мысль о том, что он и есть их властелин, а вы, милорд герцог Де Лабри, — гнусный совратитель. Мы должны сделать так, чтобы земля... земли Де Лабри горели у барона под ногами!

— Да, и Гитлер капут, — вздохнул Серега, не сводя глаз с воодушевленного лица леди Клоти. Воодушевленного и прекрасного.

А и в самом деле, партизанская война. Требуется скрытая агитация и подрывные акты. Точнее, так — герцогу Де Лабри требуется агитатор и террорист, знакомый с реалиями средневекового общества и способный выполнить возложенную на него задачу. Оплата сдельная. Без приличных рекомендаций от других герцогов просьба не беспокоить...

Листовки, конечно, здесь не пройдут. Мало грамотных, бумаги еще меньше. Зато... существует такой мощный инструмент воздействия на общественное сознание, как слухи. А также слуги... Великое дело — правильно поданный слухок.

Значит, так. Нужно действо. Беспременно со зрителями — как же без них? Без них никаких слухов. Тот типчик упоминал об Объявном столбе. Берем что-нибудь, на чем есть герб Де Лабри. Вешаем на столб. Так?

Прирезаем пару-тройку негодяев. И пускаем слух о том, что сбежавшие злодеи по-прежнему бродят по городу. Что... что они из той самой шайки, которая обеспечила отсушение Отсушенным землям. И что один из них — Де Лабри. И что он непременно обеспечит отсушение всем тем селениям и городкам, кои раньше принадлежали ему. Если только они вновь не вернуться под его руку.

Леди Клотильда приняла эту идею с жаром, который даже слегка напутал Серегу.

— Щит. Нужен щит с гербом Де Лабри. В оружейной барона вполне может найтиса такой. Э-э... почтенный маккилиоди...

— Я думаю, — оборвал ее Серега, — теперь мы с полным основанием можем называть его текулли. Так ведь, почтеннейший текулли? Решадль ваш.

Карлик поднял на Серегу таза. Точнее, молитвенно возвел.

— Поздравляю, — помолчав, сказала леди Клотильда. — Вот вам и еще один преданный лично вам вассал. Преданный душой и телом. Резать его теперь будут, убивать, а он все равно будет ваш! Хвалю. Сэр Сериога! Сдается мне, неизвестный мне лично родитель ваш поступил весьма мудро и оч-чень даже вовремя выгнал вас на большую дорогу. Через два-три месяца вы самолично правили бы его людьми и всем его замком в конечном итоге. Если, конечно, таковой у него имеется. Что ж, так как, почтенный текулли? Сможете незаметно провести нас в оружейную и обратно?

— Конечно...

— Великолепно! — подвела итог леди Клотильда и, зевнув, потянулась. “Господи, лучше бы она этого не делала”, — с замиранием сердца подумал Серега, прослеживая взглядом, как съезжает с ее груди полоса черного шелка — все, что осталось от ее многострадальной рубахи. Съезжает вниз... Вниз... Неподражаемая Клоти наконец закончила зевать и небрежно поддернула черную ткань вверх.

— А теперь спать. Все развлечения ночью. И кстати, сэр Сериога, а не заглянуть ли нам на обратном пути к хозяину трактира, где мы остановились? Уж больно крепко мы там заснули... Да и ваш Мишка уже мог там появиться.

— А как же, — согласно зевнул в ответ благородный сэр Сериога. Зевнул, увы, совсем по-простонародному. — И Мухтара опять же найти надо...

Последнее, что он слышал, это было сонно-ироничное фырканье Клоти.

Глава десятая

И МЕДЛЕННО ПРОИДЯ МЕЖ ПЬЯНЫМИ, ВСЕГДА БЕЗ СПУТНИКОВ, ОДНА...

— Аларм, сэр Сериога!

Серога кое-как выдрался из объятий сна, сел, зевнул. Рядышком на настиле преспокойненько дрыхли лекарь в обнимку со Слуди. Между их животами торчали Микошкины пятки. И доносилось тихое посапывание. Карлик уже возился где-то в темноте, в одном из углов.

— Ле... леди Клотильда! Что вы сейчас только что... Что вы сейчас только что сказали? Аларм?

— Эх, сюда бы мне сейчас родителя вашего! Побудка на вылазку боевую, сиречь аларм, только и всего. Жаль, что вы до сих пор этого не знали. Зато теперь вот знаете. Ну, сэр Сериога?

Аларм так аларм... Странно, английское слово в чужом мире. Впрочем, не до всех этих размышлений сейчас, надо вставать. И идти. Серога спрыгнул на пол, поежился от холода, отнюдь не бодрящего. Уныло заковылял к колодецу. Плел себе в лицо ледяной водой. От холода заломило виски. Зато в голове враз все прояснело. Просто до жути прояснело.

Леди Клотильда подошла к нему со спины, хлопнула по плечу.

— Кстати, сэр Сериога, ваш... этот... текули говорит, что этот колодец напрямую, по ирригационной трубе соединен с каналом. И, соответственно, из канала можно попасть прямо в этот колодец. Запомните на всякий случай. В склоне канала напротив амбара лежит зубообразный валун, “коронкой” зуба вверх, под ним узкая щель. Сунуть руку, найти в иле круглый голыш, вдавить его внутрь. Зайдя... черт, заплыв внутрь, надавить на “корень” зуба изнутри, и все закроется. Так я говорю, текули?

— Ах-ха. Да, дама-маккилиоди.

Они втроем вылезли из укрытия. Снаружи, на “воле”, уже наступила ночь — влажная, теплая. Гораздо более теплая, чем промозгло-сырая темь их подвала. Карлик восстановил статус-кво стены — четырежды с паузой дернул рычажок замка вверх, и все срослось — гладенько так. Не зная, и не догадаешься, что здесь есть лаз. Дык оно завсегда так и было, пане управляющий...

Затем они долго шли в абсолютной, непроглядной темноте. Увы, до уличного освещения здесь еще не доросли. Насколько Серога мог судить, в замок они возвращались совсем не тем путем, каким из него выходили.

Серога наткнулся в полной темноте на спину шедшей прямо перед ним леди Клоти и затормозил. Тьма, и без того почтя непроглядная, сгущалась впереди. Чернильно-мутная тень заслоняла полнеба.

— Где это мы? — шепотом поинтересовался Серога.

— Ш-ш! Под подъемным мостом! — Локоть леди-рыцаря чувствительно проехался по его ребрам. И что разболтался, спрашивается? Взались вести — куда-нибудь да приведут...

Что-то не было слышно привычного скрежета, сопровождавшего работу потайных запоров. Слышалось ему нечто совершенно другое. Серога прислушался, вглядываясь в темноту. Карлик, в темноте глядящийся смутно-трепещущей тенью — призрак, да и

только, — едва слышно бормотал что-то в тишине и махал руками. Что бы это могло значить? Не хватает только, чтобы этот бедолага прямо сейчас свихнулся. Вот тогда...

В лицо ему вдруг пахнуло сыростью и холодом, словно отворился громадный погреб. Кто-то (наверняка леди Клотильда) цапнул его за рукав, потянул вперед, и он покорно шагнул.

— Свет! — каркнул карлик.

Затеплился и разгорелся неяркий красноватый свет. Он лился... прямо со стен. Это было весьма, гм-м, неожиданно для него и еще более неожиданно для леди Клотильды. Серега с секунду любовался простонародно разинутым ртом высокородной леди, затем, опомнившись, повернулся к карлику.

— Эти сияющие стены — тоже дело рук барраядли?

— Ах-ха. Эта часть замка — старый. Здесь замка все еще может стать рещадлем. Мой прадеда строила. Замка любит внука барраядли-хозяина.

— Как интересно, как загадочно. А барон знает об этой любви замка к своему... э-э...

— Творения. Барона говорит — я его творения. Не-а. Не знать. Меньше знать — крепче спать, хо-хо!

Что ж, с этим не поспоришь. Карлик указующе махнул рукой, и они двинулись по светящемуся коридору вперед.

Анфилада коридоров соединялась круглыми зальчиками. Убранство некоторых из них напоминало чуть ли не великосветские будуары и гостиные — кокетливые диванчики и затейливые кушеточки, обтянутые узорчатым шелком, позолота и серебро, зеркала и канделябры. Некоторые, напротив, были обставлены с нарочитой простотой.

— Комнаты мой прадед, — коротко пояснил карлик в ответ на недоумевающие взгляды Сереги и леди Клотильды. — Замка спрятал их сюда.

Спрятал?! Увы, недоумение Сереги и леди Клотильды только усилилось. Но лично Серега просить объяснений как-то не решился — кто его знает, что ему там могут набъяснить. Он уже и так об этом мире не слишком высокого мнения... Да и не время и не место для объяснений.

Комнаты закончились. Вверх устремлялась лестница с перилами, проложенная в узком сводчатом тоннеле. Перила опирались на частокол тоненьких витых железных стоек. Здесь стены уже не светились — слабо светился пятнистый мрамор ступенек. Причем ступенечки были Сереге высотой почти по колено.

Они принялись карабкаться вверх. Сереге почему-то казалось, что из них троих труднее всего будет карлику, но тот неожиданно резво, помогая себе руками, засеменял вверх. И еще они увидели, почему бедняга выглядел карликом — складчатые лохмотья разошлись и открыли то, что скрывали до этого. Карлик ходил на коленях. Ноги кончались пятаками рубцов на уровне лодыжек... “Творения” господина барона.

Лестница, казалось, была бесконечной. Где-то на высоте примерно пятнадцатого этажа Серега начал уставать. А вот леди Клотильду ничто не брало. Она по-прежнему бодро неслась со ступеньки на ступеньку, азартно вскидывая вверх локти и пятки. Ну да, если припомнить нравы средневековых рыцарей, то пограбить кладовую врага тоже считалось весьма приятным и неплохим способом мести.

Лестница оканчивалась стеной. Карлик, склонившись в три погибели, опять о чем-то шептался с кладкой. Та, слегка помявшись, открылась у самого пола. Словно зевнула. Зевок, увы, напоминал по ширине кошачий лаз. И не более того. И еще печальнее было то, что сразу

за кошачьим лазом висилось нечто серое, полностью перегораживающее его.

— Это двигать. — Карлик посторонился, пропуская к кошачьему лазу рвущуюся действовать леди Клотильду.

Она присела на корточки, уперлась ладонями, напряглась всем телом, отдавливая серую перегородку вовнутрь. Серега, торопливо кинувшись помогать, ухитрился примостить свои ладони рядом и тоже налег всем телом. Карлик поднажал сзади, упершись в их зады безо всякого почтения к благородству и титулам их обладателей. Серое противно заскрипело и сдвинулось.

Они пропихнулись в лаз, извиваясь, как черви. Проползли между чем-то серым и стенкой. Серое оказалось на самом деле громадным сундуком, в лохмотьях пыли. Таких сундуков было много, очень много там, где они оказались. Оружейная. На стенах развешаны редкие факелы и кольчуги. Кольчуг, в отличие от факелов, было великое множество. Середину громадной комнаты занимали деревянные стояки. В них, аккуратно развешанные, как кухонные ножи у хорошей домохозяйки, покоились мечи. Всех размеров. Впрочем, самые мелкие, наверное, были все же не мечами, а кинжалами. Подальше, во тьме, сгущавшейся у дальней стены, виселись копья, громадные арбалеты в рост человека, луки... В одном из углов виселись уложенные друг на друга кожаные седла с высокими луками, внушительные, как каравеллы. Грудами валялись попоны и уздечки с шипами.

Карлик скромненько присел в сторонке, опять погрузившись в созерцание своего решадля. Леди Клотильда, как сомнамбула, бродила по оружейной. До Сереги долетали возмущенные шепотки:

— Мечи не точены... Он что, думает, на него сначала нападут, а потом согласятся в сторонке постоять, пока он меч себе соблаговолит наточить? А где же наши мечи? Неужто трактирщик зажулил... Великий святой Боже и Сатана искушающий, до чего ж у него кольчуги проржавлены... Не чищены! Не смазаны! Где же щиты, а? Оружейная — как свинарник моей бабушки или комната моих братцев... А!!!

Леди Клотильда, до глубины души возмущенная состоянием здешнего боекомплекта, в раздражении пнула кучу попон ногой. Куча угрожающе брякнула, а леди Клотильда запрыгала на одной ноге.

Под попонами покоились искомые щиты.

— Не то. Опять не то... — Леди Клоти перебирала щит за щитом. И совершенно автоматически, как заметил Серега, выкладывала из щитов аккуратные невысокие стопки.

— Ага! Вот оно! Щит Де Лабри!

Щит герцога Де Лабри напоминал своей формой сильно вытянутое сердце, у которого две верхние округленные дуги были ровненько подстрижены под линейку. Леди Клотильда крутила щит перед собой, восхищенно бормоча:

— Великолепно... Впечатляюще... Восхитительно... Нижнее острие для возможности нанести удар щитом сверху. Расщелина вверху, в кою можно улавливать чужой меч и отводить удар, а то и выбить меч... Сэр Сериога! Как нынешний герцог Де Лабри и правопреемник его титулов, фамильных знаков и регалий, не могли бы вы даровать мне право пользования... э-э... формой вашего родового щита? Только в бою, конечно.

— Да пожалуйста, леди Клотильда. Пользуйтесь вообще всем, чем вам угодно будет!

Да бог ты мой, моя прекрасная леди... Вы могли бы попросить и большего... Например, приколотить мое сердце к этому самому столь вожделенному для вас щиту...

Леди Клотильда сердца на щит просить не стала, а всего лишь одарила его

одобрительным взглядом.

— Начинаете понимать кое-что в благородных манерах, сэра Сериога. Не бойтесь, я никогда не злоупотреблю вашим милостивым согласием во вред вам.

Н-да... “Нет, я не понял, что ты имела в виду...”

Леди Клотильда снова нырнула в оружейные кучи, а Серега недоумевающе повернулся к карлику.

— Леди маккилиоди сказала, — карлик сжато хихикнул, — когда она браться на бой с тобой, она эта щит не брать. Жалко тебя!

Ох уж эти благородные манеры — так и оскорбить можно, между прочим. Серега подошел, поднял с пола отложенный в сторону щит. По нему шла черно-синяя клетка, в центре красовалась выпуклая нашлепка, формой повторяющая щит. Нашлепку обвивала серебряная кайма. На самой нашлепке, похоже, был изображен герб Де Лабри. На черном поле изогнулся в кровожадно-сладоэрастным пируэте синий дракон, пониже шла лента с какой-то надписью. Серега вгляделся. Интересно, знатоком здешнего языка его сделали, а вот насчет грамотности не забыли ли? И как тут не помянуть сэра Монтигтона Скуэрли тихим, добрым словом...

Ура! Хотя и с трудом, но он мог читать: “Истина всегда рядом с отвагой”.

Девиз. Теперь, если верит леди Клотильде, это его девиз. И красивый притом... Но... Титул покойника, герб покойника, девиз покойника... Вроде как погребальные одежды из могилы — красивые, богатые, но ты только что вытряхнул из них труп.

— Впрочем, что это он? Он же здесь на время! Недавно появился и, будем надеяться, скоро исчезнет. Побудет герцогом Де Лабри, стряхнет пыль с древнего имени и исчезнет, оставив после себя только смутные слухи. Или, если повезет, красивую и страшную легенду. Коя достойным образом увенчает несколько уже... э-э-э... поблекшее родовое древо.

Леди Клотильда, поковырявшись, открыла замок на одном из сундуков.

Откинула тяжеленную крышку, взметнув клубы пыли.

— О! Одежда для стражников!

Она отшвырнула в сторону стопку серых рубах и штанов с розовыми кантами и оторочками, бросила туда же кожаные ремни. Перешла к следующему сундуку, выудила оттуда длинные серые плащи, украшенные спереди и сзади аляпистыми, как рисунки детсадовцев, гербами барона Квезака — алая ящерица на золотом единороге, ведомом страшного вида девой в голубом одеянии. Профиль у девы был почти такой же, как и у ящерицы. Леди Клотильда свернула из всего этого добра — штанов, рубах, плащей — солидный тючок, прибавила туда же парочку добротнo простеганных шапок, утянула тюк кожаными ремнями и швырнула его Сереге. Тот безропотно принял тюк в свои объятия.

Щитов с гербами Де Лабри оказалось в конце концов целых три. Леди Клоти и их увернула в плащ, приторочила сверток к ремню и повесила себе за спину.

Молчавший до сих пор Серега заикнулся было:

— Может, оружие...

Леди Клотильда глянула на него яростно-возмущенно, мол, и без тебя, сироты казанской, знаю. Сунула ему в руку кинжал, себе за поясной ремень затолкала целую коллекцию экспонатов в ножнах.

— Пошли!

И тут обнаружилось отсутствие карлика.

Они оба, встревоженные, сбросили на пол свои ноши, сторожко огляделись.

Прислушались. В одном из углов слышалось подозрительное шуршание. Вдвоем ринулись туда.

Карлик, прихватив где-то тяжелую арбалетную стрелу, упорно ковырялся в пудовом замке, висевшем на ма-а-аленьком таком, неприметном сундучке, почти сплошь окованном стальными полосами.

— Текулли... э-э-э... почтенный, там что, что-то нужное? — с подозрением спросила леди Клотильда.

Карлик оборотил к ним лицо-череп.

— Тама... Особая шлема. Решадль-шлема... — пропыхтел он, продолжая сражаться с неподдающимся замком.

Леди Клотильда воодушевленно шагнула к сундучку.

— Шлем, значит? Посторонитесь, почтенный текулли. Я сейчас...

Ударом кинжальной рукоятки вогнала тяжелую стальную стрелу внутрь замка и, отложив кинжал на пол, двумя руками с усилием провернула. Замок жалобно затрещал и рассыпался. На мелкие детали.

— Господи, да здесь даже замки из ржавой трухи, а не из доброго железа! — с непередаваемым отвращением высказалась леди Клотильда, брезгливо отряхнулась и, засунув руки в сундучок, вытащила оттуда круглую металлическую шапочку.

Она с любопытством взвесила этот раритет на руке, повертела перед глазами.

— Тип шлема армет... нет, шаллет, но без полей. Резьба по краю?! Это шлем или кормушка для кур? Корзинка для дамского вышивания... Ну и что, почтенный текулли, какими свойствами этот шлем наделен как решадль?

— О, эта особый шлем! — Карлик торопливо подковылял к леди Клоти и, до предела вытянув руку, принялся подпрыгивать, пытаясь достать вожделенный стальной колпак, зависший в недостижимой для него выси — на уровне глаз могучей леди. — Эта шлем отбивает желание нападать! Он делать нападающий добрым! Он больше не хочет делать зло вам!

Клоти торопливо уронила шлем в руки карлика и принялась судорожно отирать свои ладони о собственные штаны. Даже содрогнулась испуганно, отметил про себя Серега, как будто ей мокрицу какую дали подержать.

— Подари эту плошку Микошке! Или сам носи. Но только, умоляю, когда мне придет охота или надобность подраться, этой штуки возле меня быть не должно! Ты понял?! И смотри, чтобы мне не пришлось повторяться!

Карлик, подпрыгнув, поймал шлем на лету. Довольно мякнув, сунул его себе за пазуху.

У кошачьего лаза Серега и леди Клотильда вновь нагрузились своими тюками.

— Леди Клотильда! — припомнил вдруг кое о чем Серега. — А если кто-нибудь заметит, что в оружейной побывали с визитом?

— Да местный оружейник такой... такое... — Мускулистая блондинка окинула уничтожающим взглядом слегка пограбленную оружейную. — Дер-рьмо! Шваль! Да последний золотарь в замке моего предка Перси, который, как говорят, чистоплотностью никогда не страдал, и то чище содержал тамошние нужники!

— Большая сундука стоит косо, — безмятежно вклинился в их разговор почтенный текулли. — От двери будет сразу видна. Тот маленький сундучка совсем сломался.

— Ничего, — решился высказать свое рацпредложение Серега. — Сундук можно придвинуть к стене, а сундучок и вовсе захватить с собой и вышвырнуть по дороге. Если

оружейник и в самом деле такая шваль, то он ни черта не заметит. А если и заметит чего, то старательно скроет все следы. Не полагаться же ему на скорое и справедливое правосудие барона Квезака!

Обратное ввинчивание в лаз для Сереги едва не закончилось веселым катанием на животе по лестнице, так как узкое отверстие выходило прямо на ступеньки. Вдобавок он еще и пребольно ударился носом о полуразбитый сундук, который проталкивал перед собой. Почертыхавшись, он вытянул ноги из дыры в стене. Карлик тут же метнулся к лазу, едва не отдавив ему нос коленом, принялся что-то шептать, поощрительно поводя над лазом руками.

Лаз сросся со стеной.

У самого окончания лестницы леди Клотильда печально выдохнула:

— Благопристойно сходили! Жаль, ни одной рожи не довелось начистить.

— И свои рожи тоже целы... — решил посочувствовать опечаленной могучей красавице Серега. — Даже неприлично как-то.

Клоти совсем загрустила.

— Только вы меня здесь и понимаете, сэр Сериога...

— Бедный ледя, — понимающе прогундосил карлик. — Хочешь, сбегает в опочивальня барона — в морду дать?

Клотильда грозно надвинулась на карлика.

— И ты еще спрашиваешь?!

Карлик развернулся и снова заковылял вверх по лестнице. Остановился примерно на двадцатой ступеньке, постучал по стенке пять раз, и сим-сим вновь послушно отворился — плита отъехала назад. За ней простирался коридор, освещенный все тем же тусклым сиянием стен, на этот раз голубым.

И Серега покорно двинулся по этому коридору вслед за карликом и леди Клотильдой.

Повороты сменялись поворотами. Небольшие лестницы и спуски — вверх и вниз. Наконец карлик остановился у небольшого простенка между двумя витыми колонками. Снова поделился со стенкой паролем. Свет, исходящий от стен коридора, погас, и в простенке отворилась узенькая щель.

Благородные милорд и миледи тут же припали к щели.

Как выяснилось, щель была устроена в задней стене камина. Перед ними вялыми струйками уползал вверх дымок, почти не мешая обзору помещения. Это была спальня, обставленная очень богато, но роскошь эта по сравнению с теми комнатами, что остались внизу, в потайных подвалах, выглядела как-то по-плебейски. Выбился бедный подпасок в богатые купцы...

Неподалеку от камина располагался круглый стол со скатертью, некогда белой, но сейчас сиявшей переливами бурых и серых пятен с багровыми вкраплениями. За столом сидели два оч-чень интересных на вид субъекта, в одном из которых Серега тотчас признал барона Квезака. Второй, импозантный, седой, с манерами аристократа, был ему незнаком. Субъекты вели, разговор.

Серега наострил уши.

— Так вы полагаете, милейший барон, — разобрал он сквозь шипение углей на дне камина, — что этот самозванец не причинит нам больше никаких хлопот?

— Никаких, уверяю вас. — Барон мило улыбнулся и любезно подлил в полупустой бокал собеседника вина. — Мои мерзавцы за два маврикия душу вынут. А тут целых двести за каждого! Не все продаются хе-хе... но тех, кто сам не продается, продадут другие! Итак, о

том деле...

— Кстати, Священная комиссия, — аристократ отхлебнул вина, покатал глоток во рту и благосклонно проглотил его, — будет вам весьма благодарна за должное наказание тех мерзавцев-смердов, что изволили наблюдать печальную кончину наших братьев от рук этих разбойников. И не соизволили им помочь. Сие не должно прощаться. Вы верный сын Господа нашего, поздравляю вас. Это зачтется, когда МЫ, — аристократ указующе воздел вверх правую руку, — будем избирать ТОГО САМОГО.

Барон позволил себе тонко улыбнуться и ковырнуть мизинцем в ухе.

— Однако я слышал, что Баленсиага не устерег ягненка...

— Он будет найден. — Аристократ промокнул скатертью брезгливо оттопыренную нижнюю губу. — Милорд Баленсиага пока еще не сообщил мне всех подробностей, но заверил меня в своем послании, что верный ему человек уже держит всю ситуацию в своих руках. Ему можно доверять, милорд Баленсиага разбирается в людях. И умеет управлять ими. Вспомните хотя бы, как он ловко управляется со своей невыносимой сестричкой — она сидит в его поместье, даже и не помышляет о замужестве и собственной семье, управляет его поместьями и оплачивает его долги своими деньгами...

Барон захохотал.

— Да уж, управиться со стервой Эспи... Кстати, милорд... Если я так и не буду избран ТЕМ САМЫМ, то не могли бы вы поднажать на Баленсиагу, чтобы он расстался со своей дорогой сестричкой? Моя преданность и верность вам требуют определенной компенсации... Её приданое было бы вполне сносным вариантом такой компенсации. Во всяком случае, оно бы меня здорово утешило...

— Как и нежные ручки девицы Эспландиды? — ехидно поинтересовался его собеседник.

Барон подавился вином и подарил скатерти еще одно широкое бордовое пятно.

— Как вам могла прийти в голову такая мысль, милорд... Да поразит меня гром, но я собираюсь наложить лапу на деньги девицы Баленсиагов, а не на ее квелое тело!

— Ну-ну, друг мой, — ласково пожурил его аристократ, — в конце концов вам же еще потребуется наследник, дабы унаследовать все ваше и ее состояние. Мало ли какие мысли могут прийти в голову ее братцу? Оставшись после вас вдовой и без наследника мужского пола, она принесет ему все деньги назад, да еще и одарит его вашими богатыми поместьями.

— Что ж, придется свершить сей подвиг... Итак, милорд, мы договорились? Либо я тот самый наследник, либо я муж девицы Баленсиаги. На этих условиях Священная комиссия всегда может на меня рассчитывать.

— Как и вы на нее, милорд. — Аристократ отечески улыбнулся барону. — Не стоит забывать и о законном признании ваших прав на майорат и ленные владения семейства Де Лабри. Ну, мне пора на покой...

— Текулли, — горячим шепотом сказала рядом леди Клотильда, — ты не мог бы нас вывести в коридор рядышком с этой спальней? Так, чтобы не рассекретить потайной ход, А то так поговорить хочется, что кулаки чешутся...

Видимо, карлик мог, потому что леди Клотильда ухватила Серегу за запястье и поволокла за собой куда-то по коридору.

Чпокнуло, в темь ворвался яркий свет, от которого Серега сразу ослеп. Его протащили через окошкообразный лаз, располагавшийся в стене на уровне пояса. И впихнули в комнату. Начавшие адаптироваться к свету глаза различили камин, столик под загадочного цвета скатертью... Баронская спальня.

Леди Клотильда, азартно рванувшаяся вперед, достала барона добрым ударом в челюсть. От молодецкого замаха черная повязка, кое-как прикрывавшая ее грудь, сползла окончательно. Взору аристократа, изготовившегося уже было к отпору, предстала нежнейшая округлость груди. Узрев ее, почтенный старец на мгновение впал в этакую прострацию, в состоянии которой и был поражен могучей десницей нежнейшего создания прямо в лоб. И опал на пол осенним листом.

Уже через пять минут комната приняла другой, гораздо более приятный, на взгляд Сереги, вид. Барон и благообразный аристократ были уложены на широченном спальном ложе крест-накрест — зад одного непринужденно покоился на пузе другого. Руки и ноги утомленных товарищей леди Клотильда примотала к спинкам кровати обрывками простыней. Сама девица из колен Персивалевых уселась в ногах просторного ложа, достала из-за пояса кинжал и принялась хладнокровно подрезать ногти. Кривые волнистые обрезки с сухим щелкающим звуком падали на шитое золотом покрывало.

Добросердечный карлик доковылял до стола, принес оттуда кувшин с вином и окатил привязанных красной жидкостью с изысканным клубнично-винным ароматом.

— Мое покрывало!!! — немедленно отозвался на эту процедуру истеричным бабьим визгом как-то незаметно очнувшийся барон.

— Мое почтение! — радостно отреагировала леди Клотильда на воскресение из мертвых господина барона. И нежно, почти с любовью, улыбнулась своим двум подопечным (собеседник барона тоже уже начинал подавать признаки жизни) — похоже, кулак опытной леди Клоти был точно отградуирован на то или иное количество минут беспамятства, которое он даровал тем, чьи лбы имели несчастье с ним столкнуться.

— Ты... ты кто такая? — просипел аристократ (его аристократизм, впрочем, заметно поблек). — Священная комиссия вывернет тебя наизнанку, подлая вонючая девка!

— Беда ваша в том, что вы слишком часто моете руки, как говаривал мой предок Перси, — невозмутимо ответствовала леди Клотильда. — Из-за этого у вас остается слишком мало времени для драк... Ну, милорды, приятно с вами встретиться. Мой... мой подопечный, герцог Де Лабри, тоже несказанно рад этой встрече. Видите ли, я тут взяла на себя обязательство обучить этого юного герцога всем рыцарским премудростям. Искусство оборонительного и наступательного боя, разведка, допрос пленных... Сегодня у нас будут занятия по последнему предмету. Итак, милорды, вопросов у меня не так уж и много, а вот времени свободного в избытке. Вопрос первый: что это за “тот самый”, которого будет избирать Священная комиссия? Вопрос второй: какого такого “ягненокка” не устерег миляга Баленсиага? Остальные вопросы будут возникать по ходу нашего разговора... Начали?

Пленники угрюмо молчали.

— Что ж, с вами мы побеседуем попозже, а сейчас мне надо уделить время милорду герцогу, — донельзя довольным тоном сообщила всем леди Клоти и всунула в рот пленникам по самодельному кляпу из кусков простыней. Надежно так запихала, как домохозяйка, занятая утеплением окон на зиму — с нажимом и утрамбовыванием, чтобы ни щелочки не оставалось. — Итак, милорд герцог, — обратилась она к Сереге, — никогда не прибегайте к пытке ради своего удовольствия. Сие недостойно рыцаря и противно Господу Богу. Люди, занимающиеся этим ради удовлетворения своих низменных страстей, редко когда получают от своих пытаемых ценные сведения — они слишком увлекаются, и пытаемый не успевает дожить до самой важной части своей исповеди. Посему начинайте пытку с чего-нибудь действенного и сразу выбивающего из человека всю силу воли. Короче,

будьте добрым человеком. Например...

Тут леди Клотильда молниеносным взмахом отчекрыжила господину барону ухо. Красавец господин барон (теперь, понятно, уже бывший красавец) глухо замычал и забился в своем тряпочном плену.

— Или еще вот, например... — мечтательно, как девочка, разглядывающая витрину со свадебными нарядами, протянула мадемуазель баронесса.

И взмахом кинжала вырезала окошко на богатых одеждах аристократа. Прямо над чреслами. Кончиком лезвия откинула клочки тканей с жалко трепыхающейся плоти. Присвистнула, глянув. Перевела наполненный сочувствием взор на лицо аристократа.

— Соболезную... Оттягивать, привязав гирю, не пробовали? Говорят, некоторым помогало... Н-да, не зря вы в Священную комиссию подались — действительно, с таким только Богу и служить... Ну, начнем?

Леди Клоти преспокойненько занесла кинжал над живым телом. Тело задергалось и замяукало.

— Припоминаете, милейший, ту нехитрую операцию, которую я проделала с господином бароном? Сейчас я повторю ее над вами, правда, в другой части тела, но так же хорошо и быстро. Хотя тут и отрезать-то нечего...

Мяуканье, раздававшееся из-под кляпа, сменилось чем-то вроде гавканья. Согласно гавканья.

— Милорд, сейчас я вытащу кляп. Вы быстренько расскажете мне все, что знаете, по названным мною двум вопросам. Попробуете кричать или звать на помощь — заткну вам рот быстрее, чем кто-либо услышит. И продолжу. Но на этом наш разговор не завершится — можно еще сделать так, что вас больше не будут слушаться ваши ноги. Потом руки. Потом вы не сможете разговаривать. И даже если — во что я, честно говоря, абсолютно не верю, ибо вы не дурак, — если вы так ничего и не скажете мне, то у меня в запасе останется еще и господин барон. Так что нет смысла упрямиться и молчать, все тайны все равно выплывут наружу. К тому же я, слабая женщина, недалекая умом, как это сказано в Заповедном, без охраны и поддержки, не могу угрожать планам Священной комиссии по причине своей малой значимости в этом мире. Ну удовлетворю я свое женское любопытство — и что с того? За стенами замка меня прихлопнут за две сотни маврикиев, равно как и милорда герцога. Итак, спасите свой огрызок и не дайте мне помереть, так и не узнав последние сплетни из лона самой Священной комиссии...

Леди Клотильда выхватила кляп. Первая попытка заговорить у пленника не удалась, ему пришлось с шумом сглатывать, промачивая слюной пересохшее горло. И только потом с ненавистью выплевывать слева.

— Др-рянь... ТОТ САМЫЙ — это тот, кто станет наследником престола и будущим королем! Но ты, тварь, этого уже не увидишь, клянусь тебе в том! Священная комиссия разделается с тобой, отомстит тебе за мое унижение и за гибель наших братьев... “Ягненочек” — пленник, очень важный для нас...

— Не по существу... — грустно сказала Клоти и поднесла к губам аристократа кляп. Аристократ зачистил:

— Это, это ТОТ САМЫЙ, настоящий ТОТ САМЫЙ! Сосунок Зигфрид!!!

— Король... — треснувшим голосом просипела леди Клотильда и недрогнувшей рукой вогнала кляп в жадно глотающий воздух рот.

— Какой король?.. — начал было Серега и осекся. “Ягненочек”... Надо понимать, это

слово выбрано недаром. Видимо, оно должно указывать на малый возраст объекта, о котором идет речь. “Король”, — сказала леди Клотильда. И что же получается — король не умер, да здравствует король?!

И это как раз тот мальчик, которого он должен отыскать, дабы наконец вернуться домой. Домой!

Леди Клотильда, задумавшаяся было после признания аристократа, завершила недолгий процесс размышлений и рывком встала. Прошла по комнате и вернулась на свое место в ногах кровати.

— Мой следующий вопрос — что с королем, где он и кто этот верный человек, приставленный следить за ним Баленсиагой?

— Три вопроса, — покривился аристократ, которому снова освободили фот. И осекся, увидев двинувшееся к нему острие кинжала. — Точно не могу сказать, но... Мальчишку отдали на попечение Баленсиаги, детали знает только он. Он должен был растить его в бедно... э-э... в скромности, не сообщать никому, и ему самому в том числе, его имени, сделать из него совершенно другого человека... Где он, я не знаю! Знает только милорд Баленсиаги, да и то не в полной мере, раз он сумел выйти из его замка... И не знаю, что это за верный человек! Отправляйся к милорду Баленсиаге и спрашивай у него!

— Спрошу, — как-то непривычно кротко согласилась леди Клотильда и нажала кинжалом на пухлую оконечность живота. — И как вы собирались протащить на престол своего выборного ТОГО САМОГО?

— Фокус с кровью... — проворчал аристократишка и попытался ожечь Клотильду гневным взглядом.

Получилось плохо. Потому что леди Клотильда не обратила на это ни малейшего внимания. Запихала пальцем кляп поглубже в аристократическую глотку, села, подперев щеку.

— Фокус с кровью, похищенный король. Ягненок, предназначенный для вашего заклания. И заклали они жертвенного ягненка, и вкусили яств из него...

— Мне кажется, мы долж...

Нерешительный лепет Сереги был решительно оборван тычком в живот. Довольно могучим тычком.

Леди Клотильда решительно поднялась с ложа.

— Милорды, мы вас покидаем... Увы, из ваших басен не выжать ни толка, ни смысла, ни золотишка на дорогу. Но я кое-что задолжала нашему благородному барону и хочу вернуть должок с процентами... Собственно, за этим я сюда и заскочила. Теперь, милорд герцог, следующий урок — взявшись мстить вашим врагам, делайте это осторожно. Им не должно быть слишком хорошо — все же враги. Но и убивать их ни к чему — на смену знакомым и уже изученным врагам непременно приходят другие, вам не знакомые, но настроенные чересчур для вас решительно, ибо смерть их предшественников их здорово озлобляет... Итак, в меру!

Минут двадцать леди Клоти добросовестно делала из привязанных врагов хорошо отбитые куски мяса. Потом повернулась к дверям и заметила брезгливую гримасу на лице Сереги.

— Не морщитесь так, герцог. Знаю, связанных не бьют, но, если бы я их сейчас отвязала, результат был бы тот же самый — такая же обмолотка, только с большей болью, потому что они непременно пытались бы сопротивляться, а это приводит к увеличению

числа синяков. Опять-таки, потом надо заново связывать. Лишнее время тратить...

Сергея торопливо стер с лица осуждающую мину, возникшую там как-то помимо его воли. Его ли дело судить? И поспешил за направившейся к дверям леди Клотильдой.

Они залезли в лаз, расположенный в стене рядом со спальней барона, в маленьком глухом тупичке. Стена, повинувшись указаниям карлика, тут же зарастила “на свет окошко”. Они пустились в обратный путь по бесконечно веренице лесенок и поворотов.

— Леди Клотильда, — поинтересовался благородный сэриога по пути, как бы промежду делом, — а что это за фокус с кровью, о котором говорил этот... член Священной комиссии? И зачем надо непременно зарезать мальчика-короля...

— Предвидя дальнейшие вопросы, — грозно перебила его леди Клотильда, — и памятуя о полной вашей свободе от каких бы то ни было полезных знаний, я расскажу вам все сразу и быстро, благо мне все равно не о чем поговорить на всем протяжении предстоящего нам пути. Но вы будете слушать меня молча, не перебивая и не задавая вопросов, потому что это сбивает с мысли и шага... Ясно?!

— Само собой! — клятвенно заверил ее Серега.

— Вы знаете что-нибудь о Мече Королей? Впрочем, нет, молчите — я примерно догадываюсь, какой будет ответ. Сэр Сериога, вы как-никак живете в том же королевстве, что и мы все, неужели вам никогда не приходилось задаваться вопросом — а почему до сих пор никто не воссел на пустующий трон? А?

— Нет, — честно ответил Серега. И действительно, живя на Земле, он как-то не думал с проблемами этого зазеркального королевства.

— М-да. Ну так вот, на опустевший после исчезновения короля — малютки Зигфрида трон никто не покусился по причине Проклятия Меча Королей. Скован Меч Королей был в незапамятные времена, как мне говаривали в детстве, сказочными волшебниками. А когда подросла, узнала, что был сей меч делом рук проклятых еретиков и колдунов, именовавшихся барраядли. Прошу прощения, достопочтенный текулли.

— Ничего, — кротко ответствовал шествующий впереди колонны карлик. — Меч решадля — да, я слышал.

— Да, и Меч сей даровал роду королей относительную безопасность. В духе барраядли — не убий, но защити. Меч Королей установлен в Коронационной долине, в Алтаре посвящения. Нельзя стать королем, не пройдя Коронационной долины и причастия в Алтаре посвящения, ибо если воцарится в нашем немаленьком королевстве лицо, сей обряд не прошедшее, то на королевство ляжет проклятие Меча Королей. И начнет это проклятие свое действие с того или с тех, кто узурпировал не принадлежавший им по праву трон. Члены отсохнут, глаза ослепнут, и уши как водой зальет... Примеры тому были. Так что дураков, желающих править, не став при этом законно признанными королями, нынче нет. Ну а чтобы без страха и осложнений пройти обряд коронации, нужно всего-то ничего — в тебе должна быть кровь Нибелунгов. И при этом ты еще должен являться последним и законным потомком и наследником Нибелунгов. То есть кровь в тебе должна быть именно такой — настоящей, самой чистой и сильной из не слишком многочисленных потомков Нибелунгов. Улавливаете мысль?

— Не-а.

— Не ты сам — наследник и потомок, а просто кровь в тебе должна быть именно такой. Кровью самого последнего и прямого наследника династии Нибелунгов. В обряде коронации и причастия есть такой момент — претендент на корону проходит этот обряд,

возложив правую руку на рукоять знаменитого Меча. Он укреплен в металле Алтаря. И если смерть его предшественника воспоследовала по его вине, или же он знал о ней и просто-напросто тому не воспрепятствовал, или же существует на свете более прямой и более законный наследник короны, чем этот... Тогда этому претенденту не позавидуешь. Раза три горели живые факелы в Коронационной долине, пока наконец дурачье не угомонилось. И уничтожить Меч Королей невозможно. Бдил и будет бдить интересы династии Нибелунгов. Но предсказания и предназначения магического характера — вещь крайне... м-м, тонкая... И зыбкая. “В нем должна быть кровь прямого, законного и следующего по порядку наследования потомка Нибелунгов” — так звучит текст Проклятия, созданного вместе с Мечом. Но что такое “должна быть”? В конце концов, ее достаточно просто выпить перед коронацией. И таким образом, иметь ее в себе.

— Кровь?! Кровь наследника?! — с замирающим сердцем переспросил Серега.

— Ну да, кровь, — до жути невозмутимо ответствовала леди Клотильда. — Дело нехитрое — взял наследника, нацедил из него кровушки, выпил и пошел на коронацию. Если потом желаешь передать трон кому-то еще, нацеди крови поменьше, чтобы ее в наследнике и на другой раз осталось. Может, именно поэтому-то Священная комиссия и не торопится с избранием ТОГО САМОГО, хотят, чтобы мальчишка подрос, окреп. И безболезненно, в смысле без осложнений, перенес то небольшое кровопускание, которое ему предстоит. Мыслишку эту поганую, о том, как обмануть Проклятие, высказывали довольно давно. Родилась эта догадка среди всякого отребья дворянского. Ими же мусолилась. Но прежде сие было бы крайне затруднительно. Были прежде и другие наследники Нибелунгов. В случае гибели мешка с кровью... то бишь наследника, право на трон, Меч и Проклятие незамедлительно переходили к ним. Да и не понравились бы им подобные игрища, могли и на защиту родича встать. А в наши дни впервые за почти тысячелетнюю историю Нибелунгов мальчишка Зигфрид является единственным и последним. Вина за то... или заслуга, это как посмотреть, ложится на деда и бабушку Зигфрида. Обиделись шибко покойные на свою собственную родню. У королей это бывает. Перестарались дяди и племянницы всякие с интригами и кознями. Когда на престол никак не сядешь, приходится искать и другие способы изловить рыбку в пруду. Можно так совратить и испортить будущего короля, что он будет как ручной. Прирученный. С таким и корона ни к чему — будешь сам править королевством от имени слабого и ни к чему не пригодного короля. Что, собственно, и случилось с отцом Зигфрида — королем Зегаром. И за это родственнички и поплатились своими жизнями. Итак, они поплатились жизнями, из Нибелунгов, кроме Зигфрида, не осталось больше никого. Если не считать незаконнорожденных потомков. Но еще вопрос, признает их Меч или нет. Итак, остался только Зигфрид, крохотный и слабый ребенок, из которого можно было... точнее, с которым можно было делать все что угодно. И, похоже, Священная комиссия решила поймать момент. Зигфрид убран из дворца и лишен охраны и защиты, находится в руках преданного Священной комиссии человека. Страна лишена порядка и раздираема распрями, к которым, голову даю на отсечение, Священная комиссия тоже приложила лапку.

— И что вы собираетесь делать?

Леди Клотильда слегка притормозила свой скорый шаг и скучаяще вздохнула.

— А почему я должна что-то делать, сэра Сериога? Нибелунги правили почти тысячу лет, у них было все — преданная армия, неплохо сколоченные законы, богатая, сытая страна. В конце концов, был даже Меч, охранявший их право на престол. Все! И чем это кончилось?

Они развалили страну, перебили и опозорили друг друга. Предали нас всех, в конечном итоге! Ибо сюзерен всегда ответствен за своих вассалов. Мы так долго ждали, что нас кто-нибудь призовет восстановить порядок. Разогнать банды, попрिжать распоясавшихся лордов и зарвавшихся купчиков... О разбойничках я и не говорю. Но никто не звал. И звать некому — они перебили себя сами. А последняя ветвь на их древе, слабый и не могущий стать вожаком мальчишка — кому он нужен? Пусть достается Священной комиссии, по крайней мере она наведет хоть какой-то порядок. Сделает хоть что-то! Пусть хоть кто-то сделает что-то. Я за это!

— И самое приятное во всем этом — то, что лично вам в этом случае делать ничего не надо, — услужливо сказал Серега. Даже чересчур услужливо.

Клоти остановилась, забросила за спину правую руку, накрутила Серегину рубашку себе на кулак. Рывком подтянула его к себе, зло дыкнула ему в лицо.

— А я должна?! Я, баронесса Дю Персиваль, никому ничего не должна!!!

Я, вождь царей и царь, Ассаргадон...

Однако должно же быть больше, чем один, способов выловить рыбку из пруда. А он, Серега, должен его найти.

Должен! Хотя, спрашивается, зачем? Действительно, зачем леди Клотильде лезть в эту кашу, искать малолетку Зигфрида? Это ему, Сереге, нужно, да и то только для того, чтобы наконец распрощаться с этим оазисом феодализма. А вот леди Клотильде оставаться здесь и дальше. С этими людьми. Со Священной комиссией, в конце концов...

Вот если б можно было забрать ее с собой!

Леди Клотильда давно уже отпустила его рубашку и шагала впереди по коридору. Серега поднажал, стараясь побыстрее ее нагнать. А то еще заблудишься тут в одиночку...

Леди Клотильда отшагивала молча и как-то... печально, что ли. Сереге почему-то не на шутку стало вдруг ее жалко. Бедная девушка, чистое и доброе сердце под стальным каркасом из мышц, которые составили бы честь морскому пехотинцу... Обученная выживать, но не жить.

— М-м... Мы, кажется, собирались еще и в трактир заглянуть на обратном пути? — решил наконец сказать он.

— Да!!! — кровожадно выдохнула разом встряхнувшаяся леди Клоти. — Тот трактирщик, да! Больно странно мы там уснули, крепко так. Наверняка он нам сонное зелье в питье или в еду подмешал! Отравитель! Я ему за это сонное зелье да за два моих меча! Вдумайтесь, сэр Сериога, — один от эльфов, другой от предков! А фамильный кинжал с родовой печатью? А шпоры? Два комплекта, один для походов, другой для торжественных выходов?! А седло, а попона, а упряжь и латы... а мой верный конь?!

“Усе, усе ж, что нажито непосильным трудом!” Интонации совпадали точь-в-точь.

— Порублю!

“Порублю, закричал Штирлиц...” Серега не удержался, сдавленно хихикнул из-под тяжелого тюка с наворованным добром из оружейной.

Наступила абсолютная тишина, даже топот доблестной леди смолк, и Клоти отточенно-ледяным тоном поинтересовалась:

— Вы над чем-то смеетесь, сэр Сериога?

— Нет, леди Клотильда! — решительно открестился от всяких там смехохуенек Серега. — Вот... вот ногу натер, стоною теперь от боли, хрипя под тяжестью тюка!

Грозную леди, слава тебе господи, объяснение вроде бы удовлетворило, и она снова

бодро зашагала по коридору. С громким топотом, в котором четко слышалось “а-а-а, а-а-а”. Смеяться над такой... милой дамой, да еще милой во всех таких отношениях, какие Гоголю и не снились... Да боже упаси! Потом пойдут “руки колечками”...

Лаз открылся беззвучно и просто, как открывается птичье веко. Они вывалились под мост, озабоченно заозирались. Все вроде было тихо и спокойно. На небе безмятежно сияли тусклые зерна звезд, с башен летел вниз богатырский храп дозорных. Тиха дебровская ночь, однако.

Обратно процессию вела леди Клотильда, вела в хорошем маршевом темпе. Серега пыхтел, но бежал. Тюк натирал плечо. Сапоги натерли ноги. Пятки били по заднице. И вообще...

Они влетели в амбар, сбросили ношу на пол. Леди Клоти тут же распотрошила тючок с одеждой, сунула один плащ Сереге, другой накинула на себя. Посмотрела на карлика и качнула головой.

— В трактир пойдём вдвоем, сэриога.

Она решительно рванула к лазу-выходу, и запыхавшемуся Сереге ничего не оставалось, как последовать за ней.

У милейшей Клоти явно было волчье чутье. И волчьи глаза. Доблестная леди крупной рысью неслась по городским улицам в почти абсолютной темноте, ориентируясь по каким-то видимым только ей приметам. Серегу, заблудившегося в темноте на первом же повороте, она волокла за собой, крепкой хваткой держа за запястье. Где-то так километре на седьмом, по Серегиной оценке, он начал задыхаться. В легких начали взрываться мириады горячих иголок...

— Добрались! — торжествующе шепнула наконец леди Клотильда и резко затормозила. Серега, не успевший вовремя притормозить, ткнулся носом ей в шею. От кожи одуряюще пахло горячим свежим потом и полыньёю...

Трактир (интересно, это действительно тот самый трактир?) почти весь был темным. Лишь в двух оконцах на первом этаже слабо освещивало. Клоти перемахнула через плетень, Серега тяжело перевалился следом за ней, оцарапав бок об торчащие колья.

— Вначале проверим амбар, — прошипела в темноте Клотильда и вновь куда-то поволокла за собой Серегу, как бычка на веревочке.

Под ноги подворачивались какие-то кочки, грядки. Он спотыкался и чертыхался про себя, но ногами все же безропотно передвигал. Неожиданно его притиснули к бревенчатой стене.

— Они здесь... Сэриога, сам Бог за нас!

Поодаль приотворилась дверь, громко и жалобно скрипнув. Дверь амбара. Темноту прорезала полоса рассеянного, неяркого света.

— Мать Гарди! Пойдемте-ка на двор! Сопровожу уж вас...

Изнутри, хромая, вышли две старухи и укувыляли в темь. Вскоре из темноты донеслось шипение двух мощных струй.

Клотильда дернула его за руку и влетела в столб тусклого света. Серега с запозданием, но метнулся туда же.

Амбар был скупо освещен тремя лампадами, подвешенными прямо к потолку. И до отказа заполнен телами. Везде лежали и спали люди. Прямо на полу, вповалку. Густо пахло застарелым, вонючим потом пополам с грязью и испражнениями.

Леди Клотильда неторопливо вытащила из складок плаща руку с радостно блеснувшим

ножом. Или кинжалом — в этом Серега разбирался слабо. Но оружие было размером со штык от винтовки времен Первой Мировой, никак не меньше. Леди Клоти покачала этим тесаком туда-сюда — как стрелкой метронома поработала. Только без щелчков. Но зато это было гораздо более наглядно.

Из кучи тел, настилом покрывавших пол, поднялось несколько личностей с заспанными лицами. Сон с них тут же испарился, и осталось только замороженное выражение испуга. Без всякого звукового сопровождения — личности попались неглупые.

— Идите и найдите его... — вполголоса прошипела леди Клотильда, не переставая поигрывать ножом.

Из темноты, шаркая, возвратились старушонки, равнодушно протиснулись мимо них. Ножа в руке леди Клотильды они, похоже, не заметили. Подслеповато спотыкаясь о людские тела, начали разыскивать свои места на амбарном полу. Серега устремился за ними.

Под ним ворочались и вскрикивали во сне вонючие, завернутые в грязные лохмотья тела. Он пробирался по этому живому ковру, время от времени наступая на чьи-то конечности. Искал глазами ребенка и никак не мог найти. На глаза не попадалось ничего, что могло бы напоминать своими очертаниями детское тельце. Он дошел до торцевой стены амбара, следуя за ковылявшими старухами. Похоже, в этой половине мальчика не было. Серега повернул назад, по пути еще раз порыскав глазами по людской массе. На всякий случай.

В глаза ему неожиданно бросилась громадная туша, привалившаяся к стене чуть поодаль. Что-то было в этом силуэте такое знакомое... Неужто старуха? Бог ты мой, и как он не заметил раньше эту гору сала?! Старуха!!!

Перепрыгивая через два-три тела и безжалостно отдавливая все, что попадалось по пути под ногу, он подлетел к бочкообразному силуэту и рывком нагнулся над ним. Старуха глядела снизу испуганно, толстые, как олады, губы тряслись на заплывшем жиром лице. Почти погребенный под ее животом, между ней и стеной лежал мальчишка. Задыхающийся и трясущийся.

Серега с рычащим звуком выдохнул и выхватил Мишку из цепких объятий старой гадины.

Сзади с радостным ревом примчалась леди Клотильда, оттеснила его и склонилась над старухой.

— А-ах ты! Сказано в Заповедном — время давать обещания и время их выполнять! Первое времечко у нас с тобой уже было, а сейчас настало и второе!

Амбар заполнил дикий, нечеловеческий крик. Точнее, визг. Серега, прикрыв уши ребенка ладонью, заторопился к дверям амбара.

— Прикройте дверь снаружи, любезный друг мой! И подождите там! Я тут немножечко задержусь! — счастливо выкрикнула ему вслед Клотильда, дорвавшаяся до увлекательнейшего процесса воспитания холопской массы действием. Макаренка феодальная...

Серега вылетел из амбара с Мишкой на руках, захлопнул за собой скрипучие двери и прислонился к ним спиной. Сзади в амбаре стоял многоголосый испуганный рев. Стены амбара вибрировали.

Дитя жестокого времени, напомнил себе он. Вместо мультиков у нее были публичные казни. Вместо деревянных игрушек — железные и непременно с режущими краями. Она наверняка зубрила способы примерного наказания смердов вместе с правилами примерного

поведения за столом. Она не виновата, она отродясь такая... Истошные крики лезли в уши. Даже зубы от них, казалось, дребезжали.

В спину толкнулись створки дверей, он успел отскочить. Из амбара выскочила Клоти, от нее густо пахло кровью.

— В трактир, сэриога! — патетично возвестила смертоносная дева, краса и гордость средневекового спецназа, называемого здесь рыцарством. И скачками умчалась в темноту.

Вслед за ней из амбара хлынула дурно пахнущая толпа. Взыскующие Благотворной Часовни разбегались тараканами во все стороны, вопя и скуля. Из распахнутых дверей амбара тем не менее продолжали нестись крики и стоны. Там, как обреченно сообразил Серега, остались те, кому добрая леди сделала то самое... “руки колечками”.

Мишка прижимался к нему так сильно, что Серега даже забеспокоился — а вдруг задушит? Зато наконец прекратил дрожать и задыхаться. Тельце было абсолютно невесомым, под пальцами торчали сплошные ребра и позвонки.

— Опять не кормила, с-стерва... — глухо пробурчал Серега и уловил плечом ответный согласный кивок Мишки.

Впереди, за окнами трактира медленно разгоралось зарево. В сияющих сполохах за окошками видно было, как проносится среди огня грозная фигура с воздетым кверху мечом. Похоже, леди Клотильда воссоединилась-таки со своим мечом. Одним из двух. Памятуя продувную рожу трактирщика, можно было не сомневаться, что и второй меч тоже был обнаружен Клотильдой в трактире. За что ему и предстояло сейчас поплатиться. Отдал бы барону, и гоняла бы его сейчас леди Клотильда всего лишь своим тесаком...

Двери трактира жалко и косо висели по обе стороны дверного проема, снесенные со своих петель. Трактирную залу озарял огонь, разгоравшийся вокруг сбитых на пол подсвечников. Леди Клотильда в данный момент была занята спуском с лестницы жалко скулящего трактирщика. Несчастное создание катилось по ступенькам в обществе нескольких внушительных тюков. В коих Серега с умилением опознал имущество их милой компании.

— Сэр Сериога! Я же говорила — зажулил чертов пройдоха наши пожитки, не сдал их барону! У нас снова есть наши мечи!!! — возопила леди Клотильда и победоносно вскинула вверх руку. Светло и жадно блеснуло длинное плоское лезвие эльфийского меча. Над правым плечом леди нависала крестообразная рукоять ее собственного меча, доставшегося, как уверяла Клоти, ей от предков и, очевидно, по причине почтенного возраста отошедшего на роль запасного.

Изо всех углов торчали ноги. Тела милосердно были прикрыты от Серегиного взора столами и полустянутыми с них скатертями. На скатерках непринужденными дополнениями красовались теперь огромные кровавые пятна, как припомнилось Сереге, прежде в дизайне отсутствовавшие.

— А по углам кто? — не удержался от вопроса крайне впечатленный этим живописным интерьерчиком Серега.

Леди Клотильда туманно ответила:

— Ходят тут всякие... Вышибалы, что ли... Но мозги у них еще до меня были вышиблены, это точно! Потому как на меня полезли... Ну мне и восхотелось проверить, остались у них в черепах еще мозги или нет...

— Ну и как, обнаружилось что-нибудь при вскрытии? — живо заинтересовался

вопросами местной анатомии Серега.

Леди Клотильда, не ответив, царственно ступила с последней ступеньки на пол трактира и пнула трактирщика под зад, направляя его к выходу. Толстяк дернулся вперед, запутался ногами в собственных полуспущенных штанах и шлепнулся животом на пол, с хрустящим звуком хряснувшись носом о доски. Леди Клотильда хмыкнула и потянулась было к трактирщику, намереваясь помочь тому подняться на ноги. По-своему помочь. Уже прицелилась было кулаком...

И застыла в неловком наклоне, завороченно уставившись глазами в один из углов. Во что-то находившееся прямо за Серегиным правым плечом.

Серега обернулся.

Из тьмы, рассеиваемой багровыми сполохами пожара, столбом пламени надвигалась на них какая-то неясная фигура. Черные, до жути живые и даже влажно блестящие глаза фигуры глядели из глазниц, обрисованных оранжевыми жгутами пламени. Рот был прорезан в пламени дрожащей черной щелью.

Призрак, сотканный из пламени, осторожно обогнул остолбеневшего Серегу и поплыл на леди Клотильду. Взвизгнув, откатился с пути огненной фигуры жирный трактирщик. С запозданием отдернутый зад закурился синим дымком. Тюки откатились вместе с ним — даже насмерть перепуганный, толстяк памятовал, что чужие вещи есть не что иное, как подаренное тебе Богом твое собственное и кровное.

Леди Клоти надменно выпрямилась и с царственным... нет, императорским достоинством дожидалась теперь приближения огненного гостя. Меч, зажатый в медленно опустившейся вниз руке, скрипуче царапнул кончиком лезвия по полу.

Фигура приближалась. Лицо Клоти сияло в огненной ауре сочных ало-оранжевых отблесков, неправдоподобно спокойное и какое-то... покорное. Такого выражения на ее лице Серега никогда еще не видел. Невероятно было предположить такое, но она, похоже, ничего не собиралась делать. Ничего?! Просто стояла и ждала, как обычная овца на бойне?!

В воздухе потянуло паленым. Мишка беспокойно ворохнулся на его плече. Серега, не веря своим глазам — сторит ведь к черту, супервумен эпохи развитого феодализма! — нашарил свободной рукой на ближайшем столе кувшин с какой-то жидкостью, гадостно пахнувшей. И швырнул кувшин в пылающего призрака.

Уши заложило от нестерпимого визга, полоснувшего по барабанным перепонкам. Яростно зашипев, вверх рванулся клуб вонючего белого пара. Запахло перестоявшим загнивающим пивом. Леди Клоти, чертыхаясь, терла глаза. Фигура из языков пламени, кучеряво прогибаясь и свиваясь, подобно металлической стружке, плывущей из-под резца, охала и стенала. Гулким, ухающим басом. И одновременно отодвигалась от леди Клотильды.

— Ты!!! — не своим голосом взвыла только что спасенная дама и обвиняюще ткнула в Серегу вытянутым до переизгиба пальцем. — Ты!!! Что ты наделал?! Поднял руку на огненного вестника! Да как ты посмел!!!

Серега оторопело моргнул. Выходит, он еще и виноват в чем-то? Огненный вестник, перестав кукожиться, начал грозно наезжать на Серегу. В самом прямом смысле.

— Ты... — сыпучим песком зашуршало из черной прорези рта. — Ты... Меня облил...

— И еще оболую! — пригрозил Серега, предусмотрительно отступая в направлении крыльца. Там, возле дверей, стояла бочка с водой, и рядом кто-то заботливый повесил на перильца ковшик.

Фигура нерешительно замерцала.

— Ты — безбожник? — нервно предположила черная щель рта.

— Я атеист, — гордо сказал Серега и, вспомнив редкие (по причине малой эффективности) материнские попытки обучить его молитве “Отче наш”, добавил: — Наполовину. А наполовину верующий. Но это на другую половину. Только вот вы, батенька, в нашем штате святых никак не числитесь. Так что с любой стороны — горелка ты мерзопакостная, да и только.

Фигура медленно отделила от своего силуэта короткую полыхающую оглоблю, обозначавшую, похоже, у этого миляги руку, и уперла ее в обвинительном жесте в сторону Сереги.

— Ты... Когда придет твой час, не ожидай кого-либо из нас, дабы спросить, куда направится... будет направлен твой дух — в ад или рай... Отныне и навечно... обречен ты скитаться неприкаянным духом по брэнной сей юдоли! Мое проклятие на тебе!

Угрожающе отшелестев эту тираду, пламенный призрак пропал. Исчез. На деревянном полу осталась черная выжженная полоса, ломаным зигзагом указующая траекторию его движения. В воздухе... нет, в воздухе от него не осталось решительно никаких следов. Потому что и так пахло гарью — от входящего в силу пожара. Трактирщик и леди Клотильда, стоя посреди языков пламени, таращились на Серегу с немалым почтением и немым ужасом. Глаза у обоих были восхитительно округлыми и выпученными, словно две пары прилепленных к лицам кофейных чашечек с радужками на донцах.

Серега прижал к себе Мишку, тот слабо всхлипнул у него на плече. Ребенка надо бы покормить, подумал он. И вообще, надо сматываться, некогда тут в гляделки играть.

— Леди Клотильда... — Он кашлянул. Неудобно было все же как-то... подгонять ту, которая допрежь всегда и во всем его подгоняла. — Короче... не пора ли нам пора?

— Милорд герцог Де Лабри... — выдохнула мускулистая дева. И не только мускулистая, надо отметить, но еще и очень красивая. — Милорд, вы спасли меня и этим обрекли свою душу на вечное проклятие! Не знаю, как там теперь насчет меня, но к вам-то уж огненный вестник никогда больше не заявится!

Вот уж, действительно, напугали так напугали...

— Вот и прекрасно! — раздраженно заявил Серега ошарашенной неведомо почему до глубины души леди. Лично его тот факт, что больше он с этим ходячим факелом не встретится, только радовал. — Я, собственно, по нему и не буду скучать. Так мы идем или нет?

Сейчас здесь будет очень душно. И жарко, подумал он про себя.

— Вы прокляты!!! — взорвалась леди Клотильда, раздраженно махнув рукой, меч в ее руке сверкнул кровавой молнией пожарных отсветов. — Неужто это вас не пугает?! Вашему духу не будет успокоения! Это хуже, чем страдания, это... это... Вечное одиночество! Бесконечное! Полная неприкаянность, ждущая вашу бедную душу! Да Господь милосердный!

— Ну и каким же это образом, — Серега возвысил голос, одновременно начав пятиться в направлении крыльца, ибо все это уже начало ему надоедать, — и каким именно местом мой дух будет зависеть от этого ходячего факела? Все это, конечно, крайне интересно, но и только! Нам надо уходить отсюда! От всей этой фигни...

— Он не знает! — радостно взвизгнул расположившийся на полу трактирщик. — Милорд благородный герцог настолько благороден, что даже не соизволит знать об огненном вестнике!

Леди Клотильде, видимо, как раз визга трактирщика и не хватало, чтобы выйти из

ступора. Она размашисто шагнула и вздернула толстяка вверх вместе со всеми тюками. И потащила его к выходу.

— Огненный вестник, сэра Сериога — это... это... это тот, кто является к духу каждого умершего сразу же после смерти. Он вопрошает и судит... Судит и вопрошает... И после всех этих судов-разборов относит... или просто посылает дух либо вниз, либо вверх. Кому как повезет. И смотря в чем повезет — в грехах или добродетелях. Но вам, мой бедный друг, теперь уже не повезет никак. Проклятие на вашей душе... Ради меня... Ради меня?! Гм... А ведь еще есть леди Эспи...

Сергея, уже стоявший на крыльце, удивленно глянул на нее:

— Но ты... То есть вы! Вы же едва не сгорели!

— Очевидно, чаша грехов моих оказалась переполнена. И огненный вестник милостиво порешил, что лучше уж прямо сейчас отправить меня в рай, чем... чем вообще никогда.

— Для того чтобы тебя отправить в рай, — сурово заметил Сергей, — надо сначала изъять отсюда, из мира живых. А судя по тому, как вела себя эта головешка, тебя... вас просто-напросто собирались сжечь. Заживо!

Леди Клотильда, ничуть не озабоченная тем фактом, что только что чуть было не превратилась в шашлык, хладнокровно выволокла тушу хозяина на крыльцо.

— Ну и что с того? Пламя стерло бы с моей души все грехи! Хотя все налипшие на нее, бедняжку, грехи таковы и в таком количестве... М-да. Но вот вы, сэра Сериога! Если не считать того, что теперь мою душу уж точно никак не спасти... если не считать этой мелочи, то вы поступили как истинный рыцарь! Сделали глупость по неведению... Благородство неподдельное вижу я в сем поступке! Подвергнуть свою бессмертную душу бремени вечного проклятия ради спасения жизни... точнее, тела дамы!.. Дамских телес!

За оградой трактира тревожно перекликались наконец-то проснувшиеся и сбежавшиеся на шум и свет соседи. Клоти вывела из конюшни своего жеребца и Серегину гнедую коняку, начала быстро их седлать. Следом за ней и конями из конюшни выбежал пони Слуди, принялся радостно тыкаться мордой во всех.

— А что теперь будем делать? — тревожно поинтересовался Сергей у всезнающей леди Клотильды.

Клотильда радостно раздвинула губы в волчьей усмешке, которую сама она, наверно, искренне считала улыбкой:

— Надоел этот вшивый городишко. Хочу за ворота, на свободу! Дорога — вот истинный рай для странствующего рыцаря! Сейчас я им... Я им еще кое-что... Попрыгает еще этот баронишка по своему городу, аки паленый заяц! А мы тем временем...

Сергей сделал испуганные глаза и отчаянно закивал в сторону живого, до определенной степени невредимого и очень даже активно их слушающего трактирщика.

— Ах, это...

Клоти сдернула с трактирщика тюки, покидала их на своего и Серегоного коняг. Протянула руки, ласково взяла трактирщика за уши. И небрежным движением свернула тому шею. Обмякшее тело водяным пузырем плюхнулось на землю.

— Вот и все дела... Поехали, сэра Сериога!

Она толчком взмыла в седло своего вороного зверя. Втянула вверх за воротник Серегу.

За воротами стояла реденькая толпа. Соседи заботливо сбежались поглазеть на пожар. Вороной жеребец, явившийся из объятого пламенем двора, разнесший по пути створки ворот одним мощным ударом копыта, сильно и заметно порадовал их взоры. Толпа разразилась

восторженно-испуганными охами и ахами.

— Ниц перед герцогом Де Лабри! — громовым голосом взревела леди Клотильда и сдавленно прыснула. Толпа покорно повалилась на колени. — Он явился к вам, дабы восстановить справедливость! И он ее восстановит! Трепещите все, кто не чист душой! Он пришел, чтобы вернуть себе свои незаконно отнятые владения! И наказать вора и бандита Квезака! Он вновь принес с собой Проклятие Отсушения! Только теперь оно падет на головы тех, кто не уверует и не признает законности своего законного властелина! Бойтесь, бойтесь!

Застоявшиеся кони весело умчались в ночь, забросав толпу комьями грязи.

Амбара они достигли быстро — все ж таки верхом ехали. Леди Клотильда спешила и благородно помогла сделать то же самое Сереге (он, правда, не спешился, а самым банальным образом сполз по конскому боку, цепляясь за потник). Мишка, вцепившийся в его шею как клещ, удержался на его плече. Его, впрочем, оттуда не сбросило бы и землетрясение — хватка была крепчайшая. Клотили и Серега завели коней в заросший лопухами проулочек рядом с тайной дырой, где прятались беглецы. Леди Клотили нырнула в потайное подземелье.

Из незакрытого отверстия доносились шум, скрежет, ворочанье. Через некоторое время оттуда начали появляться все те, кто там был, — Слуди со спящим Микошкой на руках, уродливо улыбающийся карлик. Выползла леди Клотили и выволокла за шиворот страдальца-лекаря.

Слуди с готовностью и даже с радостью взобрался на своего пони. Слава богу, мини-лошадка всю дорогу бежала за их кавалькадой и умудрилась добраться до самого амбара, так и не отстав. Леди Клотильда вновь забросила Серегу в седло, со всей осторожностью загрузила карлика на круп коня позади Сереги. Тот сразу проворно обхватил Серегу за пояс, от него на Серегу уже привычно пахло давно не стиранной одеждой. Лекаря леди закинула на своего вороного. Быстренько пристегнула к седлам всех трех коней какие-то загадочные сумы, вытащенные из амбара. Птицей взлетела в седло сама. И кавалькада рванула с места...

Конь леди Клотильды шел странной, удивительно ровной рысью. “Иноходь”, — припомнил, порывшись в памяти, Серега. Спецаллюр для дам и увечных... Но прежде этот вороной зверь так не ходил. Видимо, перешел на эту иноходь, повинувшись какому-то незаметному знаку леди Клотильды. Заботится о лекаре, догадался Серега.

Кони вывернули с немощных улиц на мощеные. Подкованные копыта гулко загремели по каменной брусчатке. Мимо в полутьме проносились неосвещенные, тихие дома. Сзади, за их спинами, там, где раньше был ТОТ САМЫЙ трактир, разгоралось пожарное зарево. Оттуда неслись отдаленные крики. Видимо, пламя начало перекидываться на соседние дома. А здесь, на улицах, по которым неслись их кони, все было тихо и покойно. Пока тихо...

Они завернули в какой-то крохотный переулочек. Конь леди Клотильды остановился резко, мгновенно застыл статуей — конной статуей на каменной мостовой. Клотили что-то прошипела в темноте, и Серегин конь вместе с пони Слуди тоже встали как вкопанные. Клотильда тенью соскользнула на землю.

— Стойте здесь, — негромко, но с четко слышимой командирской ноткой сказала леди-цветместногорыщарства (в смысле, цветов местного рыцарства).

И растворилась в темноте.

— Слуди! — шепотом позвал Серега. В темноте цокнули копыта — гном подъехал поближе.

— Че, хозяина-герцога?

— Слуди, у тебя были эти... пряники. Дай, что ли.

Гном засопел в темноте, завозился.

— Твоя ребенка тоже голодный? На.

Сереге выловил у своего бока корявую пятерню с липкими кругляшами, выбрал оттуда три пряника, нашел еще и одно яблоко, взял. Сунул все это в Мишкину руку. Тут же раздалось жадное, захлебывающееся чавканье.

Далеко впереди кто-то жалобно и тонко вскрикнул, затем сразу же полыхнуло новое зарево. Прямо перед ними. Спецназ на тропе войны...

Оказывается, перед ними простиралась городская площадь, довольно большая, окруженная приземистыми фасадами двух— и трехэтажных домов. В центре площади торчал указующим пальцем громадный и толстенный (в три обхвата, не меньше) столб. Перед ним жарко полыхала внушительная куча каких-то жердей пополам с тряпьем. Рядышком вольготно и непринужденно располагалось несколько трупов. В отсветах пламени взблескивали кольчуги, натянутые на неподвижные тела, отсвечивали алыми молниями мечи бедолаг, воткнутые кем-то заботливым и аккуратным в груди их бывших владельцев. Чувствовалась чуткая рука леди Клоты... Сереге поискал ее взглядом и нашел. Черный силуэт, пауком ползущий по столбу. Взмах крохотной с такого расстояния руки — и на столбе осталась какая-то серебрящаяся в свете пламени бляха. Паук соскользнул со столба.

В бок Сереге что-то ткнулось.

— Молока, — довольно сказал Слуди. Пальцы Сереге нащупали фляжку. Он принял, отвинтил крышечку, впихнул флягу в трясущиеся руки мальчонки. Прислушался к довольному чмоканью. Сбоку серой тенью вынырнула леди Клоты.

— Сэр Сериога! Нет, скорее это к вам... э-э... достопочтенный текули. Или к вам, достопочтенный лекарь. Есть ли в городской стене место, где можно выскользнуть из города? Какие-нибудь ворота, где охраны поменьше, да и та все время в шпору пьяная?

— Скотские ворота... — крикнуло из-за Серегинной спины. Голос принадлежал карлику.

Лекарь, уныло растопырившийся на конской спине позади высоченного рыцарского седла леди Клотильды, подтвердил с высоты вороного битюга:

— Воистину, благородная леди. Скотские ворота, гм... Там поблизости пруд, куда стекаются нечистоты со всего города, и ворота, через которые вывозят дохлый скот, казненных и прочие отходы... Посему охрана там из самых... самых... таких, про кого не жалко будет услышать, что он спяну в пруде нечистотами захлебнулся. Только хочу предупредить, что амбре там такое, что и охраны, если подумать, никакой не надо.

— Ничо... — великодушно разрешила леди Клотильда, — пусть воняет. Мы, рыцари, тоже, если подумать, не фиалками благоухаем...

— Припоминаю поговорку, — живо откликнулся лекарь. — Воняет, как от странствующего... Ох, простите, милостивая леди... Я ничего такого не имел... Возраст, заговариваюсь, знаете ли, вот и...

Клоты оглушительно фыркнула. Сереге даже показалось, что одобрительно...

Они вновь неслись в полной темноте. Серегин конь ровно держался за хвостом вороного, выглядевшего во тьме просто чернильной тенью. Он в душе вознес горячую благодарность леди Эспи за то, что подобрала для него такого умного и выученного конягу. Гораздо более умного и выученного, чем он сам. Вот он бы в такой темноте сразу же отстал и заблудился...

Где-то через три-четыре минуты, пройденные на хорошей, размашистой рыси, нос стал ощущать неприятные ароматы. Через пять минут вонь уже шибала в нос. Через шесть у Сереги защипало глаза.

Они миновали район, застроенный ветхими одноэтажными домишками. Большая часть из них вросла в землю чуть ли не по самые крыши. Свернули на земляную насыпь, подковой огибавшую ровное зеркало громадного водоема. В неподвижной воде отражались звезды, светившие блеклым светом с безлунного здешнего неба. А еще от воды пахло. Непереносимо. Грязью, гнилью, испражнениями... Только бы Мишку не стошнило. Он, как назло, еще и поел только что...

Насыпь вывела их к бревенчатым воротам, скудно освещаемым подвесным фонарем. Из сторожки, стоявшей рядом с воротами, доносился густой храп и тек рекой не менее густой сивушный аромат. Перепойная вонь заглушала даже убийственные ароматы пруда.

Клоти прыгнула на землю и уже было изготовилась привычно испариться в темноте... Но вдруг остановилась. Похоже, даже задумалась о чем-то. О горе, ведь сейчас темно, и ему, Сереге, не судьба видеть эпохального морщенья гладкого лба...

— Сэр Сериога! Вам следует пойти со мной. Пора вам начать хоть чему-то у меня учиться.

Вот те раз! Вот те два...

Серега с самыми дурными предчувствиями передал вздрогнувшего Мишку в руки карлика. Неловко прыгнул на землю.

Клоти ухватила его за плечо и потащила за собой,

— Кинжал с вами, сэр Сериога? Нет?! О дьявол! Вот вам мой. Нет, вас и в самом деле любая вошь может до смерти закусать, а вы и сапог вовремя не успеете нашить, чтобы прибить ее...

Она впихнула ему в ладонь удобную округлую рукоять с углублениями для пальцев, подтащила к дверям сторожки.

— Значит, так. Я выбиваю дверь и стою на входе. На тот случай, если кто-либо сумеет избежать вашего удара и посмеет выскочить наружу с подлым намерением поднять тревогу. Вы, сэр Сериога, как только я открою вход, влетаете вовнутрь и каждого... Но по очереди. Они там все равно валяются бесчувственные, пьяные, как оглобли на ярмарке. Пшел!!!

Сереге не хватало воздуха, его мутило — от вони, от ужаса перед тем, что ему предстояло. Леди Клотильда неожиданно повернула его к себе, взгляделась в лицо, едва освещенное качающейся на ветру лампой.

— Значит, так. Если мы сейчас не пройдем через эти ворота, то не пройдем уже никогда. Этот ваш мальчишка-слуга и младенец на руках у Слуди — оба погибнут той смертью, какую изберет для них барон Квезак. Вкусы у него в этом плане весьма разносторонние... В сторожке — воины, обученные убивать. Они непременно постараются убить вас или отловить живым ради маврикиев господина барона — как только отрезвеют. В этом жестоком мире — или мы, или они, сэр Сериога. В данный момент наша судьба в ваших руках. Я понимаю, что это могу сделать и я, но... Может случиться так, что я буду не в форме, и вам придется взять на себя заботу о нашей безопасности. Пора учиться. Перед вами не люди, это всего лишь самые безопасные манекены, каких я смогла найти. Крепче держите нож, сэр Сериога. Бейте в незащищенные участки — шею, левую сторону живота, если на них нет кольчуг. Но лучше в шею. Избегайте бить в голову или в ребра — лезвие может застрять. Помните — наши жизни висят сейчас на острие вашего кинжала... Вот теперь —

пшел!

Ударом ноги она выбила дверь сторожки и толчком в спину послала Серегу вперед.

Он сразу же наткнулся на чье-то тело, безвольно распластавшееся по подобию нар. Пружина ужаса, до предела закрученная в нем самим словом “убийство”, туго дрожала внутри. Но была в ней трещинка, была. Он должен. “Идет война, слышите? И чтобы выжить надо победить!”

Пальцы левой руки нащупали незащищенную ключицу. Он выдохнул, почувствовал, как на глаза наворачиваются непрошеные слезы, сориентировался во тьме сторожки относительно положения тела. И с размаху вонзил лезвие в ямку над левой ключицей.

Попал. Единственный звук, который раздался после удара — жалкий клопочущий всхлип, — утонул в густом храпе тех, кто пока еще был жив. Серега шагнул вперед, слепо нашарил руками две пары сапог по обе стороны от себя. Одна пара, та что справа, беспокойно ворохнулась. Серега метнулся, торопясь успеть к незащищенному горлу и четко понимая, что шансов у него не так уж и много. А если бы этот детина был хоть чуточку менее пьян...

Он успел. Стражник только-только начал подниматься на локтях. Он полоснул кинжалом по горлу, как советовала леди Клоты. Послышался булькающий хрип. Все.

Хрип перешел в мерное бульканье. Господи ты Боже мой... Я — здесь?! Или это все-таки мне снится...

Пустой желудок висел тугим, болезненным комом внутри. К горлу изнутри подступало горькое жгучее месиво, рот свело судорогой. Сквозь шум в ушах он услышал, как вторая пара сапог прогрохотала мимо него к выходу. Но сейчас ему было на это наплевать, у него на руках была кровь, липкая, сладко пахнущая. Человеческая кровь. На ночном сквозняке кровь быстро стыла, стягивая кожу...

Кто-то выволок его наружу и пихнул в спину, заставляя нагнуться. Его вырвало. Он кое-как отдышался, дрожащей рукой нащупал рядом осклизлую стенку и оперся на нее. Нога подгибалась. Черт... Нет, о Господи...

— Сэр Сериога! — Рядом раздался треск. Клотильда преспокойно отодрала длинную полосу ткани от какого-то куля на земле, не слишком заботливо утерла ему лицо. — На коня. Проезд открыт.

Куль на земле был стражником. Тем самым, которого угораздило протрезветь раньше, чем дрожащие Серегины руки добрались до него. Именно угораздило, сказать “повезло” в такой ситуации язык не поворачивался. Учитывая, что на выходе его ожидала леди Клотильда. Как мило. Акела на охоте. Акела никогда не промахивается...

За воротами расстилалось темное, бескрайнее поле, сверху укрытое почти таким же темным небом. Они — на свободе! Ни подземелий барона Квезака, ни тайников печально кончивших в конце концов барраядли. Только дорога. “Путь на юг, юный друг, он для нас вечно нов...”

Сытые, явно бездельничавшие и объедавшиеся все то время, пока хозяева томились по подземельям, кони шли радостной рысью. Черный жеребец привычно вырвался вперед, ведя за собой свой маленький табун, леди Клотильда, невидимой тенью скользившая на своем звере где-то впереди, без умолку рассказывала:

— Мой конь специально выучен идти по дорогам ночной порой. И даже по полям, в полной темноте. Выучка эта мешкотная, но многого стоит. Даже на обочинах попадаются мучачьи норы, а если конь сломает ногу — это уже не конь, сломанная нога у коня — стало

быть конская колбаса... Сия провизия, кстати, удобна в странствиях, ибо не портится. Да, сэр Сериога! Я тут заходила в сторожку после вас...

— И что? — весьма нелюбезно отозвался сэр Сериога.

— Дружище, при всей неопытности и необученности вашей вы рождены для побед, сиречь для убийств... Восхищена! И спешу сие выразить. На каждого пришлось ровно по одному удару, и столь неотразимо и верно нанесены они были, что и не всякий рыцарь смог бы... Благородство крови, сэр Сериога, оборачивается благородством в кровавом деле! Чисто, беззвучно, без излишних страданий для жертвы! Воистину герцогские удары у вас, сэр Сериога! То есть ваша светлость милорд Де Лабри!

— Леди Клоти... Клотильда, хватит, — устало сказал герцог Де Лабри. Мишке всхлипывал во сне, пристроив голову на его левом плече. Рука немного онемела, спину начинало ломить от усталости — многовато сегодня выпало на его долю приключений, что ни говори.

— Будет. Какой из меня герцог Де Лабри — курам на смех. Я им не являюсь. Более того, я даже не менестр...

— Зачем так говоришь! — горячечным шепотом взорвался за его спиной Слуди. — Милорда! Герцога! Эльфийское слово крепко, да. Ты ребенка бережешь. Вот возвратись — будет тебя ждать твоя замка, господина... Вот увидишь...

— Кстати, Слуди, а как же насчет эльфийской мандонады? — не удержался от несколько запоздалого любопытства Серега. — Меня же вроде бы обязывались беречь от убийц, мстить и карать всех посмевших дерзкою рукою на меня, бесценную ягодку, посягнуть... Ну и где же мой конвой?

Клоти фыркнула, конь под ней сделал то же самое. А Серега получил от гнома неожиданный ответ:

— Ты же жив, господина. Стало быть, слово эльфов нарушено не было...

— Собственно, а куда мы теперь направляемся? — робко спросил лекарь. — Какие у вас планы на этот счет, ваше сиятельство? Или у вас, моя наиболее благороднейшая леди?

— Имею я целых два благородных намерения, — добродушно отозвалась леди Клоти. — Первое — изрубить в мясное пюре барона Квезака. Я полагаю, вам, сэр Сериога, никогда не приводилось видеть прелюбопытнейшую “казнь рулетом”? Клянусь вам, лучше меня в этом мире с этим могут справиться только мои братья. Второе намерение — найти укромное место где-нибудь... да хоть бы даже и в лесу, и денька два-три-четыре спать и есть. Есть и спать. Да и вас, сэр Сериога, не помешает поучить кое-чему на досуге. Путешествовать с вами — преопаснейшее занятие! И это при том, что вы всего лишь... менестрель, одним словом. Но как вы умеете влипать в неприятные ситуации и заводить врагов! Благородство вашей персоны для меня теперь несомненно.

— Премного вам благодарен, — немного иронично ответил на это Серега.

— И намереваюсь я твердо выполнить свое намерение и приложить все силы для обучения вашей персоны всем рыцарским премудростям. Бой оборонительный, бой наступательный, разведка боем, упражнения для увеличения вашей физической мощи!

Увы, мускулистая блондинка не знала, за что берется. Сереге как-то сразу вспомнилось печальное... нет, даже не лицо, а скорбный лик их учителя физкультуры из колледжа. Скорбный лик, коим взирал он на Серегины печальные висы на перекладине и зависы на канатах...

— Удачи вам в ваших благородных намерениях, леди, — не удержался от сарказма

Сергеа. — Осмелюсь полюбопытствовать, такие милые предметы, как ваша достоправная “казнь рулетом”, тоже будут входить в этот курс молодого бойца?

— Рыцаря. Не бойца. Бойцы, сэра Сериога, — это... Это детки с арен, где ведутся бои для развлечений. Со ставками. Сие весьма нечестно. Немало благородных людей, сэра Сериога, потеряли там свои состояния и поместья. Бойцов, кстати, там готовят по-разному — кого получше, кого похуже. Смотря для какой роли их готовят — в победители или побежденные. Шуты, развлекающие толпу кулаками вместо бубенчиков...

— Вот и мы, менестрели, почти что тем же самым занимаемся... — посочувствовал на тему дня Сергеа.

Клотильде шутка не понравилась. Она негодуяще фыркнула, ненадолго воцарилась тишина, нарушаемая лишь глухим топотом копыт.

Слева наплывала полоса густо-черной тени. Лес. Высеченный и редкий здешний лес.

— Вот, благородная леди, и место, коего вы желали, — покашливая, деликатно нарушил затянувшуюся паузу лекарь. — Въедем ли мы туда сразу или же проедем еще немного по дороге?

— Не знаю... Как только рассветет и отпертые ворота обнаружат, за нами сразу же пустят погоню. А то и раньше — если барон сумеет каким-то образом освободиться от веревок прежде, чем к нему зайдут за его ночным горшком... Так. От собак в лесу не спрячешься...

— Слуди знает хороший места, — поделился с ними гном. — Спрячут!

— Вот и славно. Веди нас, Слуди.

Слышно было, как вороной жеребец, недовольно фыркая и храпя, уступает нехотя свое место во главе колонны малютке-пони. На скорости их кавалькады это, кстати, совершенно не сказалось. Они влетели в лес и понеслись по дороге — безмолвные тени в ночи. Спасаящиеся от погони.

— Странно! — высказалась вдруг леди Клотильда, царственно выпрямленная спина которой теперь неслась прямо у Сергеа перед глазами. В связи со сменой очередности следования их процессии.

— Что странно? — отозвался Сергеа.

— Столько еду бок о бок с вами, сэра Сериога, — серьезно сказала леди Клотильда, — а ничего не случается.

“Язва”, — горько подумал Сергеа. Но ничего не поделаешь, похоже, что она права. Такое ощущение, что все неприятности в этом мире избрали своим катализатором именно его, Сергеа.

— Ну почему ж ничего не случается, — насмешливо ответил вдруг леди Клотильде лес справа. — Уже случилось, тока вы ведь меня не замечаете, детушки, покуда я вас сам в себя носом не ткну!

“Лесной хозяин”, — опознал знакомый голос Сергеа. И не менее знакомую манеру выражаться. Кони тоже что-то такое в голосе опознали, потому что резко встали и стояли теперь тихо, переключаясь между собой жалобным ржанием. Правда, у битюга леди Клотильды жалобных ноток, пожалуй, все же не было слышно. Так, вселенская печаль...

Глава одиннадцатая

ИСТИНА ГДЕ-ТО РЯДОМ

Истина где-то рядом. Вот только Малдер вечно запаздывает... Серега полулежал в удобнейшем кресле из могучего древесного пня, покачивал в руке простенькую глиняную чашку с бордово-бархатным вином и слушал. Старичка-хозяина. Тот многословно комментировал их похождения по пути в Дебро и в самом Дебро. И под цветистой вязью местных фольклорно-сленговых оборотов не понять было, издевается он или, наоборот, восхищается. Хотя, что б такой субъект — да кем-то восхищался?

— Полселения перекалечили. Пожарищ поразвели! Баронюшку побили. Почему, пошто? А господина палача-то баронского как — ай-яй-яй... В селе, словно драконы свадьбу справили. Крик, ор! И усе за ради двух доходяг. — Старичок брезгливо ткнул подбородком в сторону карлика, вновь погруженного в нирвану общения с костяной безделушкой, и жалко вздыхающего лекаря. — И сопляка. Нахлебников у тебя теперь, чадушко, как у настоящего герцога — прорва... А барон-то как желает тебя найти теперь! Помочь яму, что ли? Хучь маврикиев на старость подзаработаю. Теперича вы усе — денежные мошны об двух ножках. Слыхали, чадушки, барон с час назад объявил — за каждого из вас, включая обоих младенцев, по тыще маврикиев дадут. И обещал добавить, ежели приведут живых. Лично желает ремешки из вас делать...

Леди Клотильда, непринужденно расположившаяся в таком же кресле-пне справа от Сереги, довольно заулыбалась и очаровательно зарумянилась. Как юная девица после цветистого комплимента.

— Даже тысячу? Ах душка барон...

Серега хмыкнул и обратился к старичку:

— Час назад? А вы уже знаете. Значит, у вас хорошая сеть осведомителей. Или только один, но уж очень хороший. Стало быть, и о нашем... помещении в бароновский зиндан вы тоже почти наверняка знали. Так?

— А як же, молодец. — Старичок довольно крякнул. — Почти у тот же самый момент и узнал. А ты чем-то недоволен? Мож, на сидалище тебя, гостюшку дорогого, неудобственно усадили, в заду теперя колет? Ты токма скажи, мы тебе подушечку принесем...

Издевался над ним старичок очень уж как-то по-земному.

— Уважаемый! — Серега покрутил чашку, нехотя глотнул. Мысли в голове крутились самые разные, от “знал и не помог, сволочь” до “а на хрена это ему все нужно было?” — А как же мандонада ваша эльфийская? Знали, но ничем не помогли. А как же быть с мучительной смертью для всех моих ворогов без исключения? Барон вот жив и здоровешенек.

Старичок ответил точь-в-точь, как Слуди ответил ему на дороге:

— Так ты ж живой покеда, детушка! Вот угрохает он тебя, тады и поговорим. С господином бароном. По-свойски поговорим, с заботой об каждом его вздохе...

Серега помолчал, приводя в порядок свои мысли.

— Тем не менее я считаю, что вы несколько уклонились от взятых на себя обязательств...

— Глаголет сэр Сериога истинную правду, — благосклонно подтвердила Серегины слова леди Клотильда и вновь с выражением блаженства на лице окунула губы в вино.

Старичок иронично вскинул косматые брови.

— Вот как? Стало быть, считаете вы, что не сдержали мы слово свое? Оскорбительно сие...

— Ну что вы. — Серега приготовился в полной мере доказать, что папенька-маменька не зря платили деньги за его пребывание в юридическом колледже. Первое правило адвоката — торгуйся. Второе правило адвоката — торгуйся правильно. Третье правило — торгуйся выгодно. А суды — как пушки, должны говорить только тогда, когда все другие способы торговаться уже исчерпаны... — Не то чтобы не сдержали, но... Скажем так — недопоняли всей величины опасности, грозившей нам. И праву моему на владения Де Лабри. Барона это обстоятельство почему-то особенно раздражало... Конечно, он нас не убил, но как быть с тем, что ему до сих пор принадлежат мои, как я понял, села?

Старичок пожевал губами.

— Недогляд... Понадеешься на этих дурней-эльфов... Лады. Именьица возвернем...

— Я не об этом, — неосторожно начал было Серега, но тут же поправился: — То есть это само собой разумеется. Но ущерб, нанесенный мне всеми этими обстоятельствами, должен быть возмещен. По справедливости.

— Воистину так! — взликовала рядышком леди Клотильда. — Сэр Сериога, вы становитесь все благороднее и благороднее в своих поступках и требованиях. Золота с него побольше! Хотя мы можем и в драгоценных камнях взять... За... тьфу, черт, для возмещения ущерба! Вот.

— Сиди. — Старичок равнодушно отмахнулся от леди Клотильды, как от мошки какой-то. Ах да, для него же курица не птица, а женщина не человек. — Куды люди, туды и кобылы... Ладно, молодец. Хитрости твои для меня и не хитрости вовсе. Мог бы я тебя и обмануть, и другое-разное с тобой еще сотворить, но толка в том не вижу. Чего-то ты от меня хочешь, а просто попросить отчего-то не осмеливаешься.

— Герцог Де Лабри смеет все! — мощно взревела леди Клотильда и со стуком уронила голову на морщинистую кору пня, служившего ей лежанкой. Тут же раздался здоровый рыцарский храп.

— Я хочу знать, — Серега набрался смелости и прямо посмотрел в колючие глазки лесного хозяина, — где сейчас король Зигфрид? Что с ним? Хочу, чтобы вы помогли мне найти его.

— Зачем?

— От этого... — Серега приостановился, раздумывая над ответом. Следует ли ему говорить правду, только правду и ничего, кроме правды? Не стоит, решил он. Еще примут за сумасшедшего.

— От этого, — продолжал он, — кое-что зависит. Только он может мне помочь вернуться домой. Звучит, конечно, странно...

— Да что ты, вьюнош, — подозрительно ласково сказал старичок. — Живучи в лесу, каких только глупостей не наслушаешься. По моим-то лесам какие только дурни не бегают... Наперегонки с лосями. Или это тоже лоси? Только об двух ногах. А что касасемо твоево Зигфрида, то помочь тебе найти его — для меня что два пальца обоссать. Твои два пальца, конечно, сам я таких излишеств не терплю... Ты мальчонку-то из замка Баленсиаги уволок? Он и есть твой Зигфрид. Люблю помогать дуракам, особенно ежели это мне ни маврикия не будет стоить...

Серега глянул в угол пещеры, которая стала их убежищем на эту ночь. Там на шкурах и

одеялах, крепко прижавшись друг к другу, спали Слуди, Мишка и Микошка... Точнее, гном, король и бывший оборотень-чудовище...

Его путь домой. Билет лежал в углу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net